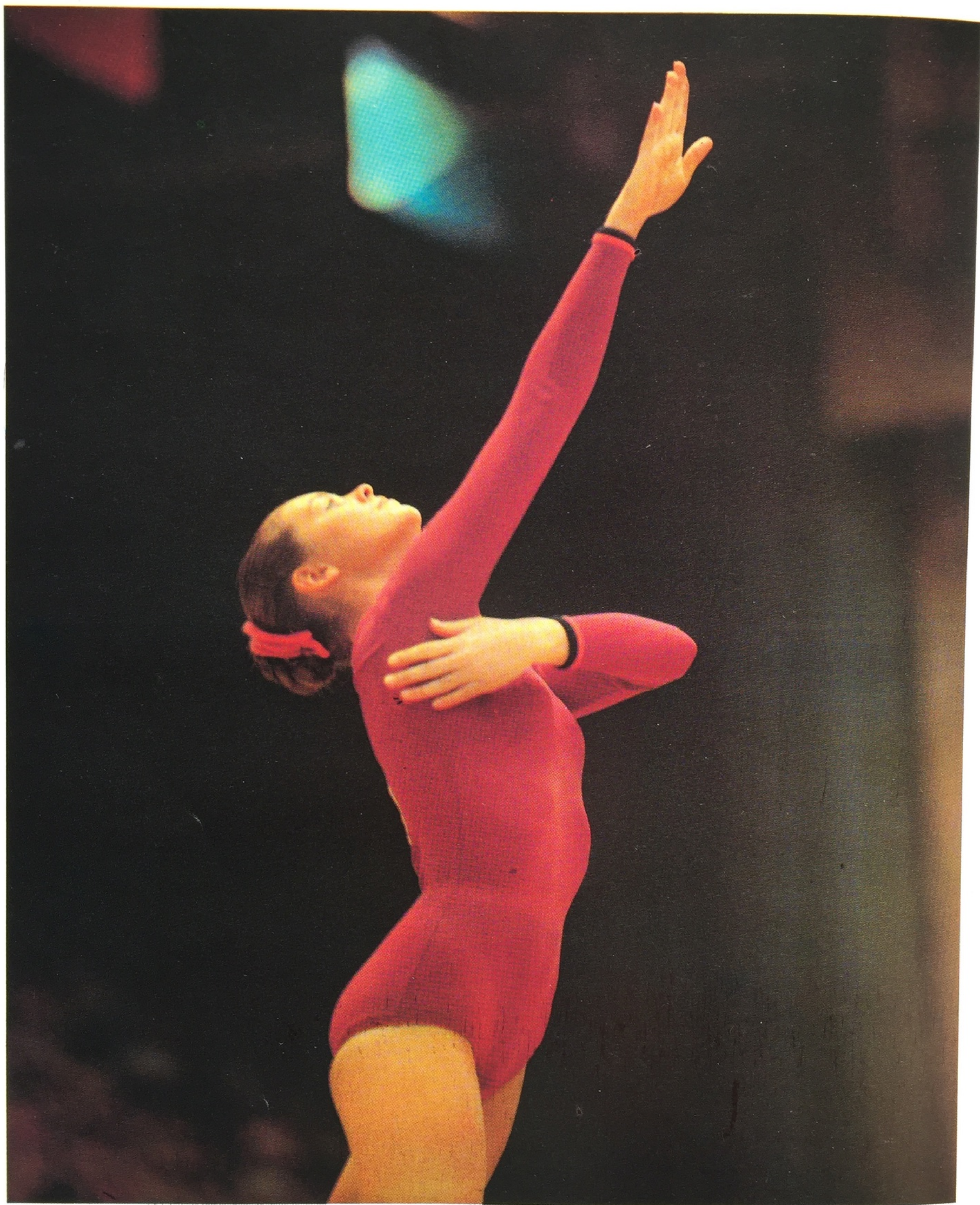

TIME TIMHACTURE

Гимн гимнастике

7A1
75.6
148

ГИМН

Текст
Станислава
Токарева
Фото
Владимира
Сафронова
Оформление
Александра
Буркатовского

ГИМНАЗИЙ

92
А

92
ЦЕНТРАЛИЗОВАН
ВИДОВЫЕ
Содержание
Содержание

080
947

3 9 936(9)

Москва
«Физкультура
и спорт»
1984

1A5

2.25

2.17

Красота

Красота

Что есть красота?

Не сосчитать, сколько раз я видел это зрелище, и тем не менее от него всегда замирает сердце и перехватывает горло, когда из-за кулис спортивного Дворца выходит на помост команда за командой, каждым шагом приближая чудеса, тая их предвкушение.

Белоснежный строй — мужской, разноцветный — девичий. Идут, гордясь статью, высоко неся головы, развернув плечи, оттягивая носки.

Девушки как бы даже чуть пригарцовывают, красуясь.

Вот она — трижды прекрасная, трижды мучительная, ненаглядная гимнастка.

Дорого дается эта сила, эта стройность. Смотрите, как тренер, тесно прижав к себе малолетнее создание его позвоночником-ниточкой, с натугой тянет вверх, к плечу, к самому детскому уху хрупкую ножку, растягивая суставы, загибая пальцы к ступне. Девочке больно,

слезы вскипают на глазах, она постанывает тихонько, а тренер: «Терпи», он сам через это прошел, и его тренер, и тренер его тренера.

Так от века достигается эластичность, послушность мышц, так рождается красота, только так — нельзя иначе.

Помню, как выходила на ковер темнобровая девушка с простым, строгим, ясным лицом. Как взмывала в воздух, распростерши руки — крылья Nike, богини победы.

В ней можно было увидеть комиссара в кожанке из знаменитой пьесы Вишневского, что вела в бой матросский полк, в бой и в бессмертие.

Можно было — комсомолку в красной косынке со стройки тридцатых годов — «Не спи, вставай, кудрявая, в цехах звеня, страна встает со славой на встречу дня».

Можно — бесстрашную партизанку Великой Отечественной войны.

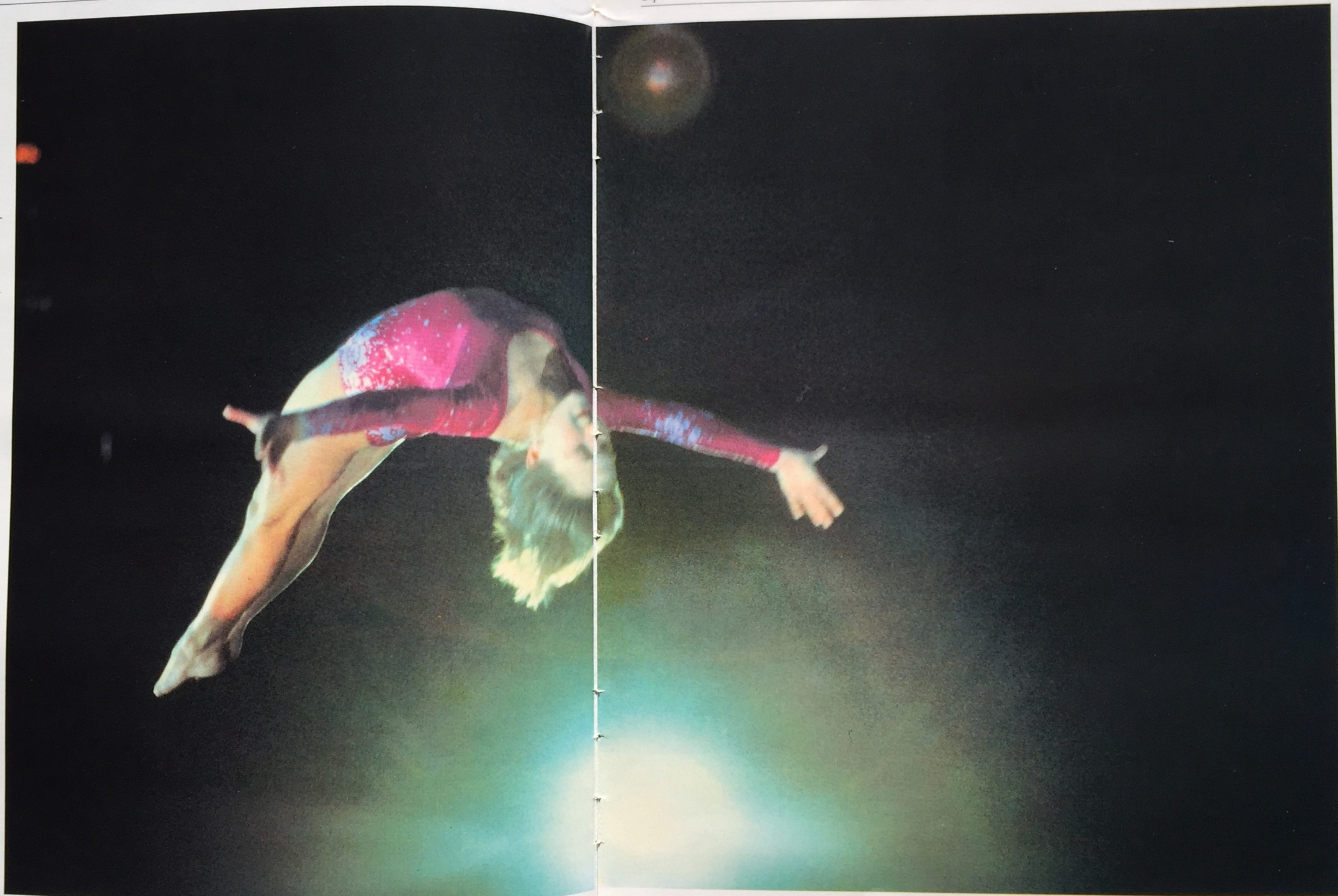
Можно — нашу современницу в

ИСТОРИЯ В КОРОТКИХ ЦИТАТАХ

1926 год. «Выступления, посвященные бруслям, турнику, коню и вольным движениям — как хорошо, что у нас все это давно изжито. Ученые работы ГЦИФК показали нам, что снарядовая гимнастика имеет отрицательное влияние на организм». «Красный спорт».

1926 год. «Физкультурное движение должно быть красивым, танцевальные движения должны быть вместе с тем физкультурными, отбросив от себя все, что не естественно (бегание на носках, акробатизм и т. п.)». «Красный спорт».

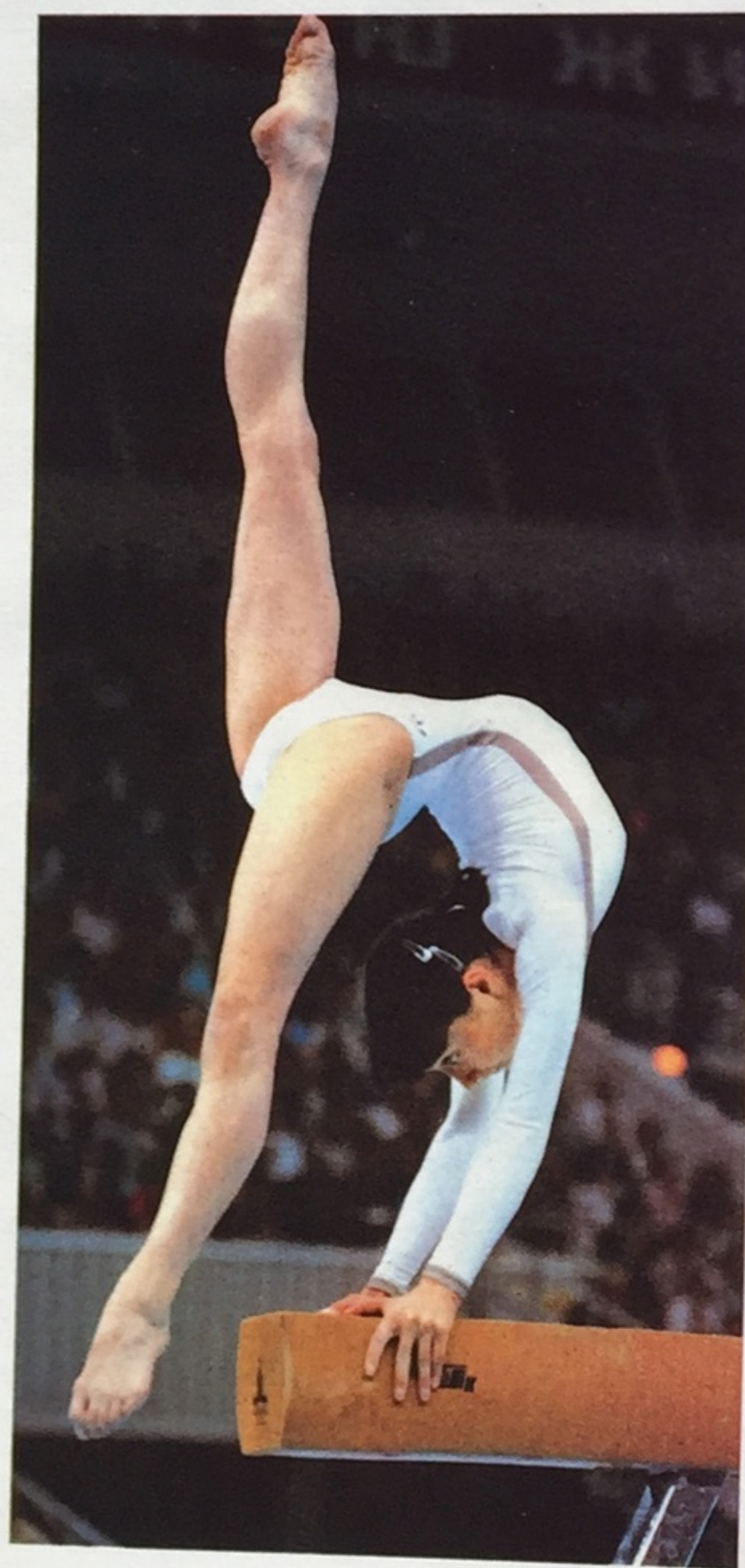
1927 год. «На последнем заседании ВСФК Украины был, наконец, разрешен волновавший всех физкультурников вопрос о введении так называемых «скольских снарядов». Разрешив введение этих снарядов, ВСФК, однако, указывает, что «к занятиям на снарядах могут быть допущены лица не моложе 18 лет». «Красный спорт».

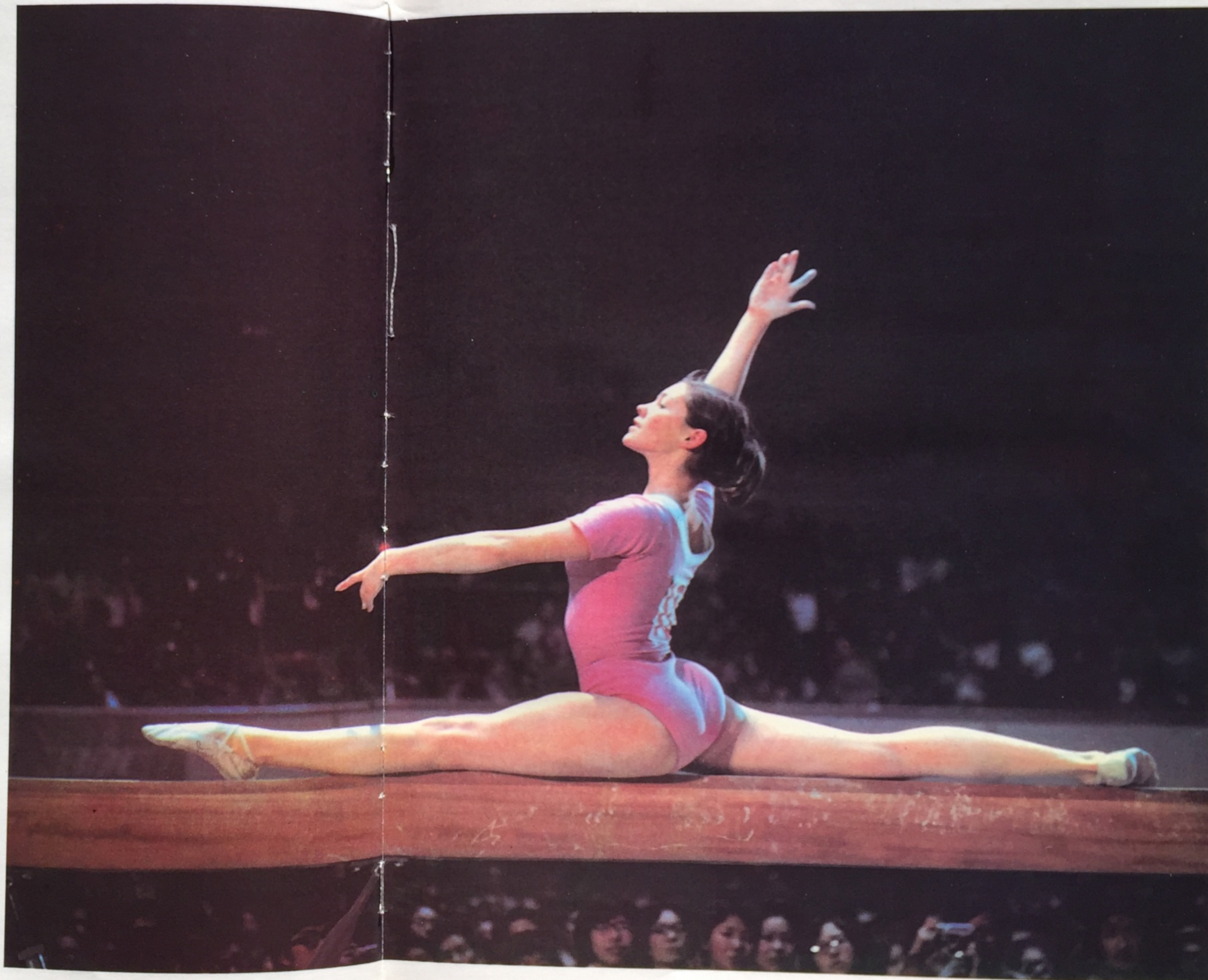
стройотрядовой штормовке с надписью «БАМ».

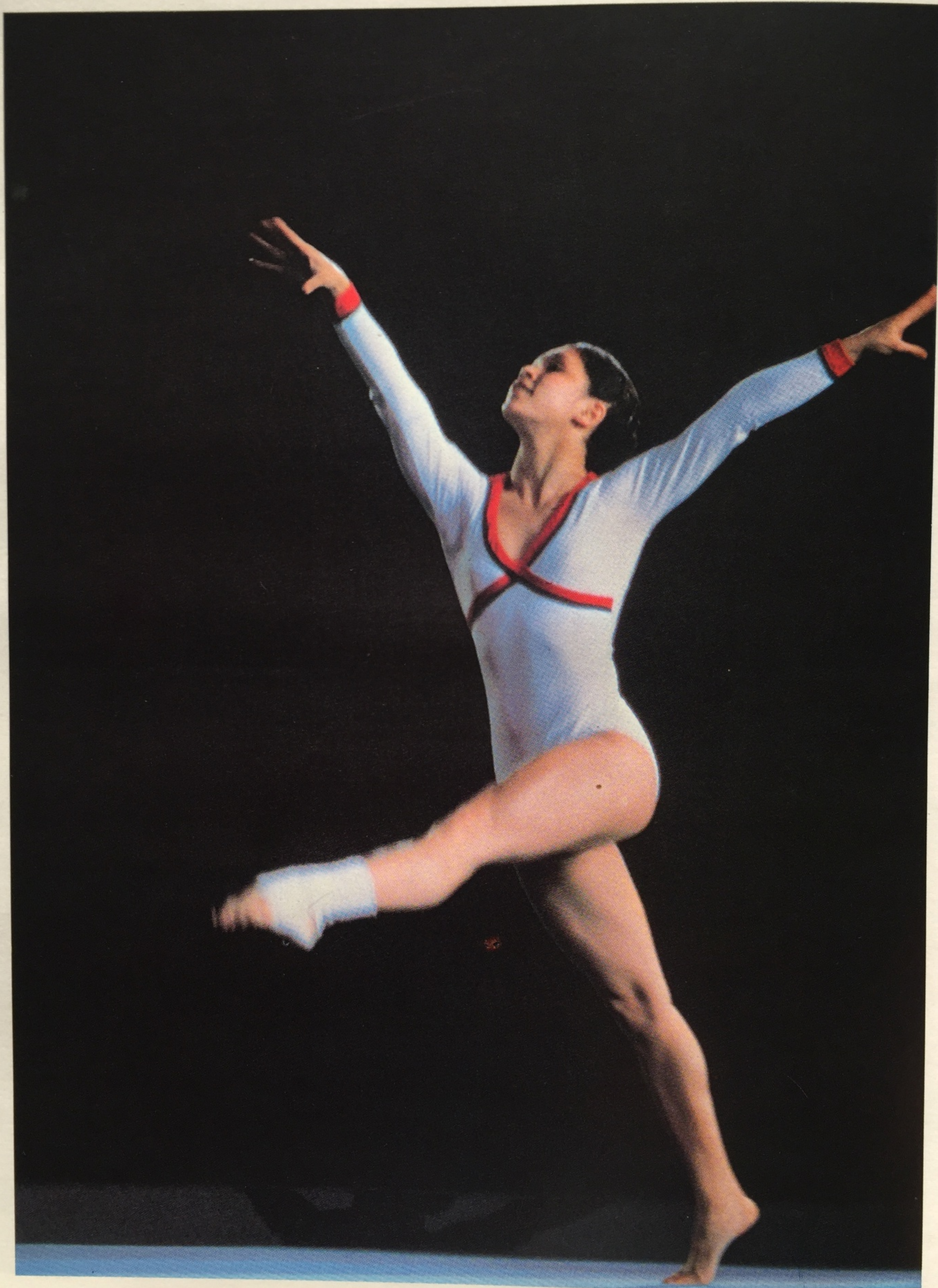
Отвагу и честь, преодоление трудностей и неудержимый порыв в будущее вдохновенно выражали ее прыжки, стойки и перевороты. Оказывается, и столь ограниченными, кажется, средствами можно создать поэму о времени, начертать портрет эпохи.

Но чего ж ей это стоило! Я видел соль пота на спине тренировочной

рубашки, совершенное бессилие распластанного навзничь тела, когда гудом гудят мышцы, а надо снова — просто на стоялочках — вверх-вниз — нескончаемо.

И, три теплых костюма на себя натянув, круг за кругом по дорожке. Зима, а пар валит от заиндевелых плеч. У тебя лишних каких-нибудь двести граммов, и каждый — помеха столь совершенному владению телом.

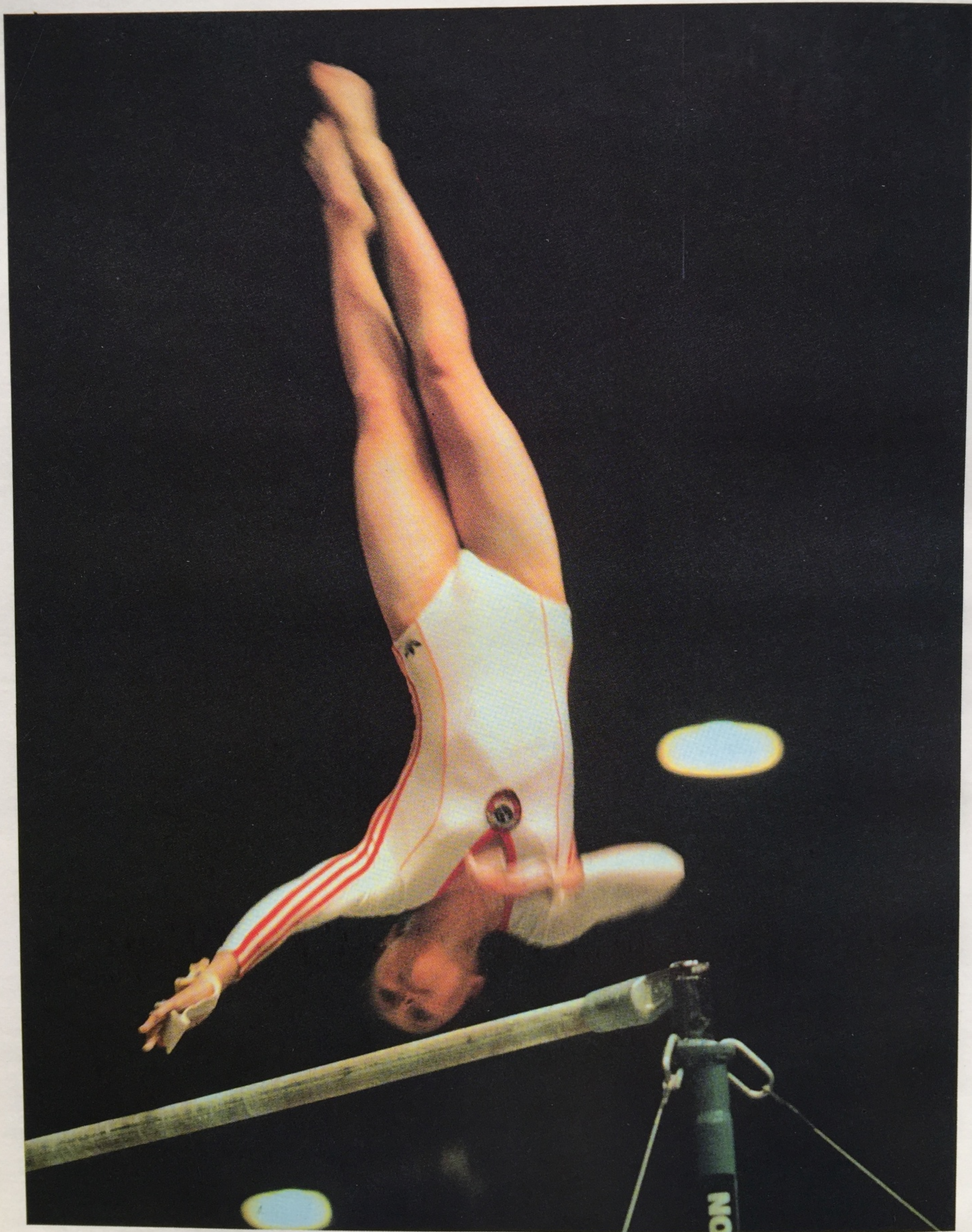
Да, сладкой «каторгой» был путь чемпионки, путь Людмилы Турищевой, через тернии вел он ее, как ведет любого гимнаста, если цель — через тернии к звездам.

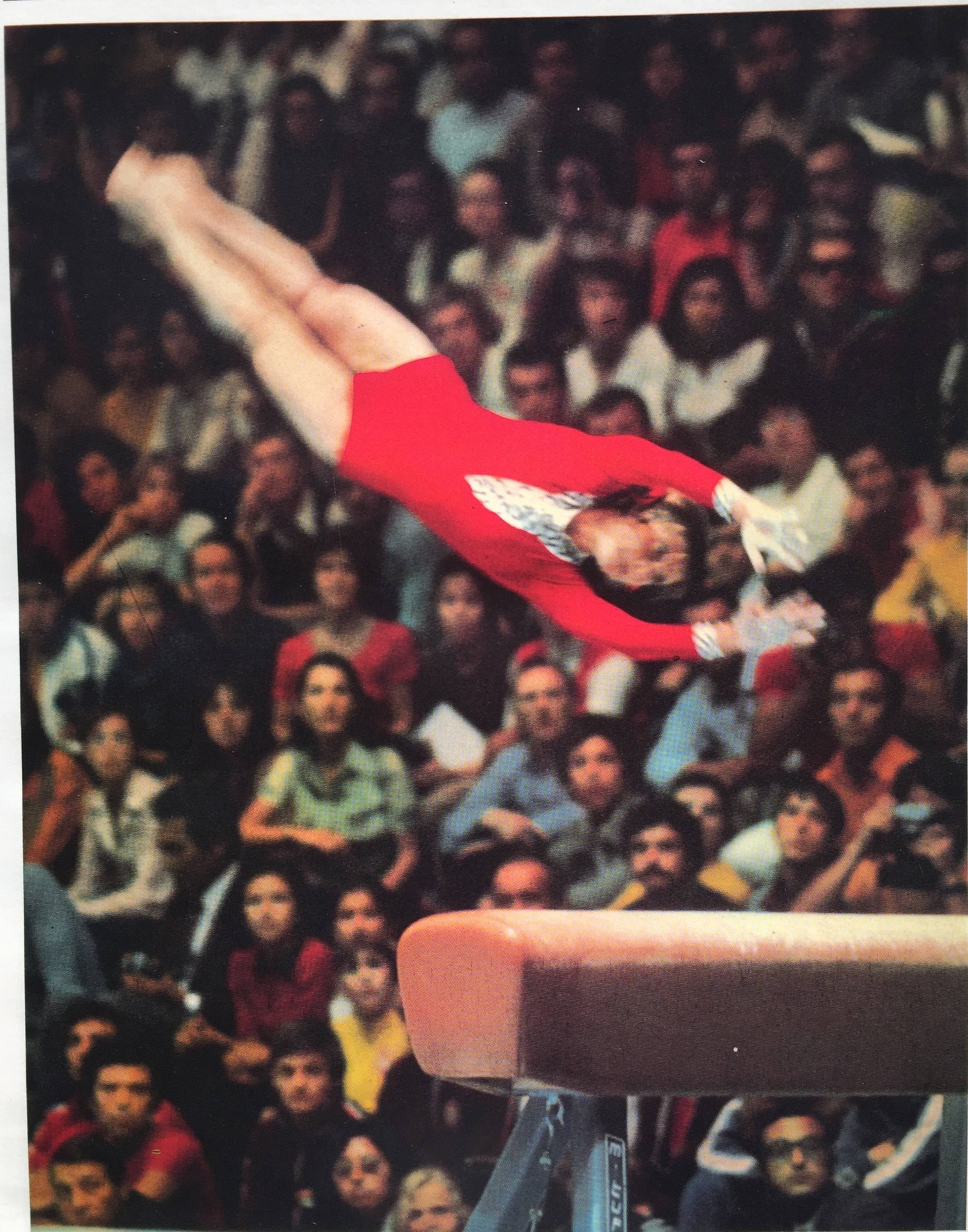

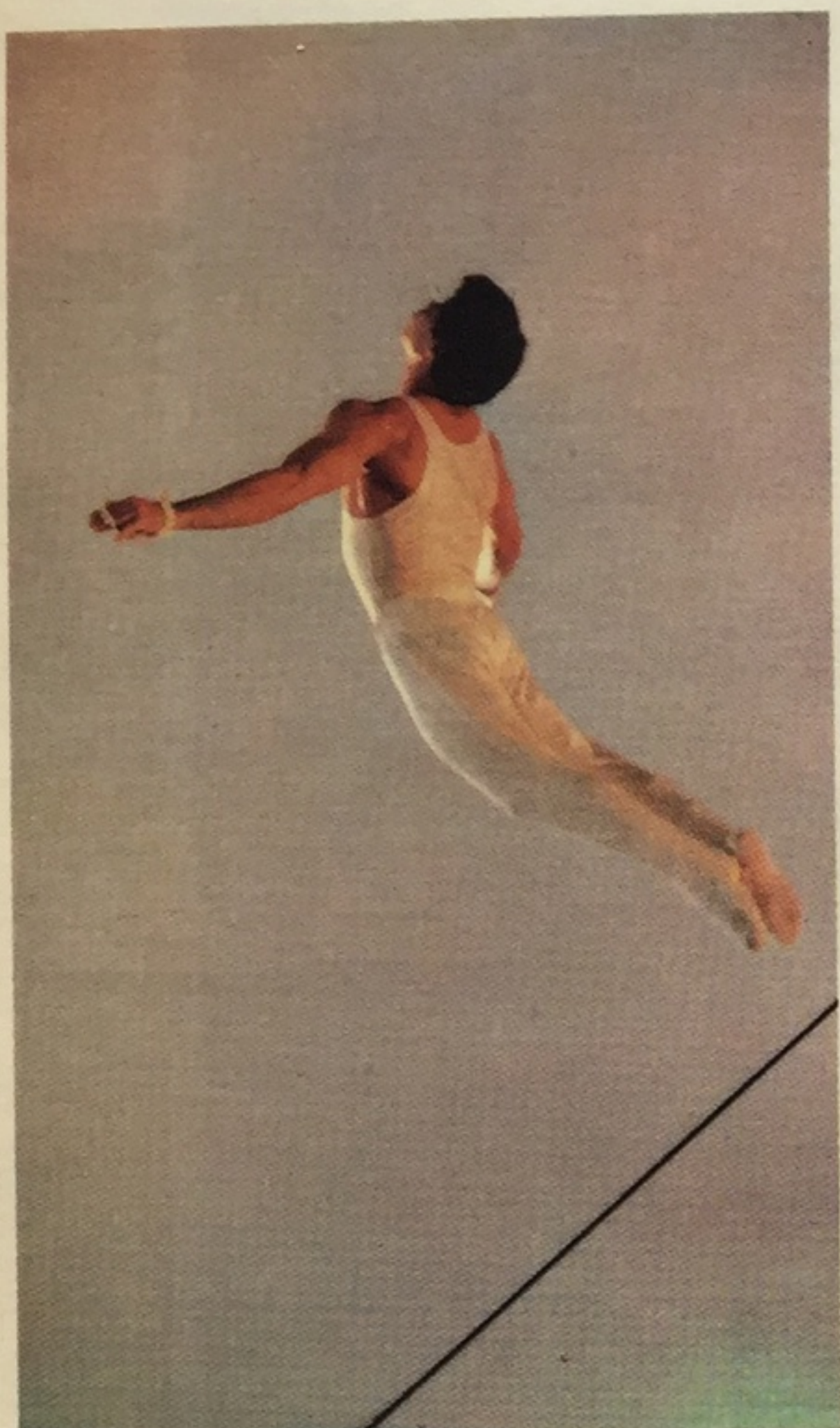
Язык гимнастики доступен каждому. Когда изумрудное поле стадиона в Лужниках расчерчено живым бело-алым узором стройного каре инфизкультуровцев, и тысяча юношей, все, как один, держат, скажем, равновесие на одной ноге, а тысяча девушек, все, как одна, зависают в оленьем прыжке, каждый, кто на трибуне, восторженно рукоплещет могучему аккорду этого огромного

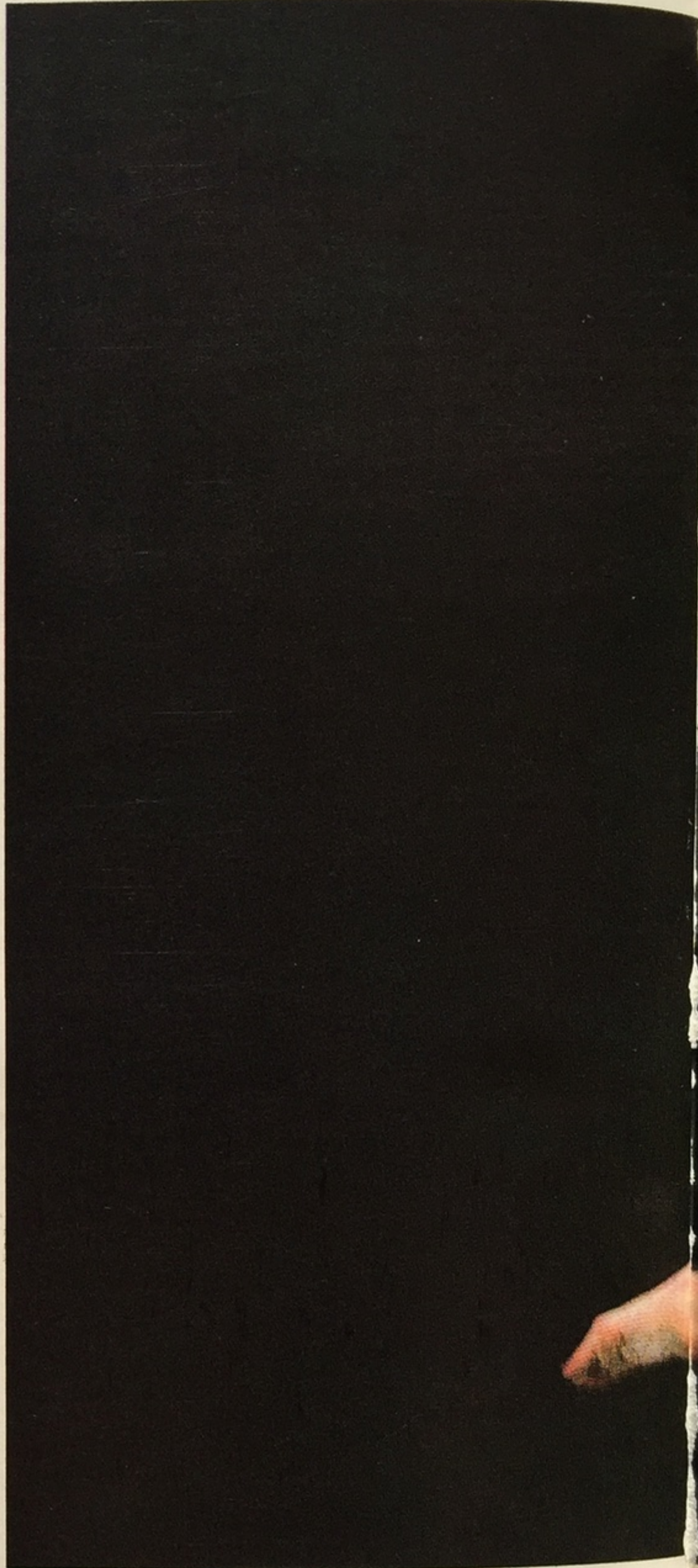

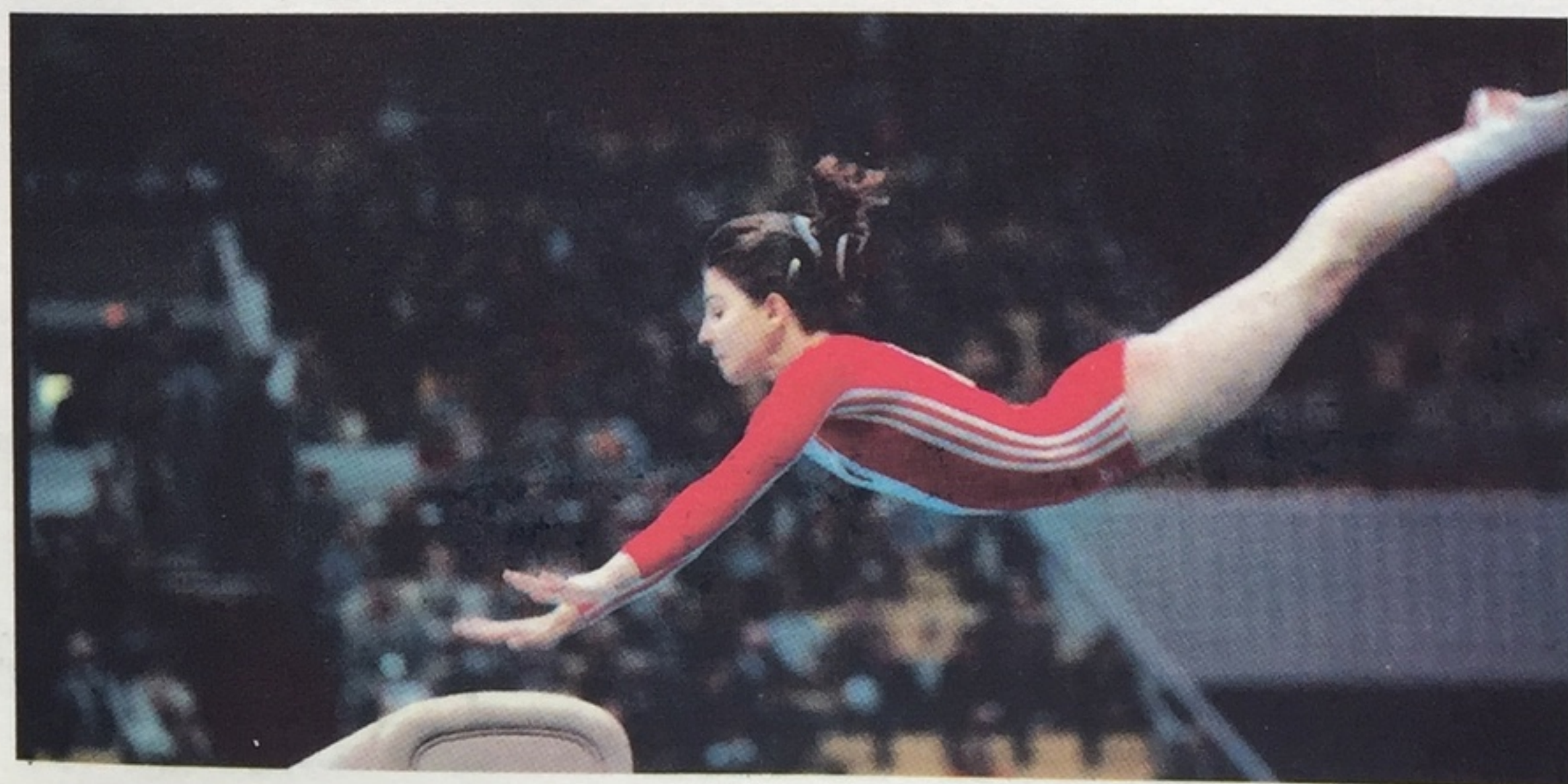
1927 год. «Ленинградский губоно проводил традиционный летний праздник школьников. Дети провели ряд гимнастических движений, дальше последовали массовый волейбол, массовый барьерный бег, упражнения с палками, пирамиды и, наконец, ... дождь, заставивший выступавших быстро скрыться под охрану крыши». «Красный спорт».

оркестра, исполняющего симфонию движения.

И когда спортсмен, вращаясь на перекладине, вдруг вольготным жестом отбрасывает в сторону одну руку, другой управляя полетом, это тоже всех изумляет. Но второй, третий, четвертый проделывают то же самое, а при виде шестого мой сосед, умудренный доцент из комплексной научной группы, теоретик биомеханики, ахает, точно младенец: «Вида-

1928 год. «Со всего Советского Союза на соревнования по гимнастике записалось лишь пять команд: Закавказье, Северный Кавказ, Украина, Ленинград и Москва. Фактически в соревнованиях приняли участие 60 человек». Альбом «Первая Всесоюзная Спартакиада».

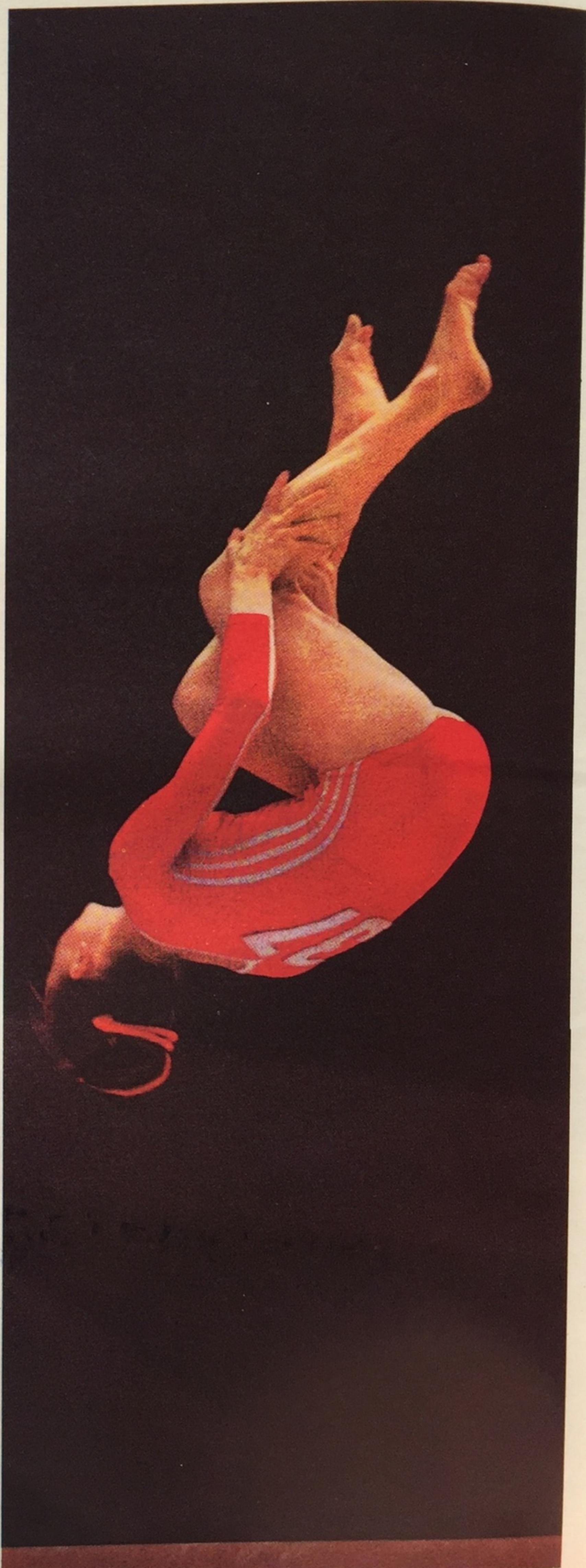
ли, как он, меня хват, исполнил поворот на триста шестьдесят!» Это открыто не всем, это как у математика, которого до дрожи пробирает красота формулы.

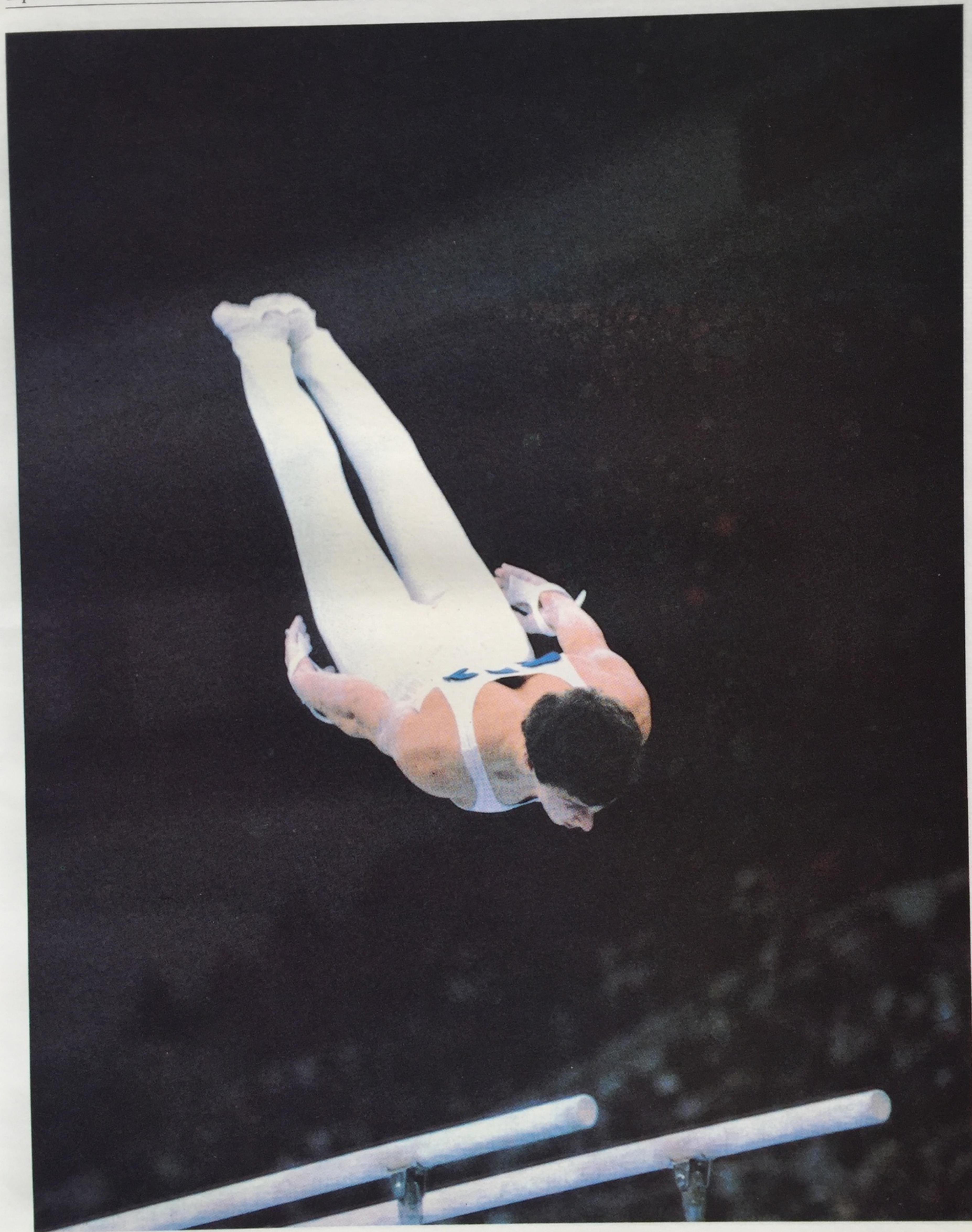
Когда судьи, собравшись вокруг арбитра, отчаянно спорят о том, насколько наличествуют в упражнении компоненты заветной формулы РОВ — риск, оригинальность, виртуозность, — они стремятся выразить в цифрах то, что почти невыразимо.

Вот Богдан Макуц на брусьях лапидарным, неуловимым движением кисти придает телу штопорное вращение в прославленной вертушке Димидова, но, кажется, недоворачивает, падает на спину, взметывая носки... и внезапно совершает красивый мах.

Риск? Он же рисковал упасть.

А может, здесь нужно другое слово на «р» — может, «разум»? Это же надо было додуматься, найти новый смысл, новое продолжение давно всем известного трюка. Сколько же бились с этим быстроумный, инициативный, приметливый Бодя Макуц и его тихий основательный тренер с запорожскими пшеничными усами Евгений Пайтра?..

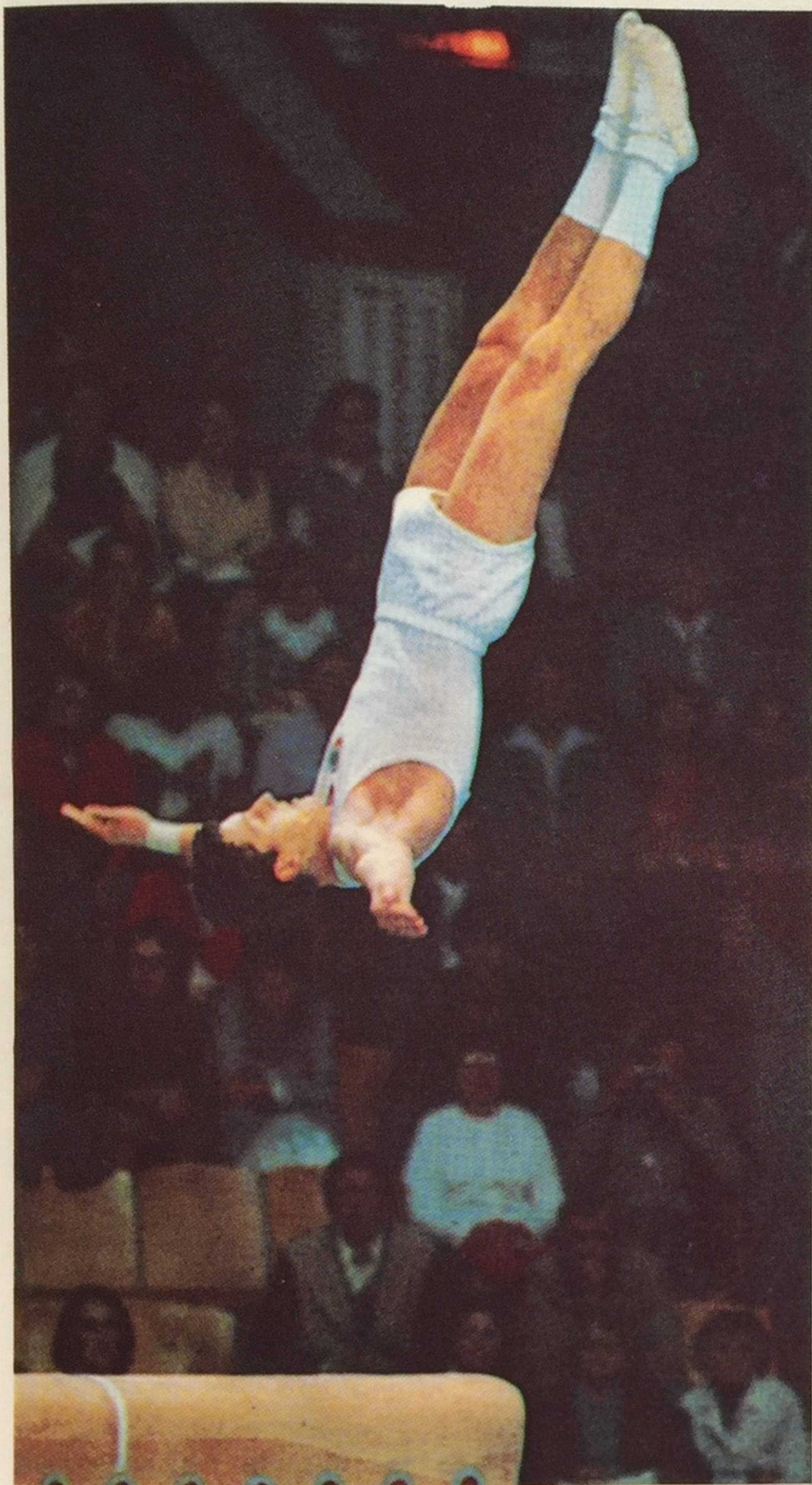

1933 год. «Физкультурная масса Москвы, переходя в залы, должна начать занятия гимнастикой по плану и единому календарю, чтобы можно было ставить работу секций в товарищеских и календарных соревнованиях. Для этого нужны разработанные упражнения на снарядах». «Красный спорт».

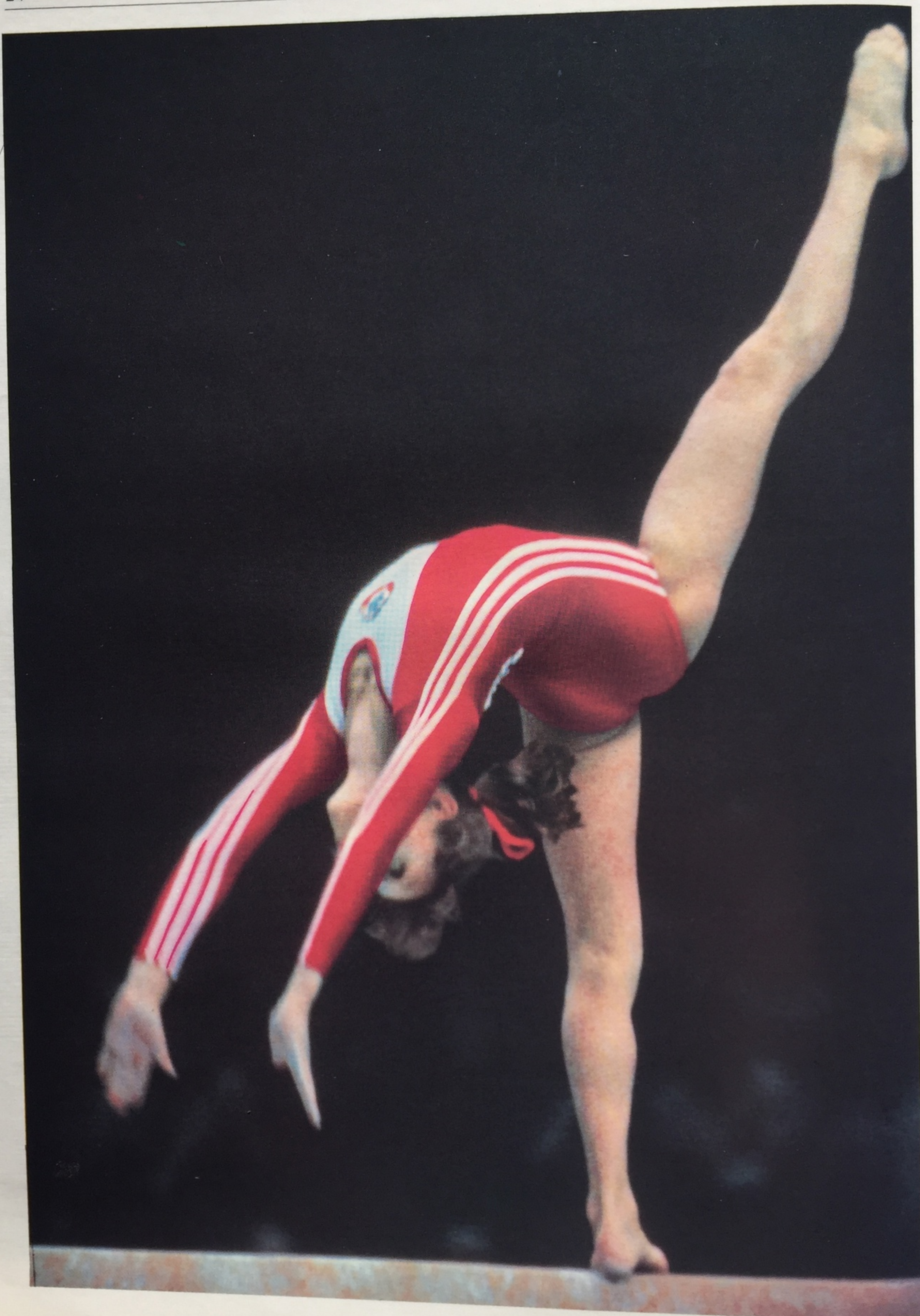
Вот гимнаст ГДР Хуберт Брилок, раскрутись на перекладине, вдруг отрывается от нее, воспаряет ввысь, и его натянутое, выгнутое в спине, подобно полумесяцу, тело совершает полуторный переворот...

Оригинальность? Несомненно. Но не одна точно затверженная техника нужна, чтобы совершить такое. Нужен особый подъем. Подъем духа. Одухотворенность. Тоже, между прочим, слово на букву «о».

Вот юнец Дима Билозерчев, акселерат, вундеркинд мирового помоста, этакий насупленный милый бизоний детеныш, частит по коню, с непостижимой скоростью строча невидимую

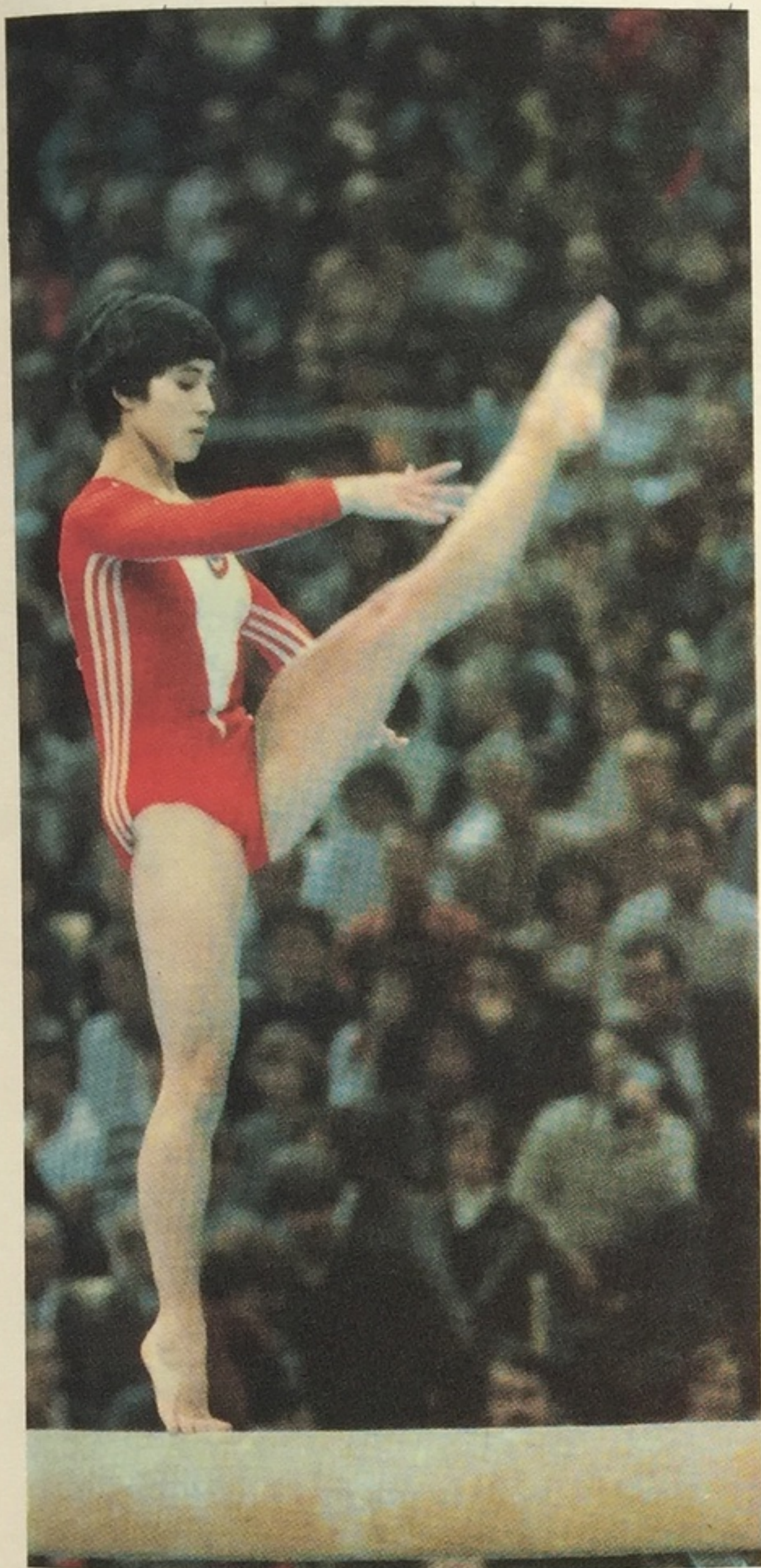

строчку кругов Деласала, и внезапно, через стоечку-свечечку — соскок.

Виртуозность? Безусловно. Но прелесть Диминой работы в том, что строка летит крылато и неудержимо, без помарок, точно строка поэта, обуянного вдохновением.

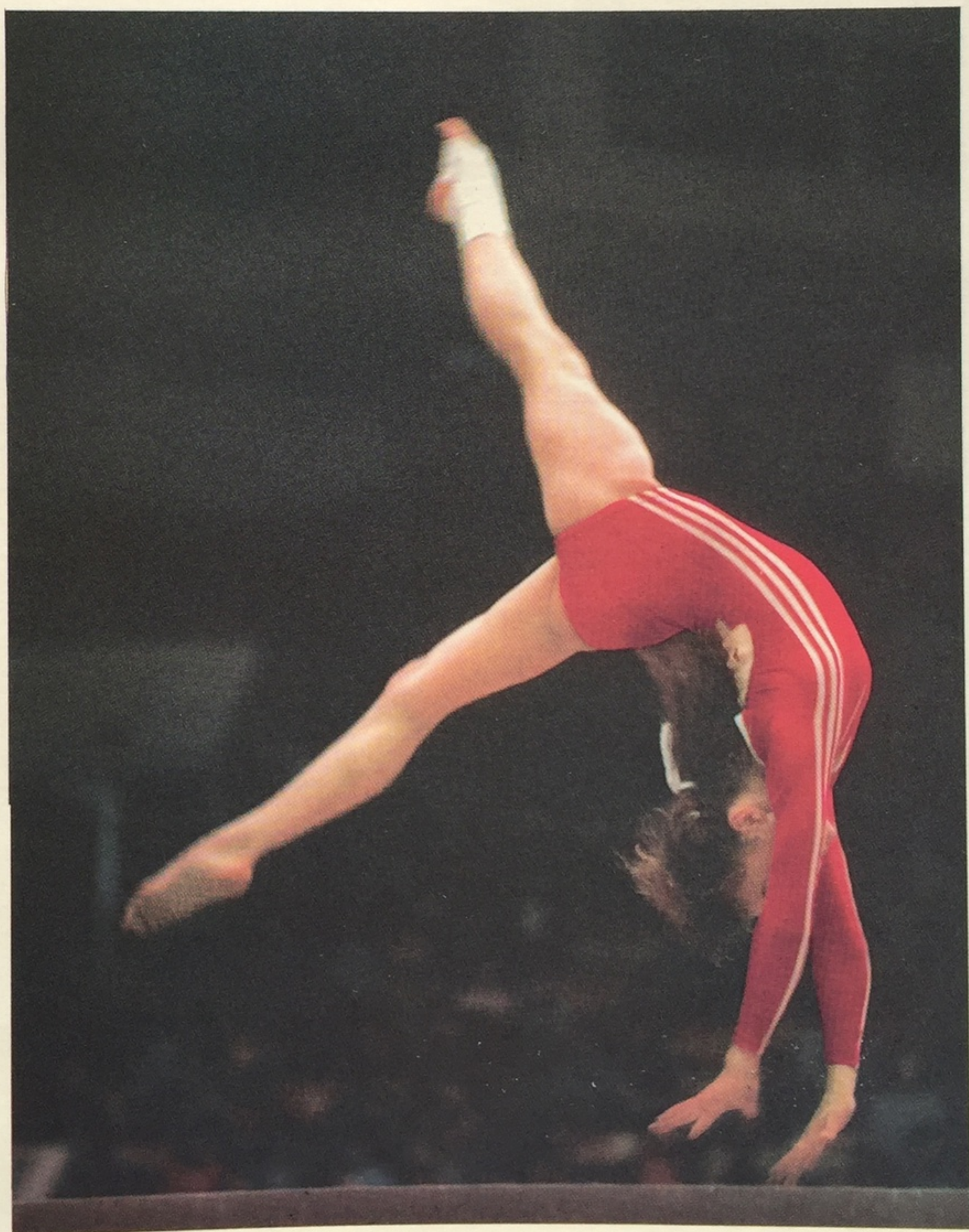
Итак, «риск+оригинальность+виртуозность» мы можем заменить иной формулой: «разум+одухотворенность+вдохновение». Впрочем, по смыслу они близки.

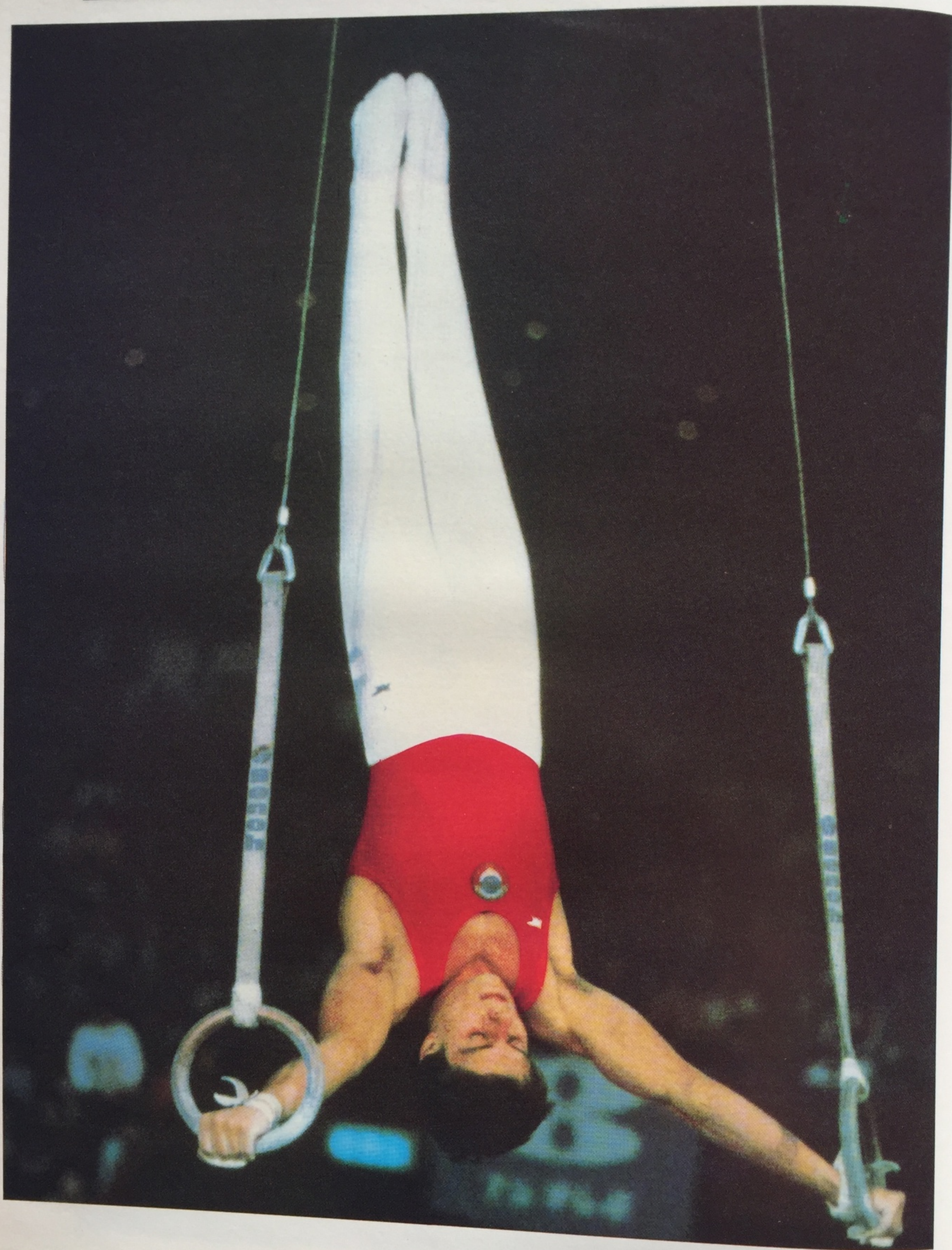

Терминология судей порой загадочна, как у математиков, физиков, химиков. Однако, когда дело касается вершин, любой специалист становится поэтом. «Мороз по коже, она светится вся», — сказал в свое время нынешний старший тренер сборной страны Леонид Аркаев о Наташе Кучинской. «Хрустальный гимнаст», — сказал он недавно об Артуре Акопяне.

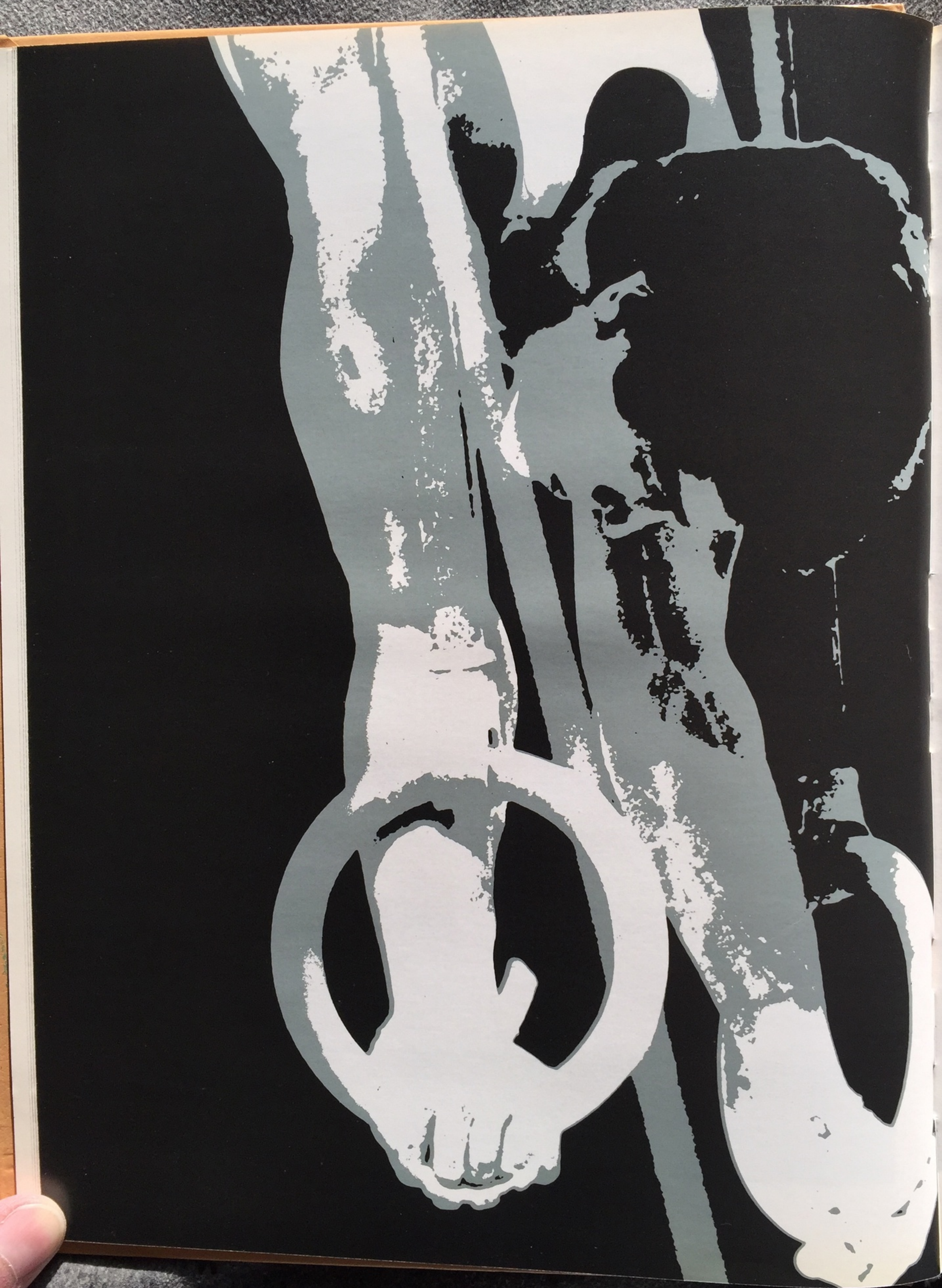
Поэмы бы ему писать.

«А если так, то что есть красота, за что ее обожествляют люди? Сосуд ли то, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

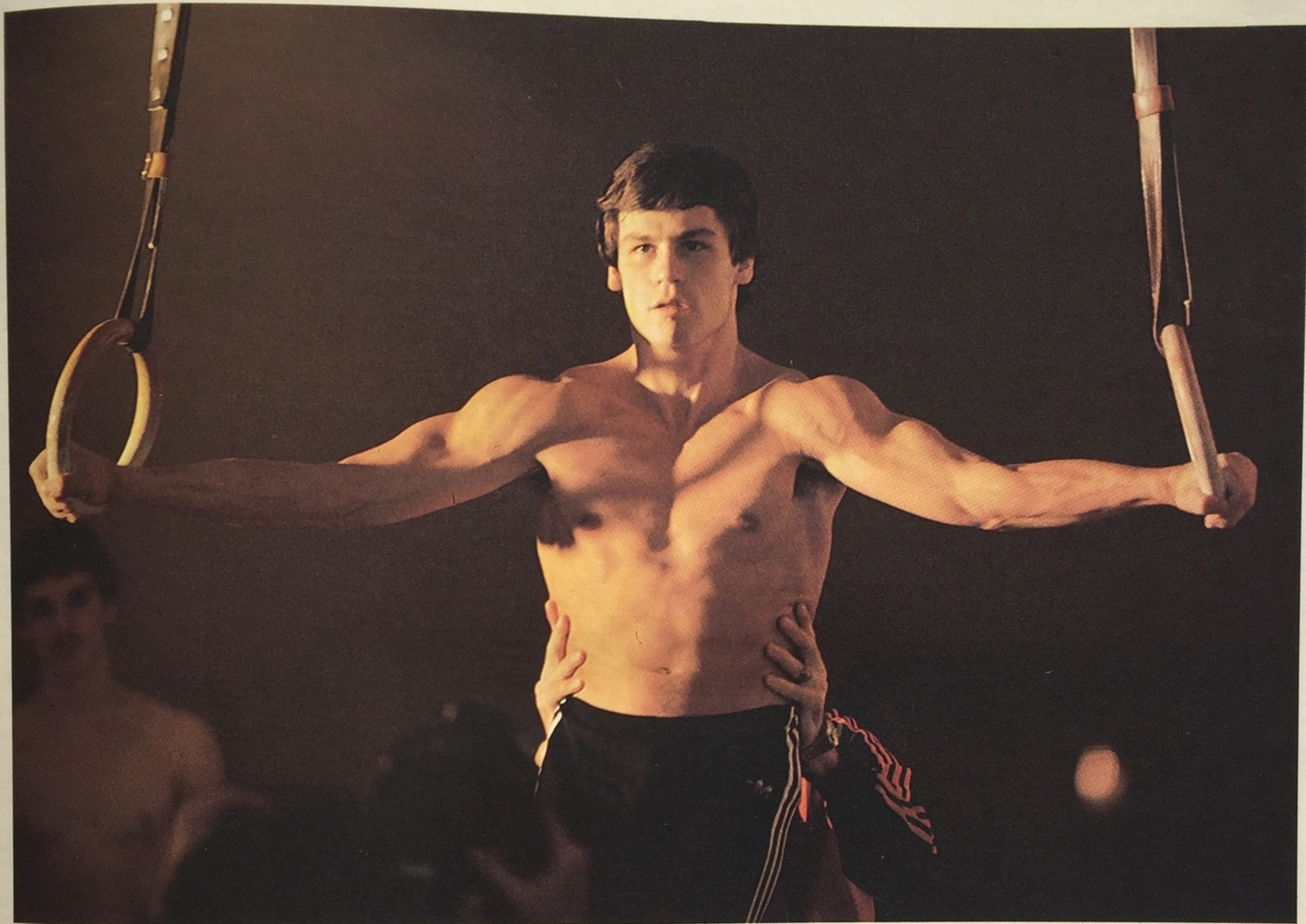

C

Сила

Представим, что объявлен конкурс на лучшую скульптуру, выражающую понятие «сила» в гимнастике.

Представим, что вдохновенные и честолюбивые ваятели, запершись в студиях, мнут чуткими пальцами глину, ломают головы в поиске достойной натуры.

Вот воскликнул «Эврика!» первый. Единственным, единственно возможным представилось ему решение.

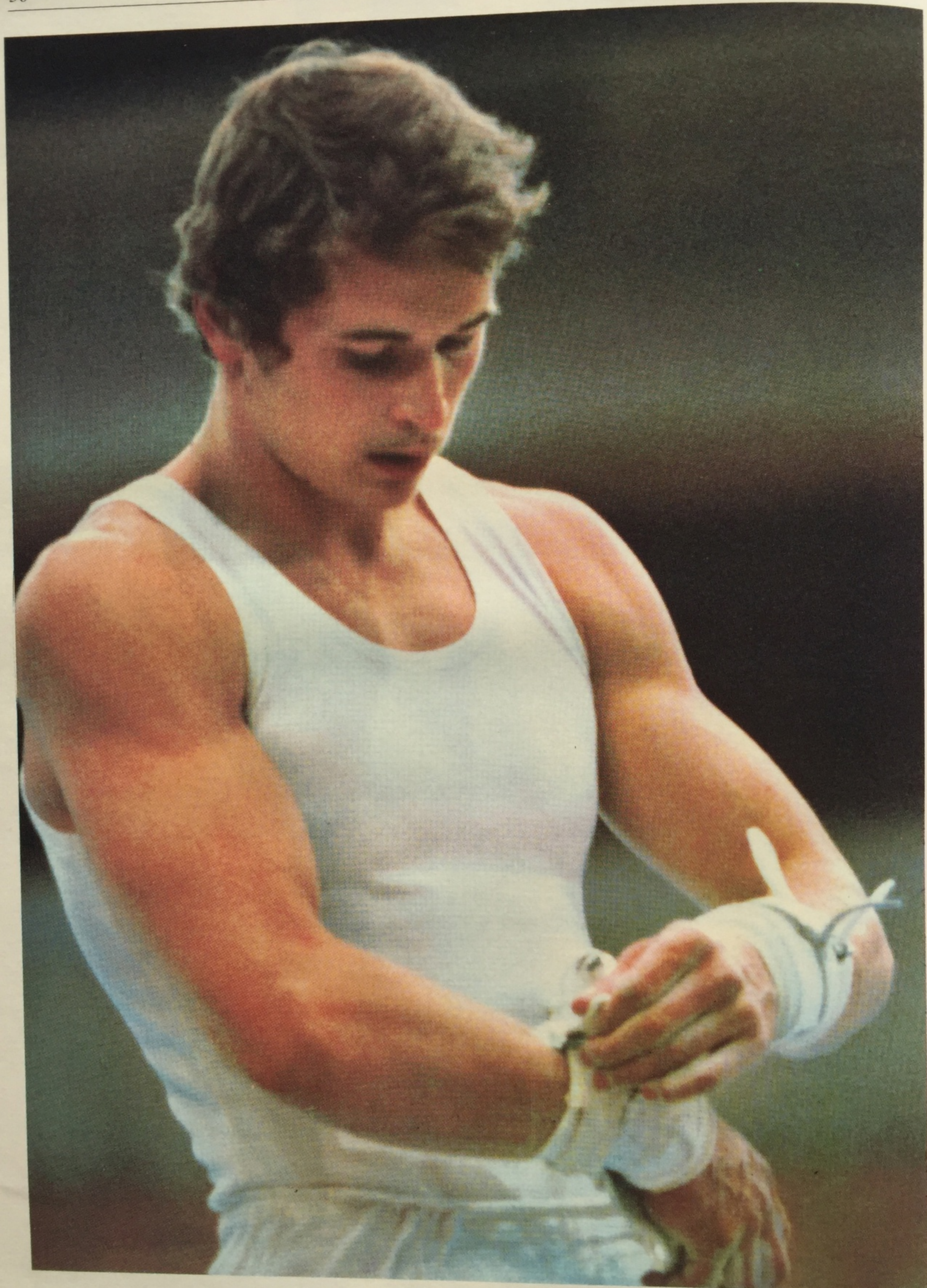
Он увидел мысленным взором торс Прометея, словно скованный кольцами. Торс — поэму, оду, пропетую в высоте Его Высочеству Мускулу. Прекрасно округлые слитки живой стали столь гармоничны, будто срифмованы. Они с торжественной неторопливостью гекзаметра сперва возносят тело в «крест», потом замирают, а после плечи медленно поворачиваются то направо, то налево, будто бы специально для

того, чтобы свет софитов, стекая по смуглой коже, рельефнее очертил каждую мышцу. И в такт неповторимому танцу на вису посылается в зал — то вправо, то влево — неторопливо-уверенная, чарующая, кипенно-белая улыбка из-под смоляных усов.

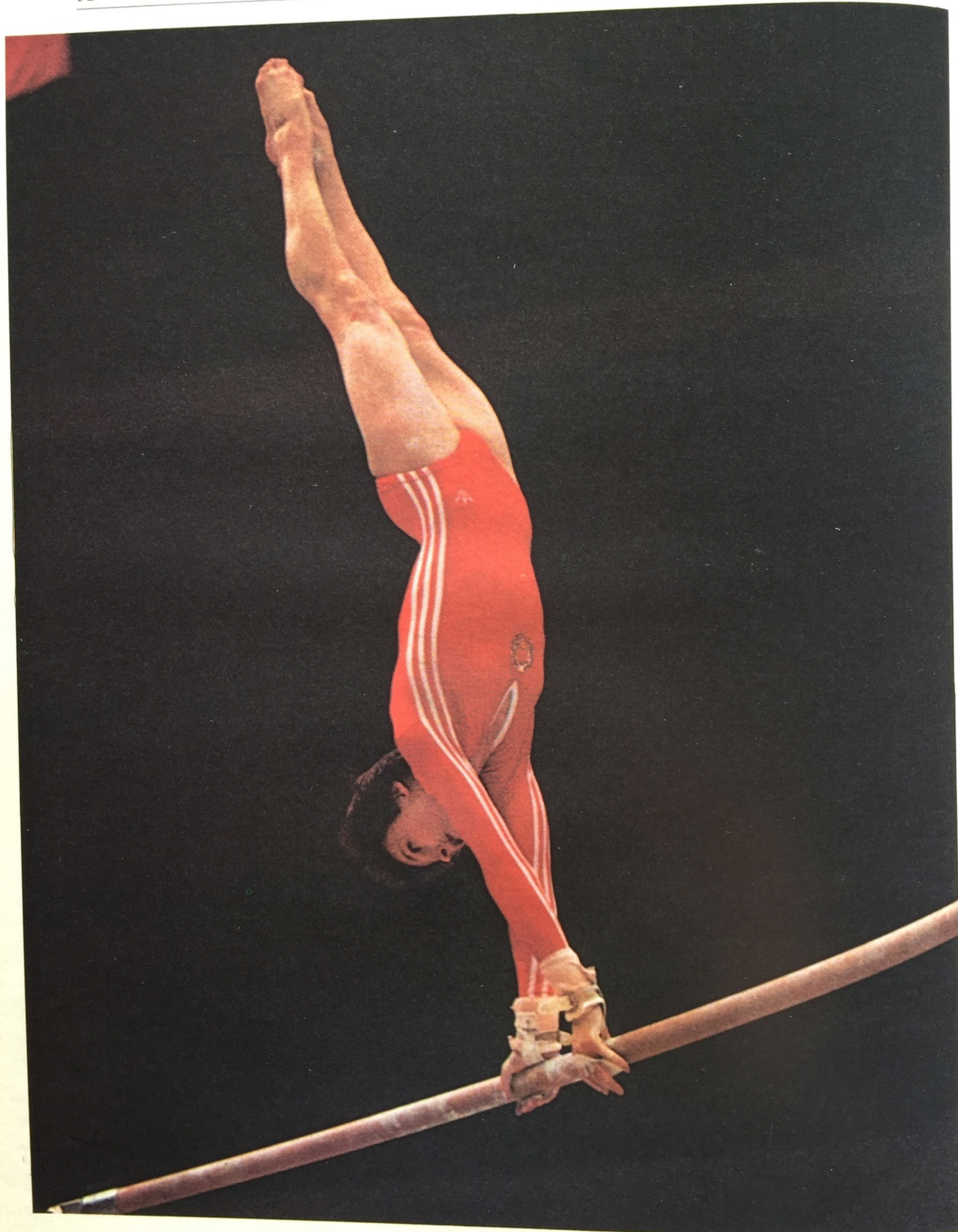
Это Альберт Азарян, молотобоец из Кировакана, король упражнений на кольцах середины века.

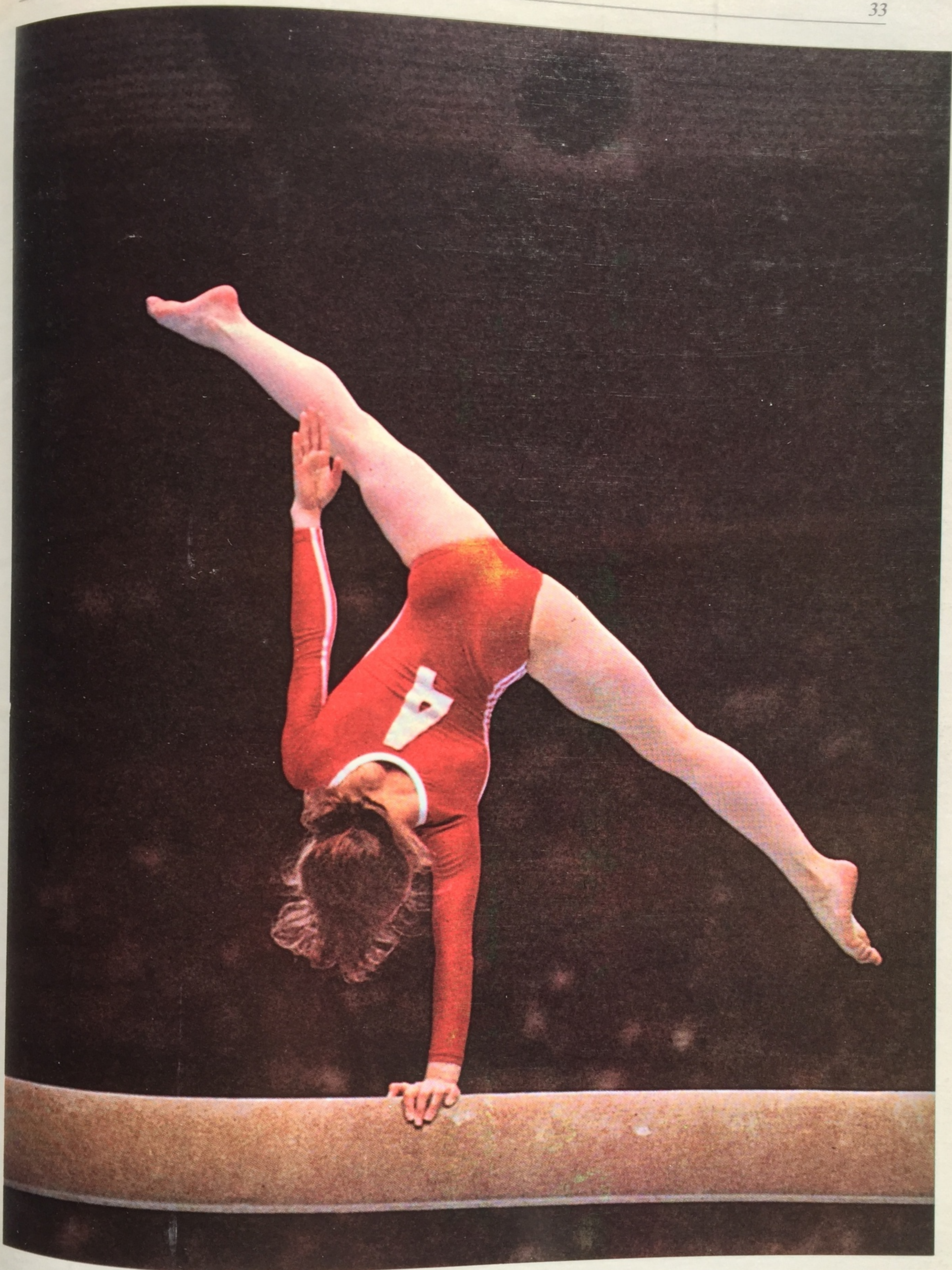
Второй же скульптор тоже обратился к кольцам. Но выбрал иной типаж, иного натурщика. Подобно Давиду в фантазии Микеланджело. Его тело поражает не мощью, но легкостью, оно не клубится, а струится, и непостижимость в том, что тонкие руки, внешне хрупкие, юношеские, поднимают его, натянувшись, но не сгибаясь. И лишь по тому, как чугунно набрякли вены на висках невозмутимого лица, видно усилие, видна натуга. Больше ни по чему она не видна.

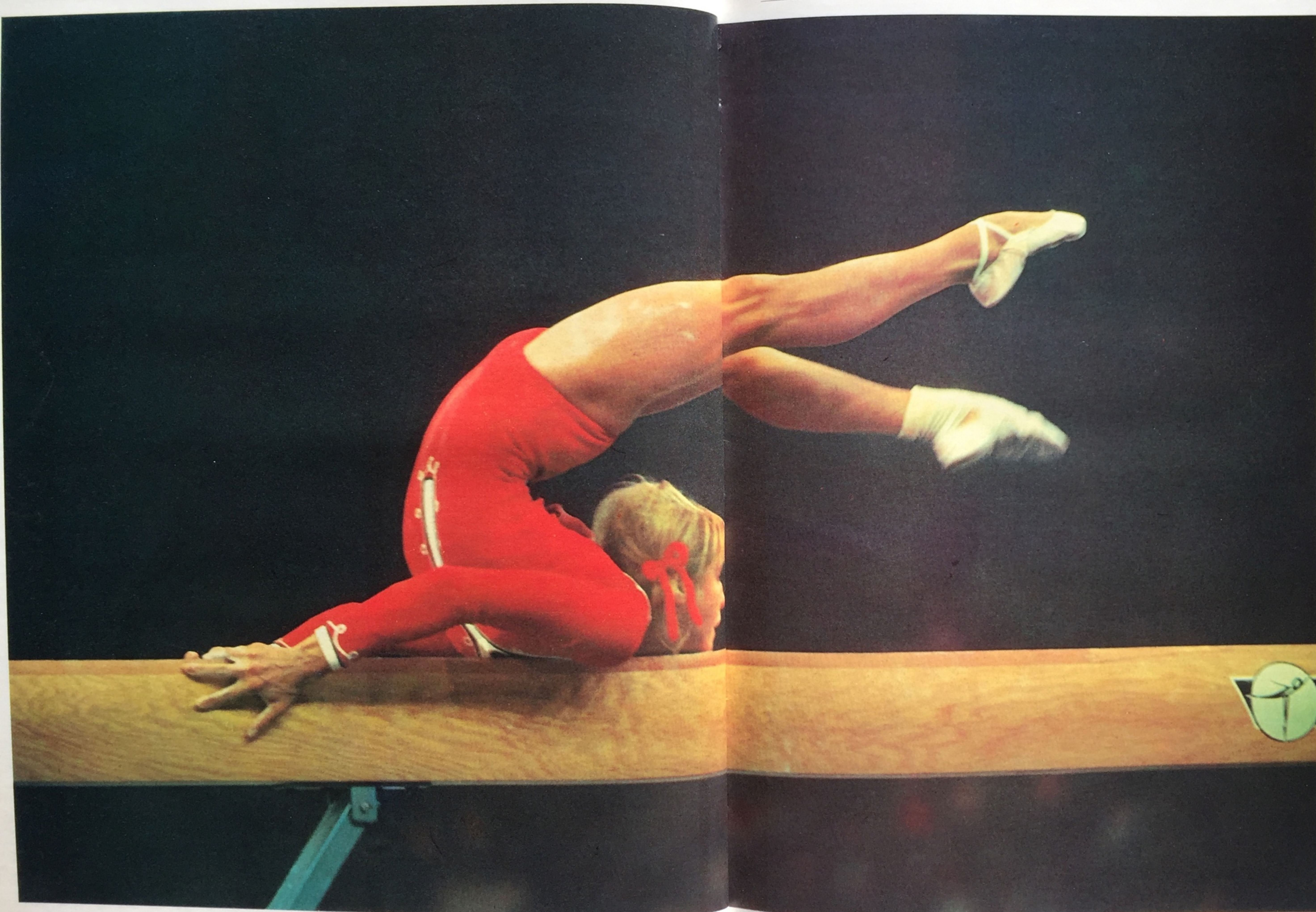
Сила

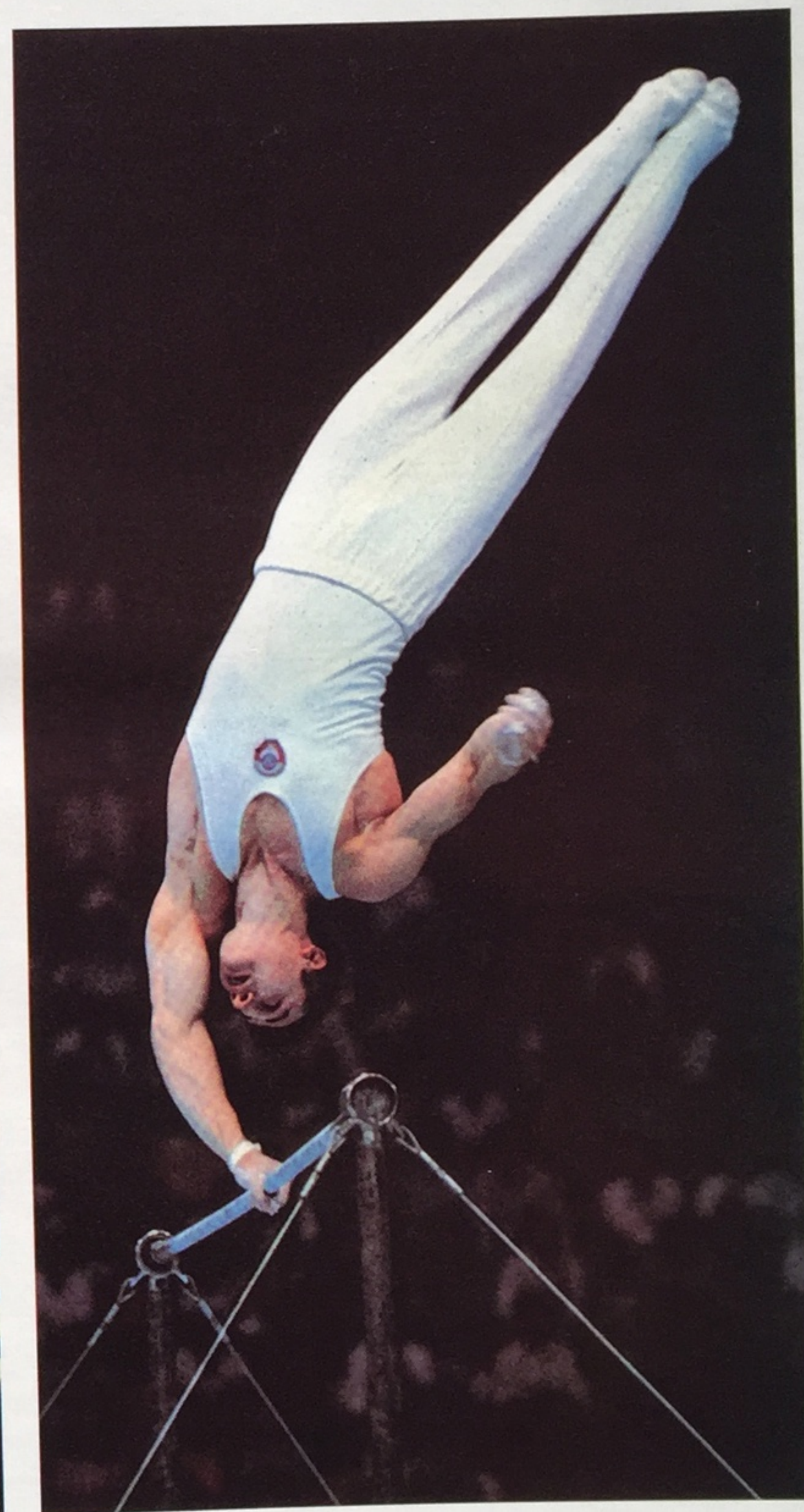
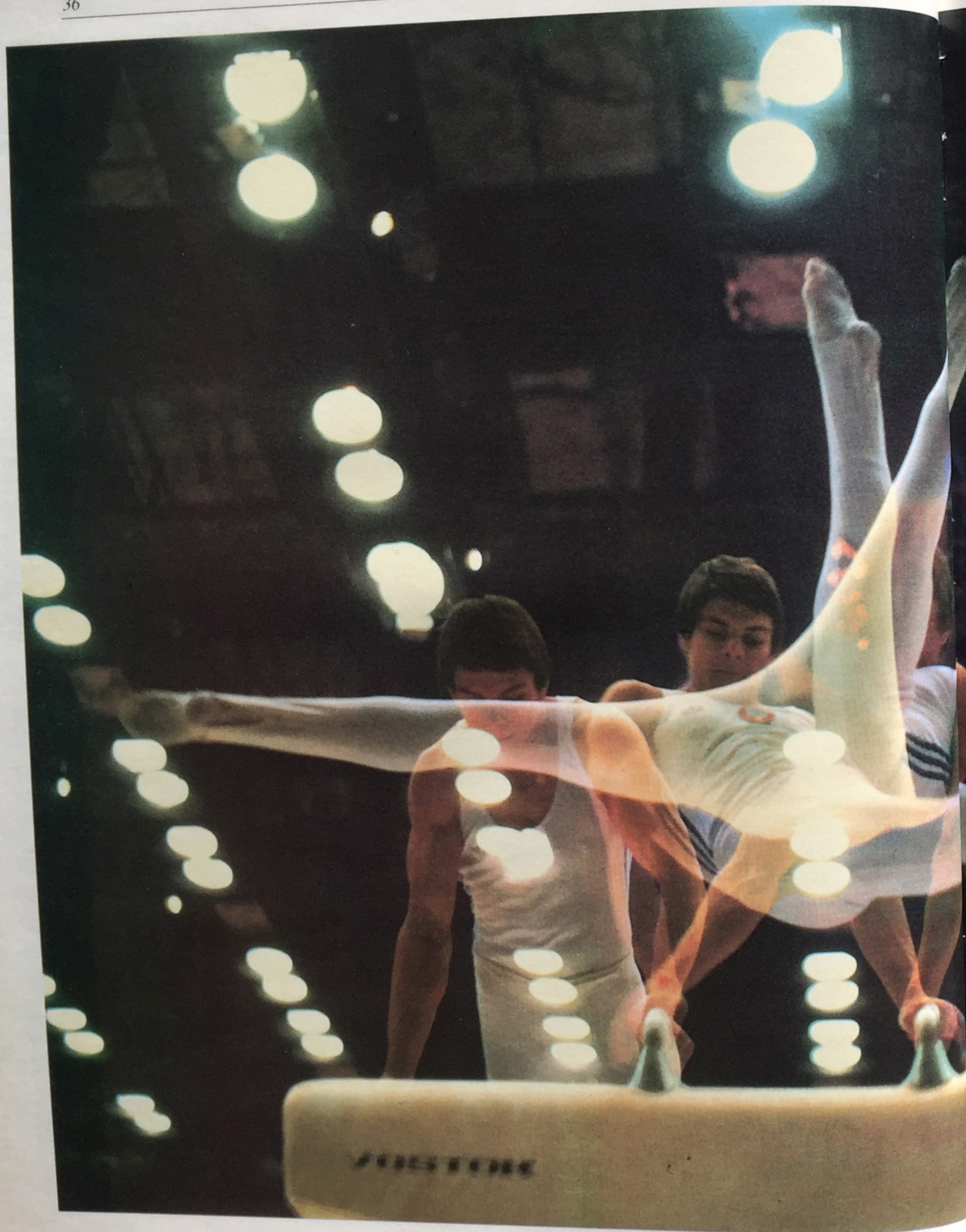

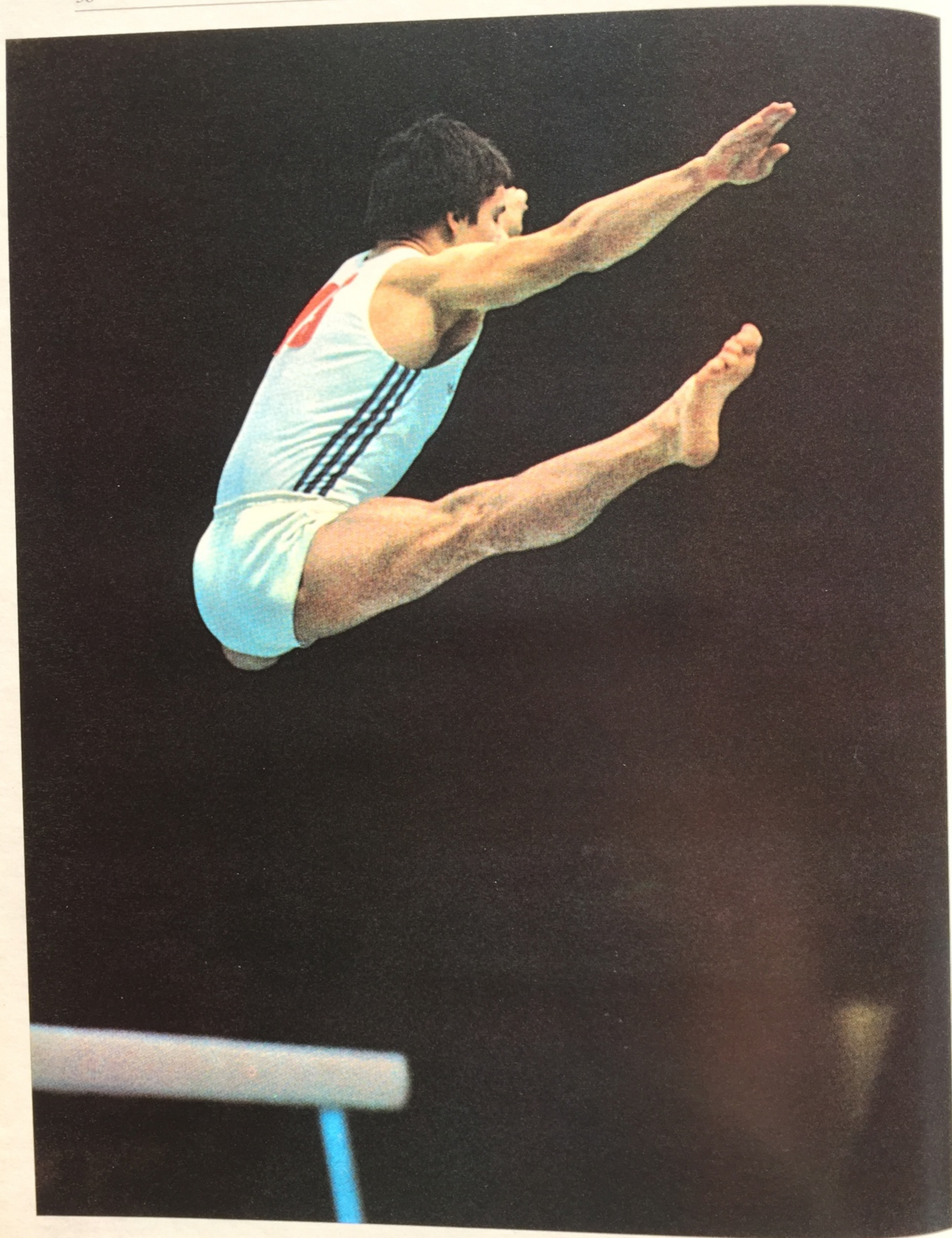
1933 год. «Открылись спортивные школы по гимнастике (завод им. Орджоникидзе, «Каучук» и завод им. Сталина). Новая школа по гимнастике открывается у авиа-работников.» «Красный спорт».

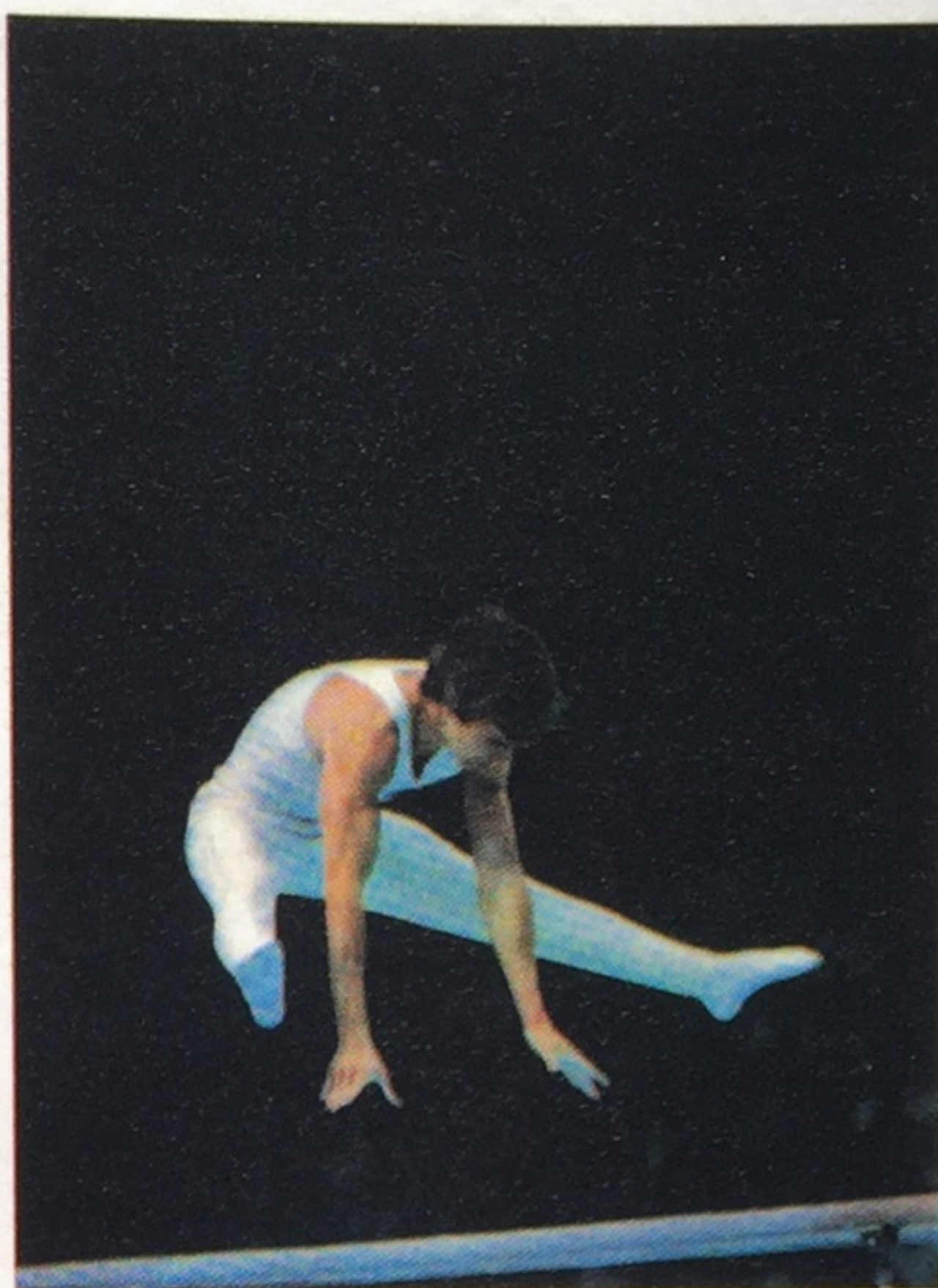
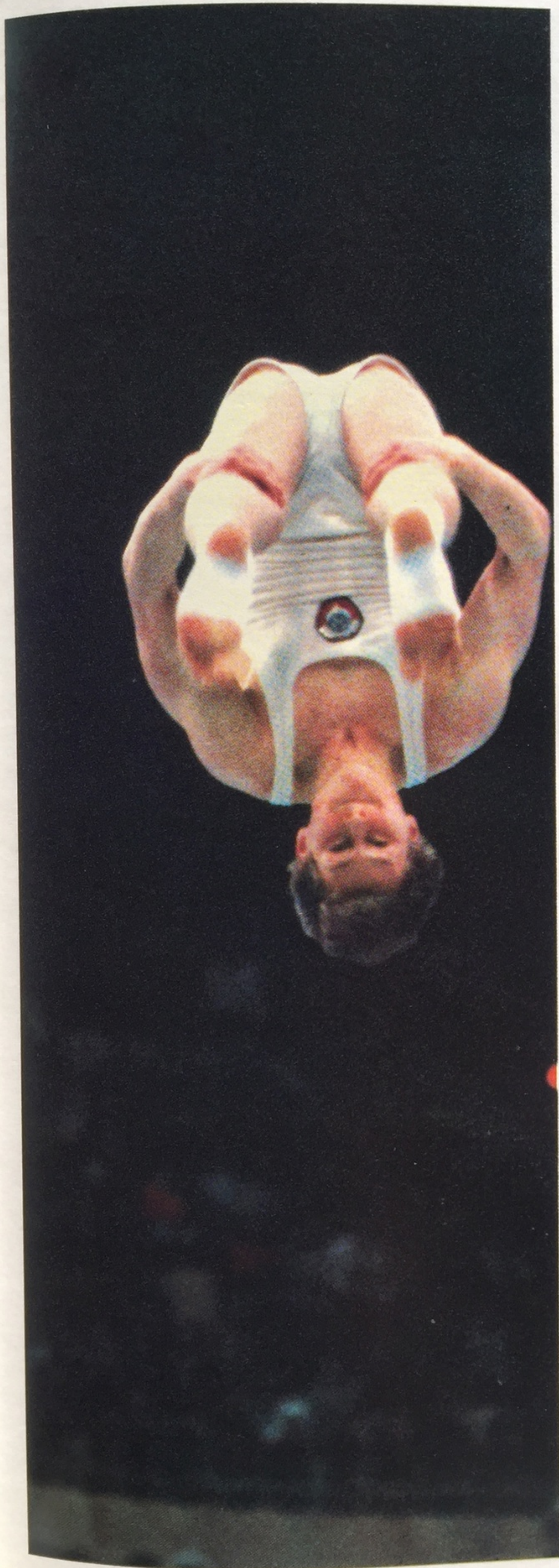
1933 год. «В Харькове состоялись всеукраинские гимнастические соревнования. Участвовали Харьков, Одесса, Днепропетровск и Донбасс. Отсутствовал Киев, за что Киевскому горсовету физкультуры вынесен выговор. Команды встретили неожиданного соперника в лице молодого коллектива Донбасса.» «Красный спорт».

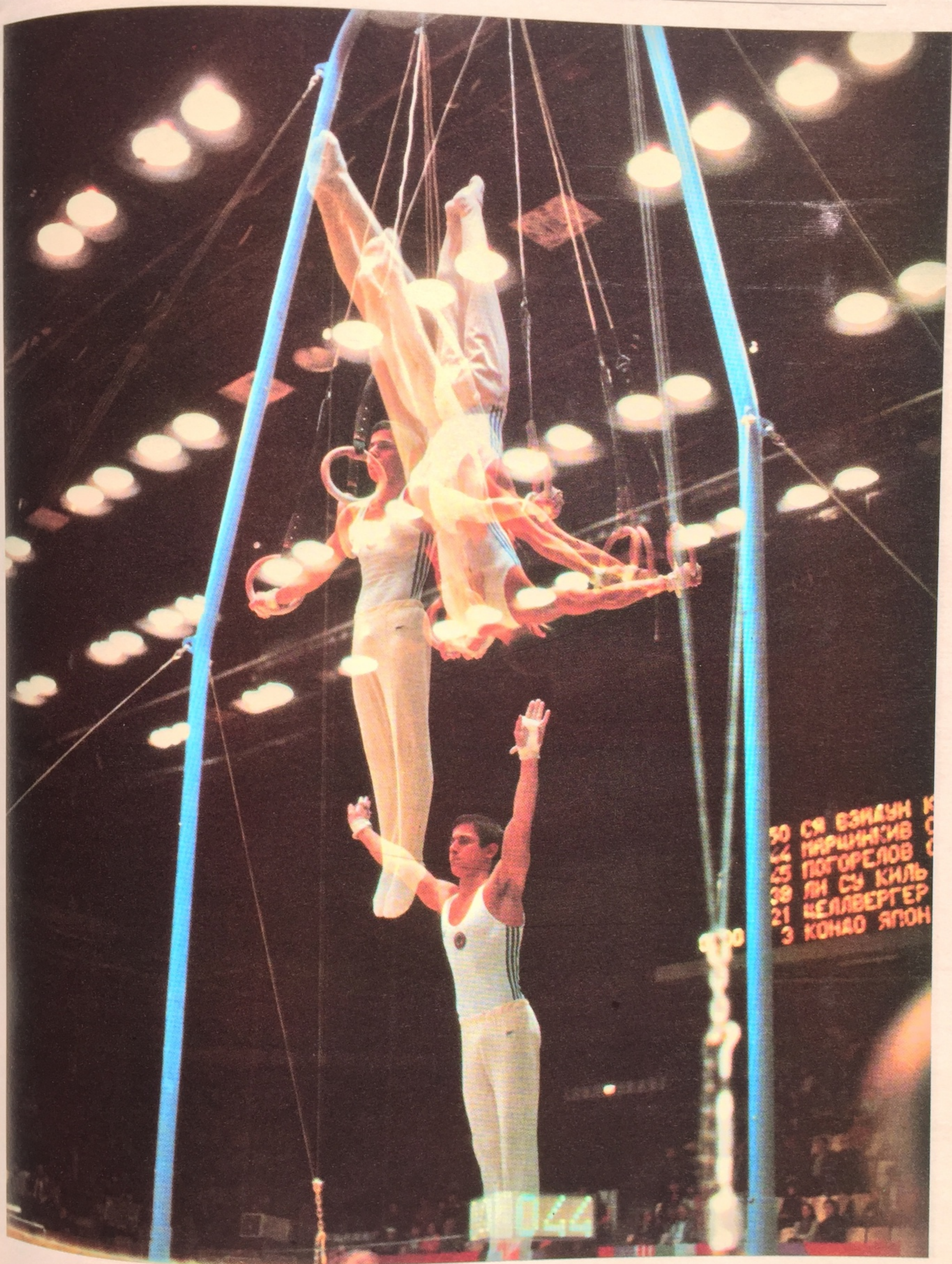

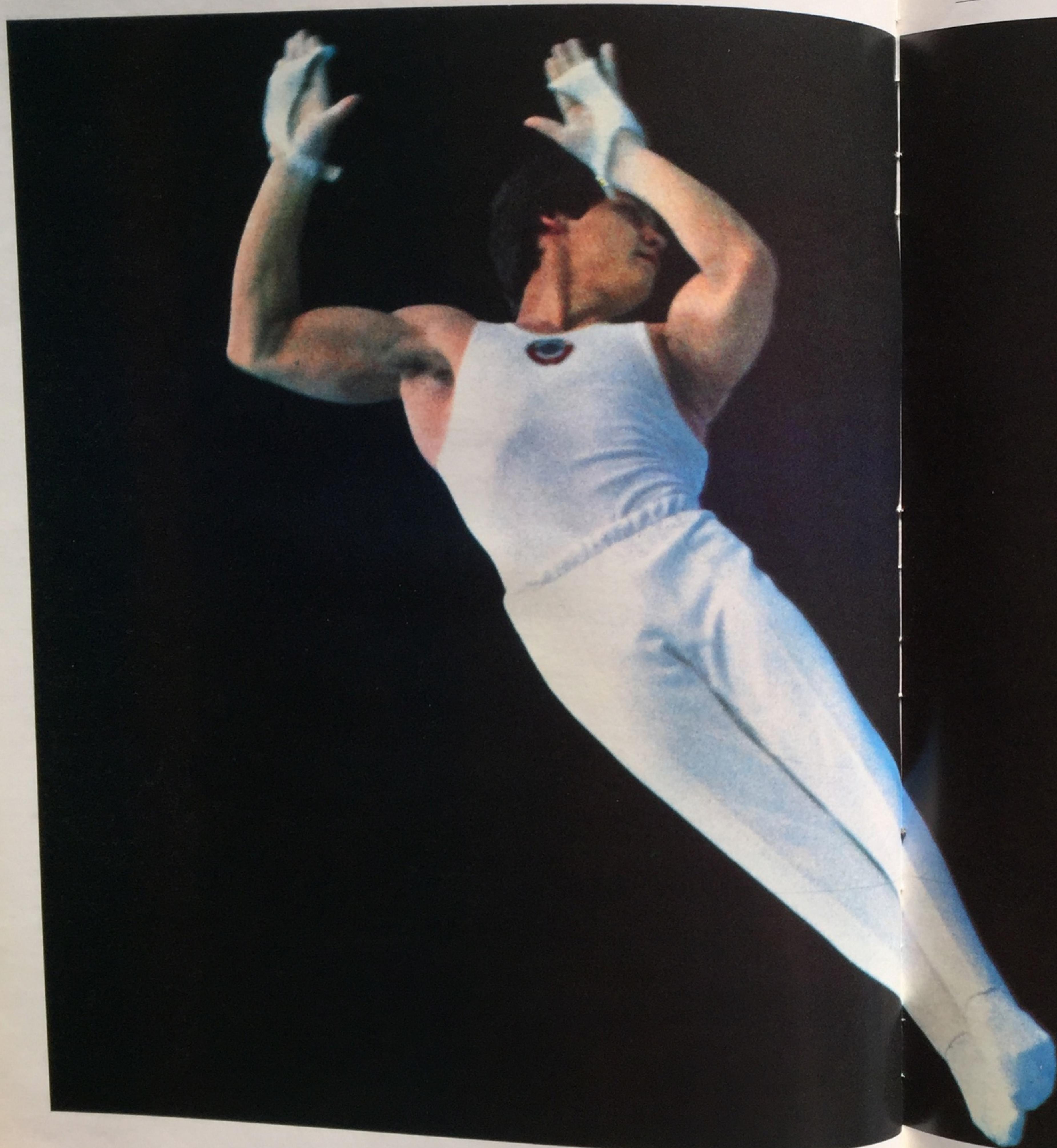
Нынешние гимнастические мальчики всего мира даже и не представляют себе, кажется, что в комбинации на кольцах большие обороты можно исполнять не на прямых ру-

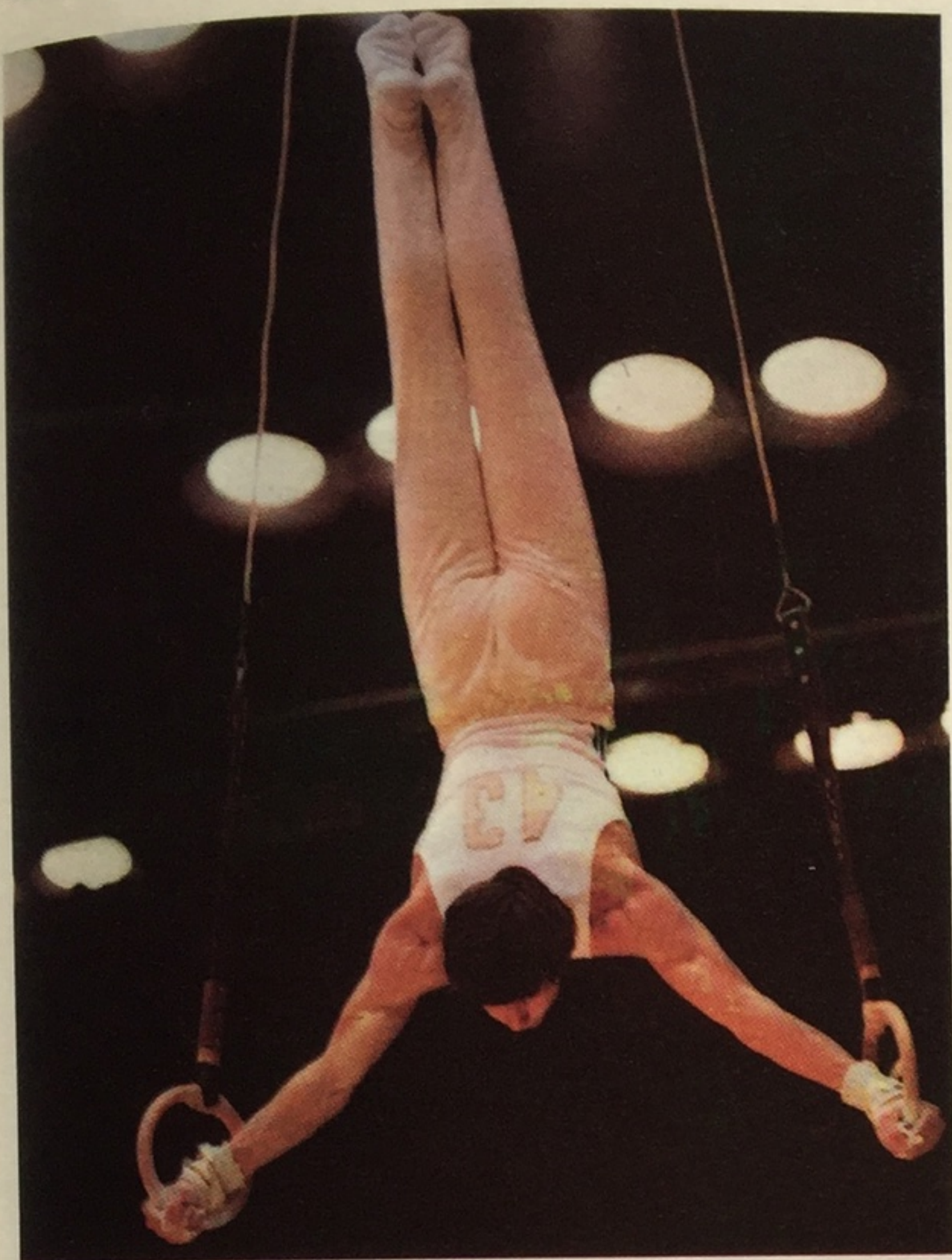

1934 год. «Тифлис. В спортивном зале стадиона им. Ленина состоялось торжественное открытие всесоюзного гимнастического праздника. Для участия в соревнованиях прибыло 240 лучших гимнастов СССР. В соревновательной части отличную работу на брусках показала московская женская команда первого разряда, представительница которой т. Шефер за произвольное упражнение получила наивысшую оценку в 20 баллов. Такую же оценку за выполнение произвольного упражнения на турнике получил в первом мужском разряде тифлисец Рцихладзе». «Красный спорт».

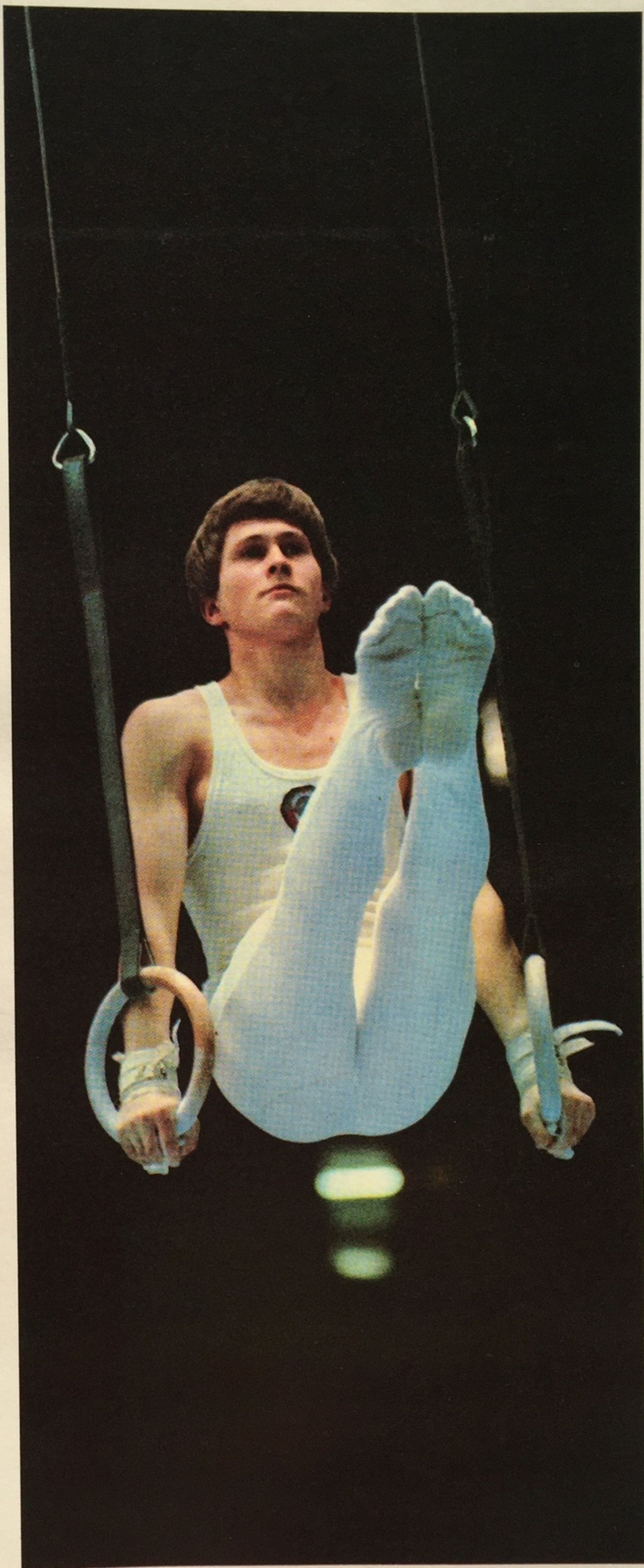
ках. А ведь совсем недавно, в 1966 году, мы были потрясены тем, как их выполнил (впервые!) 20-летний московский юноша Миша Воронин. Тем потрясены, что был он по внешним данным не молотобоец, не штангист — легкоатлет, быть может, спринтер.

И лишь на пьедестале, пожалуй, увиделось, какие непропорционально гигантские кисти венчают его тонкие руки — точь-в-точь такие изваял Микеланджело. Кисти Давида, созданные для пращи, для победы над Голиафом. Над Голиафом земного притяжения в данном конкретном случае.

Наш третий скульптор избрал иной путь. Неожиданный. Внешне даже нелогичный. Его натурщик почему-то не на снаряде. Он под помостом. Он сидит в странно вывернутой, страдальческой какой-то позе, его взгляд устремлен в горнило соревнований, а все черты выражают подавляемую боль — черты широкого, простого мальчишеского лица. Нога лежит на коленях тренера, и тот ее осторожно массирует.

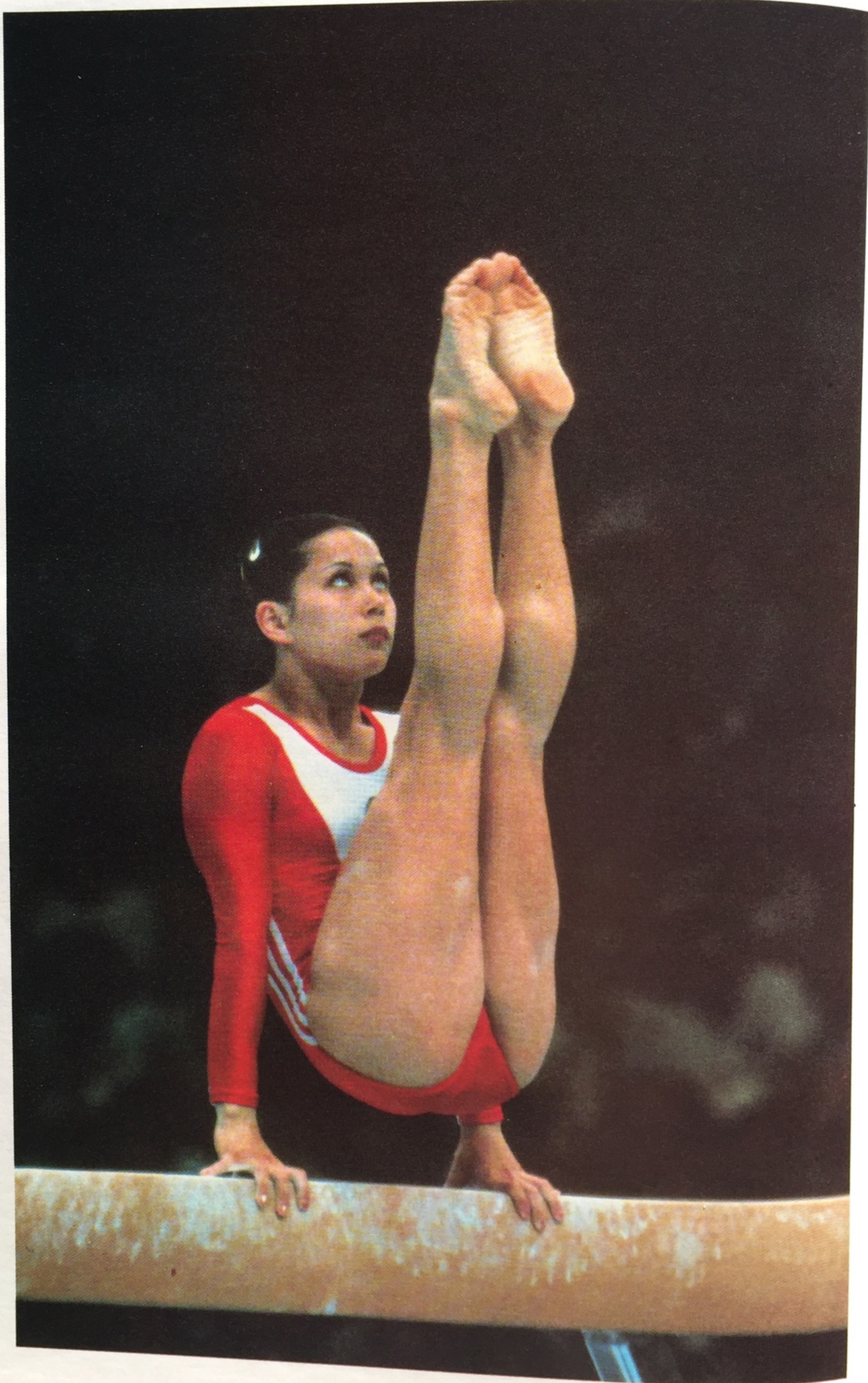
Вот какой, оказывается, избран сюжет — эпизод чемпионата мира 1981 года в Москве.

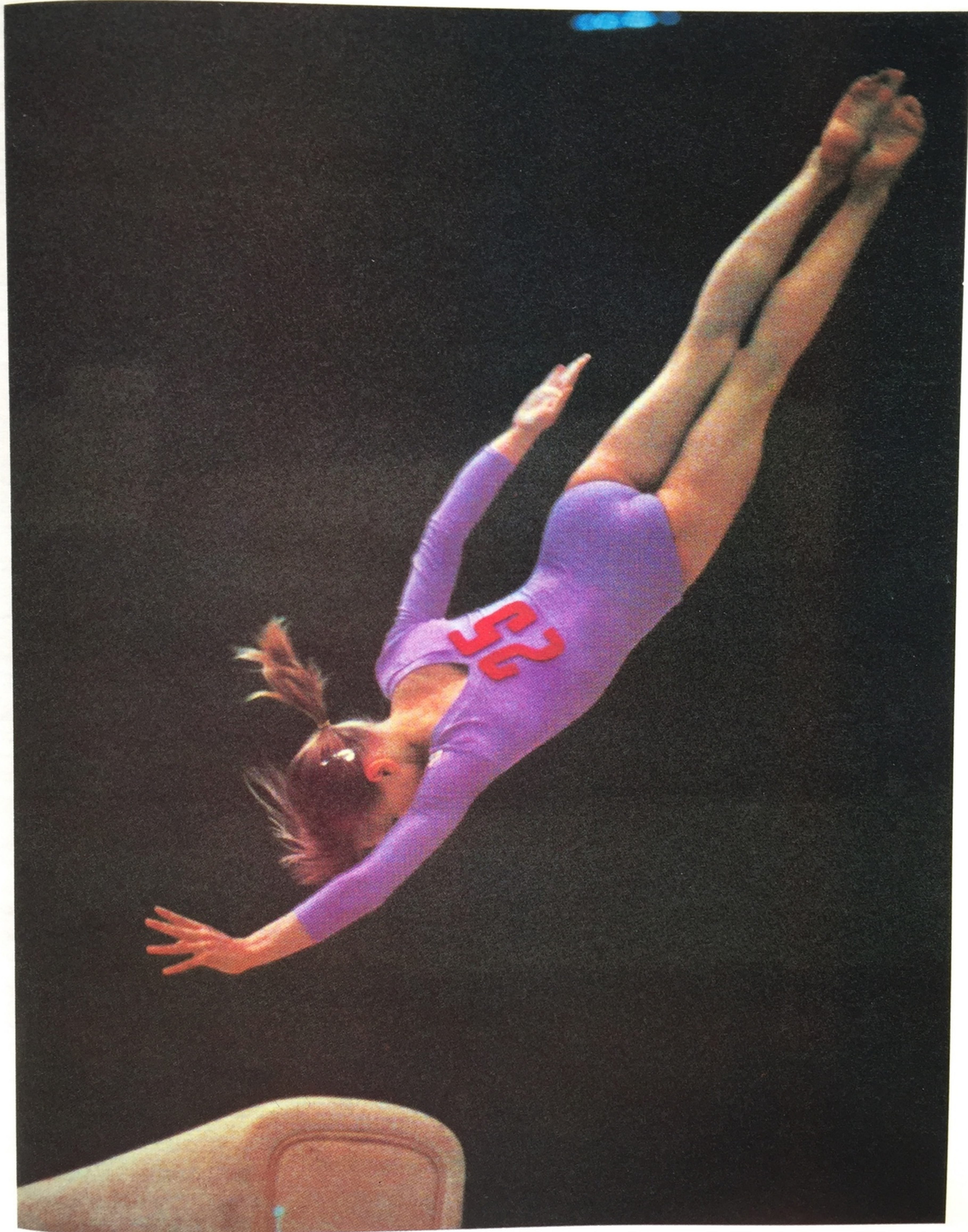
Олимпийский чемпион Александр Дитятин за сутки до старта получает тяжелую травму. Срочно, самолетом, вызван лучший врач-травматолог.

1934 год. «Гимнастика — отстающий участок физкультурной работы. Решение ВСФК СССР о вовлечении в гимнастику рабочей молодежи не выполнено. Не выполнено также решение о привлечении в ряды судей рабочей молодежи. Лозунг «Догнать и перегнать» гимнасты восприняли с большим желанием бороться за его реализацию. Но в гимнастике мы еще не знаем, кого и что догонять. Современный технический уровень гимнастики в капиталистических странах нам почти неизвестен». «Красный спорт».

1937 год. «Лично-командное первенство Москвы охватило 650 гимнастов от 26 обществ». Журнал «Гимнастика».

Старший тренер Леонид Аркаев спрашивает Анатолия Ярмовского, наставника Дитяткина: «Как считаешь, сможет Саша стартовать?» «Это решит сам Саша», — отвечает Ярмовский.

Утром Саша на тот же вопрос отвечает: «Решу на разминке». На всякий случай готовится занять его место Эдуард Азарян.

Пятнадцать минут до старта. Дитяткин и Азарян разминаются рядом. Еще ничего не известно.

Три минуты до старта. Пора строиться. Дитяткин подходит к Азаряну и жмет ему руку. И говорит Аркаеву: «Я выступаю».

Может быть, только один он знает, чего стоил ему тот чемпионат. Когда во второй день он вышел на ковер для вольных упражнений, сделал прыжок и ушел с помоста, неуклюже волоча ногу, а на табло зажглось «0,5», иные пожалы плечами: «Зачем позорился?» Далеко не все знали, что это он воевал за минимальную сумму, которая давала ему право выступать в финалах на отдельных снарядах. И тот, главный поединок он выиграл. И принес команде два золотых трофея...

Да, это сила. Сила духа, которая превышает иной силы, превышает боли. Прекрасен выбор скульптора!

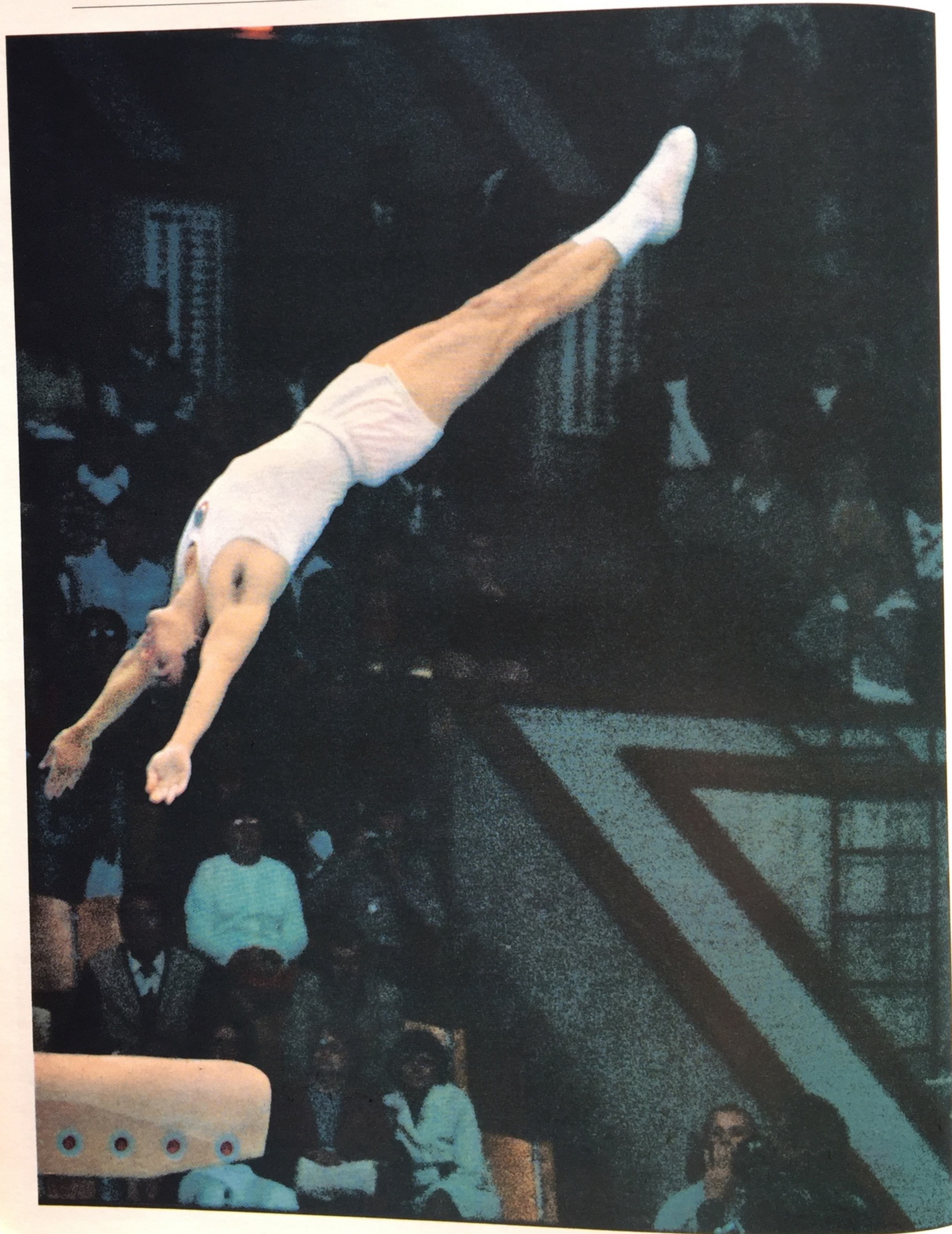
Но и иной возможен выбор. Совершенно безыскусный. На эскизе маленькая девочка. Такая маленькая, что ее макушка с хвостиком волос чуть выше бревна, на которое предстоит вспрыгнуть. Мы не знаем пока, что увидим на бревне. Быть может, поразительное горизонтальное равновесие Натальи Шапошниковой — ее «самолетик» — или стойку на одной руке, «флажок» Наташи, когда она гнется, словно клонимая ветром, гнется, но не падает... Это даже неважно, что мы увидим. Сейчас девочка просто находилась и дует в ладоши, и отрешенная мина смешна воробьиной сосредоточенностью и вместе прекрасна. Крайнее, предельное напряжение мысли. Детский мозг стремится избавиться от всех сомнений и страхов и максимально отчетливо мысленно прочертить будущую комбинацию.

О, какая сила нужна! О, какие ей противостоят силы — огромного земного тяготения, которое норовит сбросить ее с деревянного бруса, собственного опасения ошибиться, ушибиться, подвести подруг, тренера, команду!

Не в ней ли, этой девочке, творится сейчас главная работа, делающая гимнаста истым спортсменом и истым человеком?

Не ее ли отлить в бронзе?

1937 год. В Антверпене на глазах у многих из тех, кто активно поддерживал и пропагандировал антисоветские взгляды, советская команда гимнастов, целиком состоявшая из молодежи, подготовленная на основе советских принципов всестороннего физического воспитания, занимает первое место». Журнал «Гимнастика».

1939 год. «Ленинград. На первенстве города участвовали 2500 гимнастов всех разрядов, звание чемпиона завоевал мастер Серый, у женщин — мастер Тышко. Иваново. Небывало большое количество участников — 232 человека — показывает, что гимнастика в городе развивается и растет. Минск. В первенстве города приняло участие 170 человек». Журнал «Гимнастика».

1941 год. «Сравнительный анализ программ первенства мира по гимнастике 1940 года и первенства СССР 1940 года показывает, что советские гимнасты достигли к 1940 году уровня мирового класса». Спортивный ежегодник.

Вырази тельность

Выразительность

У олимпийской чемпионки 1968 года в вольных упражнениях Ларисы Петрик было выражение «рисунок чувств». Не забыть ее рассказ о том, как она исполняла на помосте Мехико свою «Цыганочку». Как вылетела на ковер цыганкой, которая спасается от чьего-то преследования — вылетела и замерла, застыла, гордая («Я шаль сброшу — никто мне не судья»), и пошла себе, крадучись, тихонько и хитренько, заманивая и завлекая, а сама стараясь остаться холодной, но игра все больше ее волновала, она словно бы заигрывалась, и внезапно распахнулась ее душа, и она сделалась совершенно счастлива вместе с многотысячным залом, которому подарила свое счастье.

Петрик — из плеяды актрис помоста. Сейчас, когда мы слышим ее телекомментаторский говорок, его характерные придыхания и некото-

рые сбивы проистекают, мне кажется, оттого, что хладнокровная зоркость наблюдения и анализа спорит с высоким артистическим волнением. Ее тревожит и берedit происходящее на помосте, как в ту пору, когда сама она выходила на помост, тревожило и берedit все окружающее. Весной хотелось выразить на ковре весеннее цветение, осенью — грусть увядания...

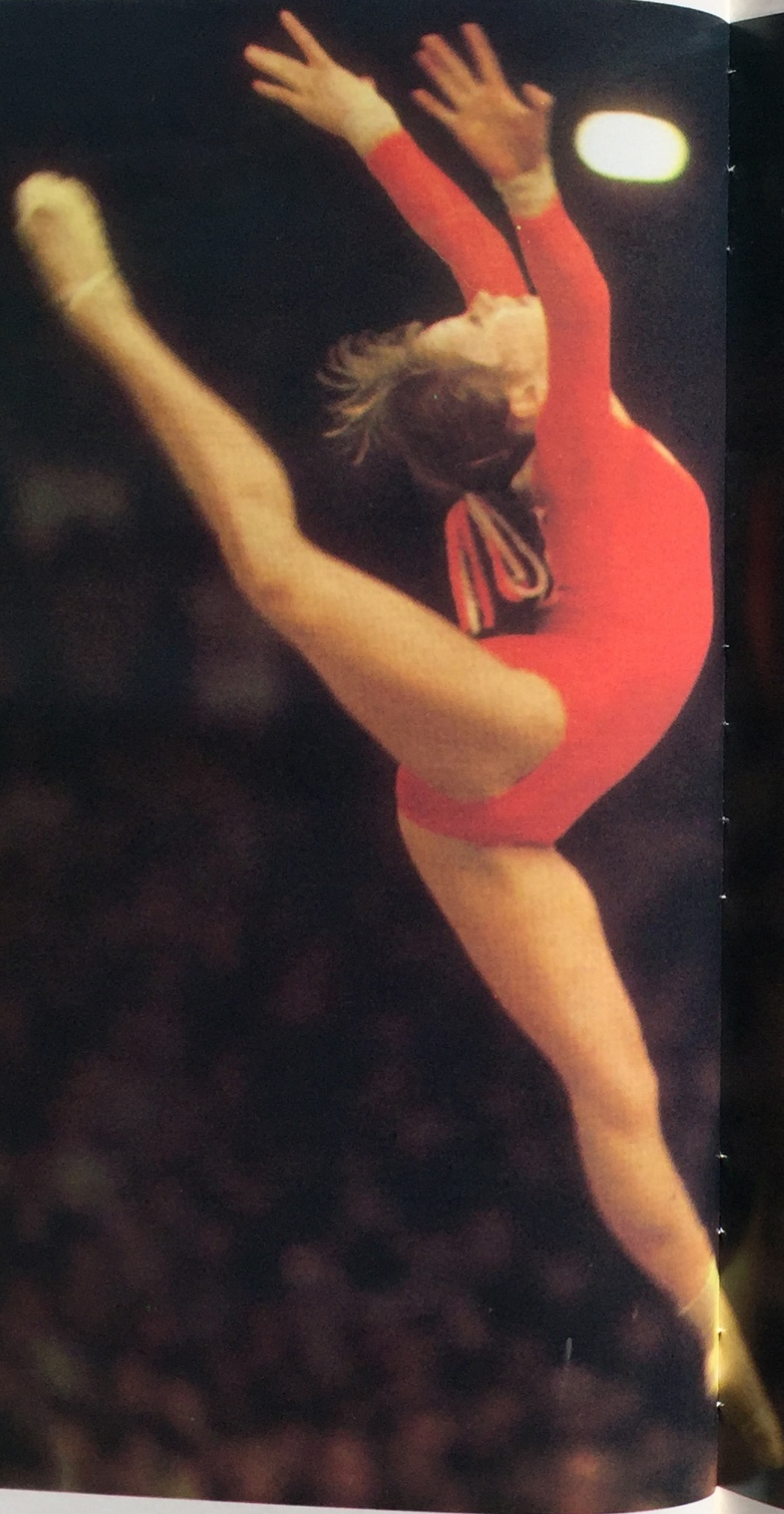
Вспоминаю «гимнастический театр» недавних лет.

...Например, Русудан Сихарулидзе — луноликую горянку из кавказской легенды...

...Например, Нину Дронову — живой солнечный луч...

...Например, Тамару Лазакович — посверкивающую проволочку, зло накаленную добела...

Они и в жизни были такие: ершистая, тайно проказливая Лазакович, застенчивая, вспыхивающая и гасну-

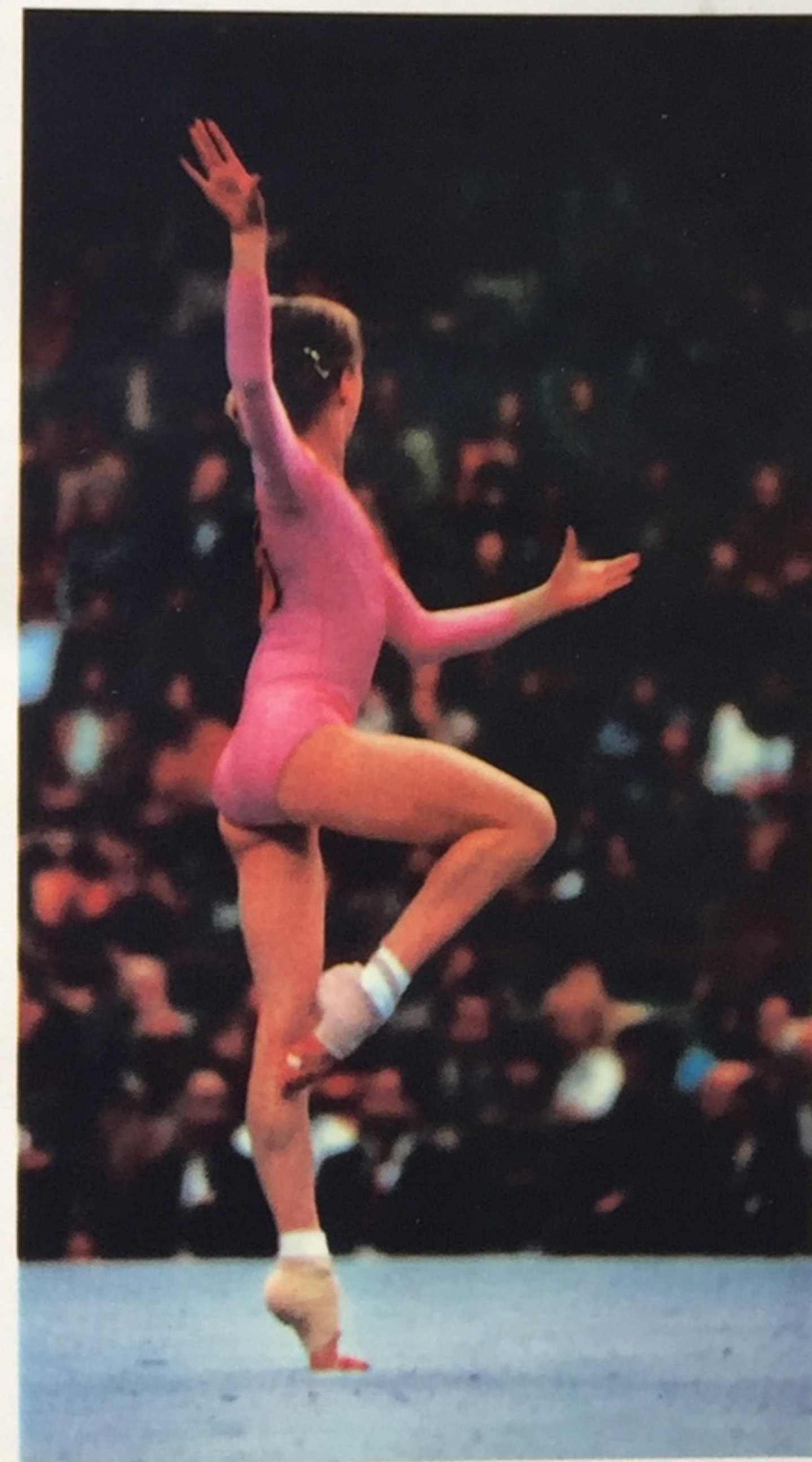
1942 год. Иваново. В областном техникуме физкультуры закончились соревнования по гимнастике. Всего в них участвовало 32 человека, но особенно интересным было выступление 7 лучших гимнастов, исполнивших программу второго всесоюзного разряда». «Красный спорт».

1942 год. «На закончившемся на днях личном первенстве Москвы по гимнастике большим успехом пользовались в исполнении спортсменки первого разряда В. Тюриной произвольные вольные движения с винтовкой». «Красный спорт».

1943 год. «Олег Бормоткин, замечательный гимнаст, стал инструктором рукопашного боя и в тяжелых условиях осажденного Ленинграда этой зимой подготовил не одну тысячу бойцов-рукопашников. Сегодня т. Бормоткину присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР». «Красный спорт».

1943 год. «Тбилиси. Школьники-спортсмены — боксеры, борцы и гимнасты — провели в госпитале у раненых моряков два спортивных выступления». «Красный спорт».

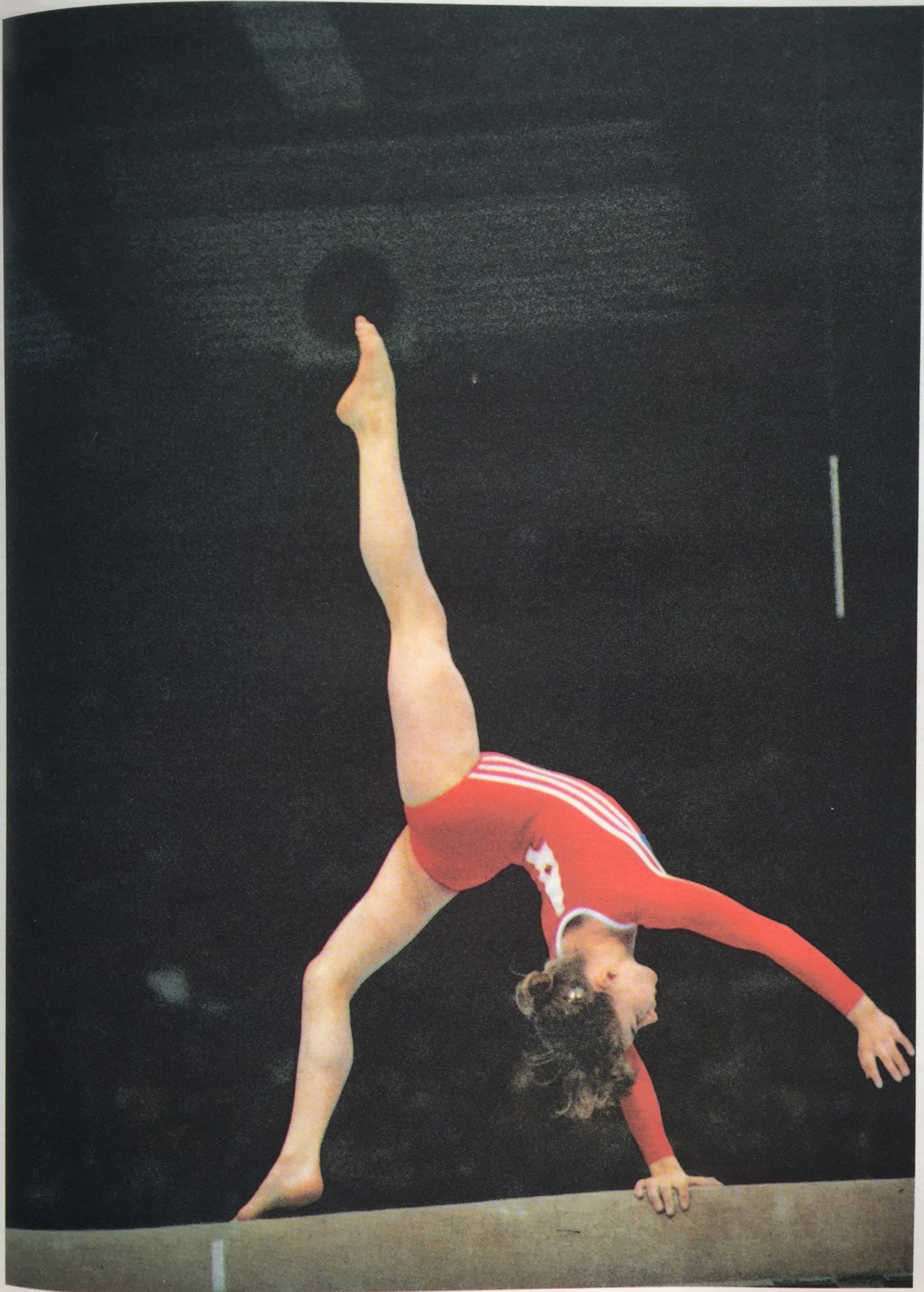

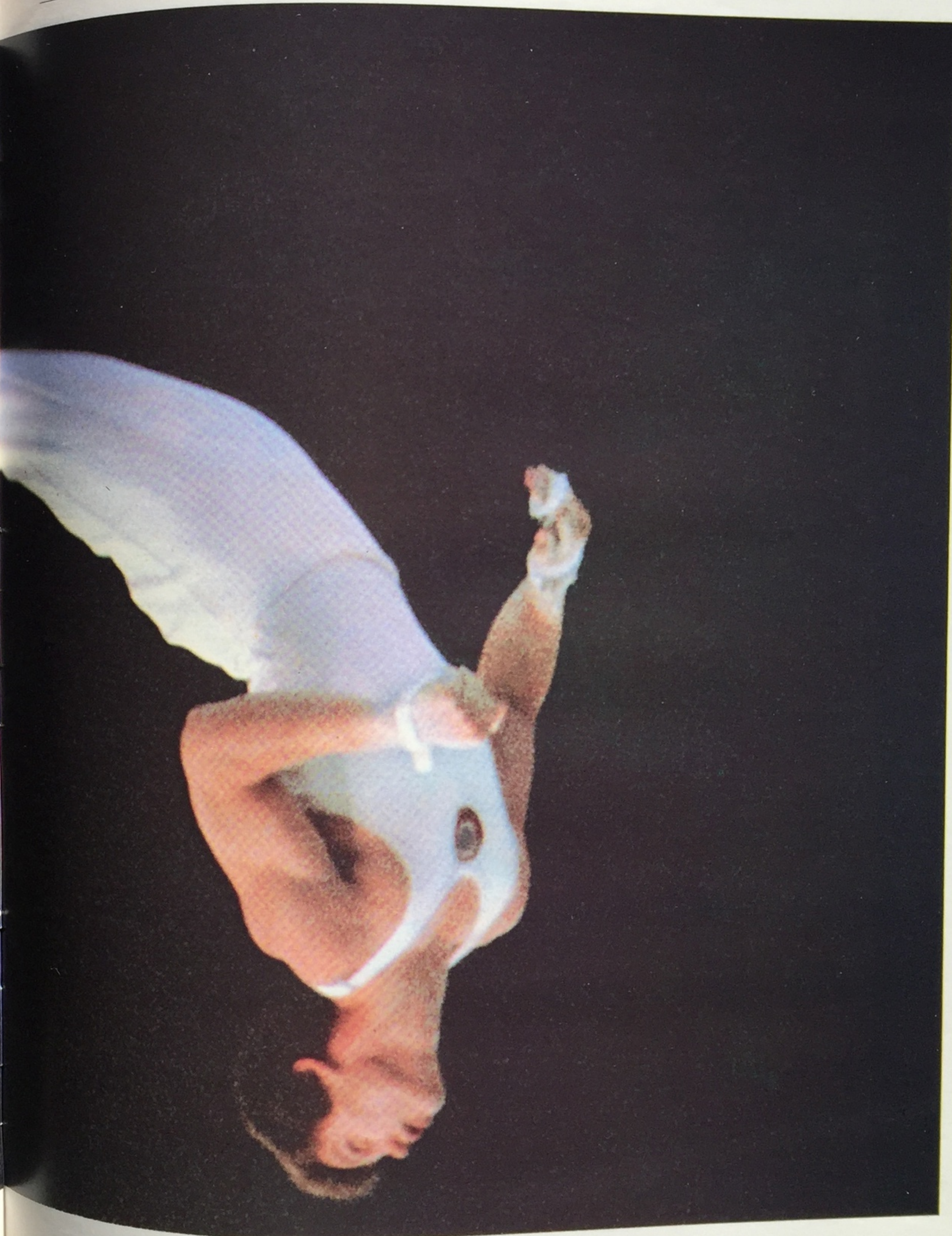
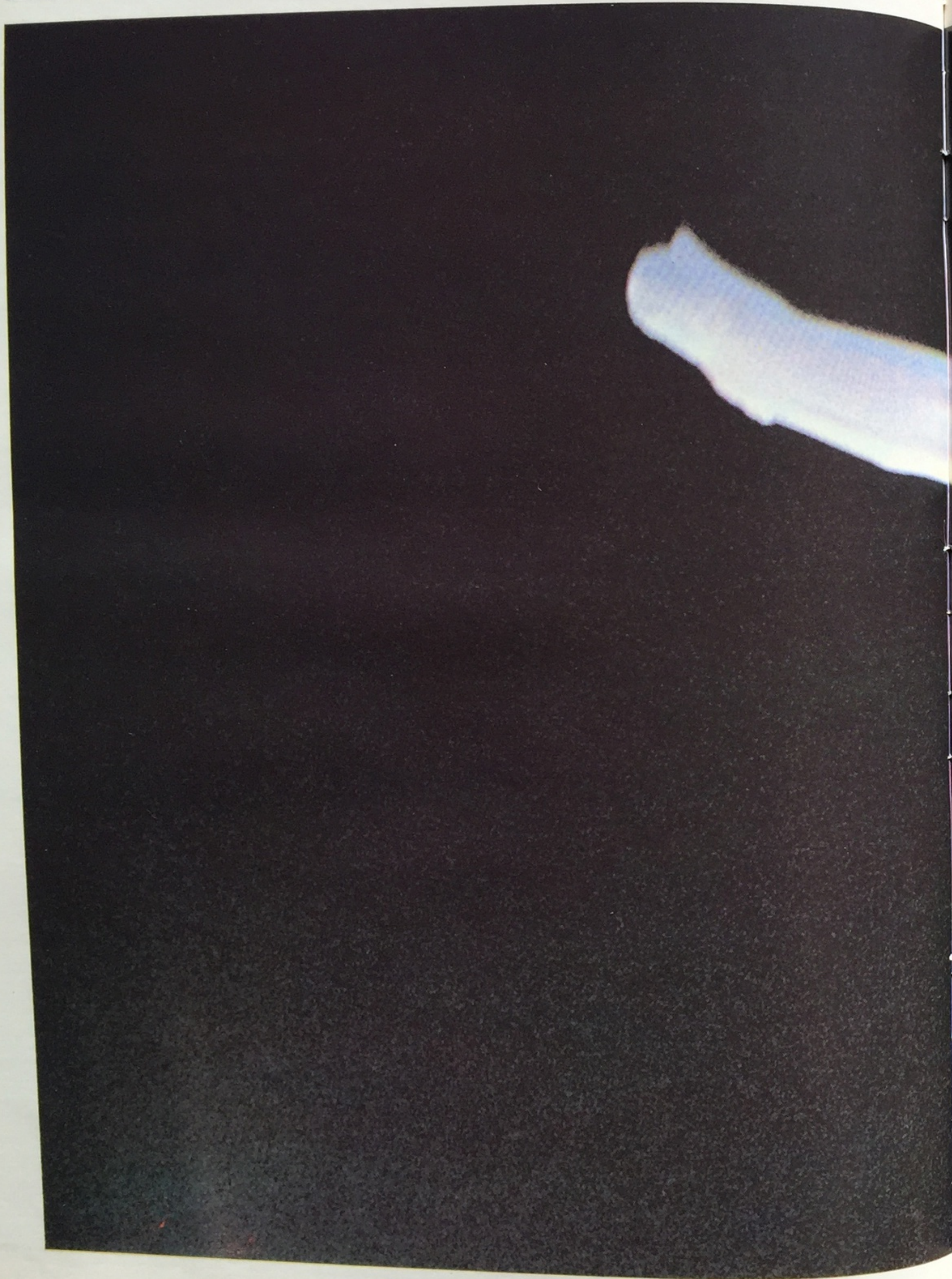
щая Сихарулидзе, открытая, простодушная Дронова, встречающая улыбкой все живое в жизни.

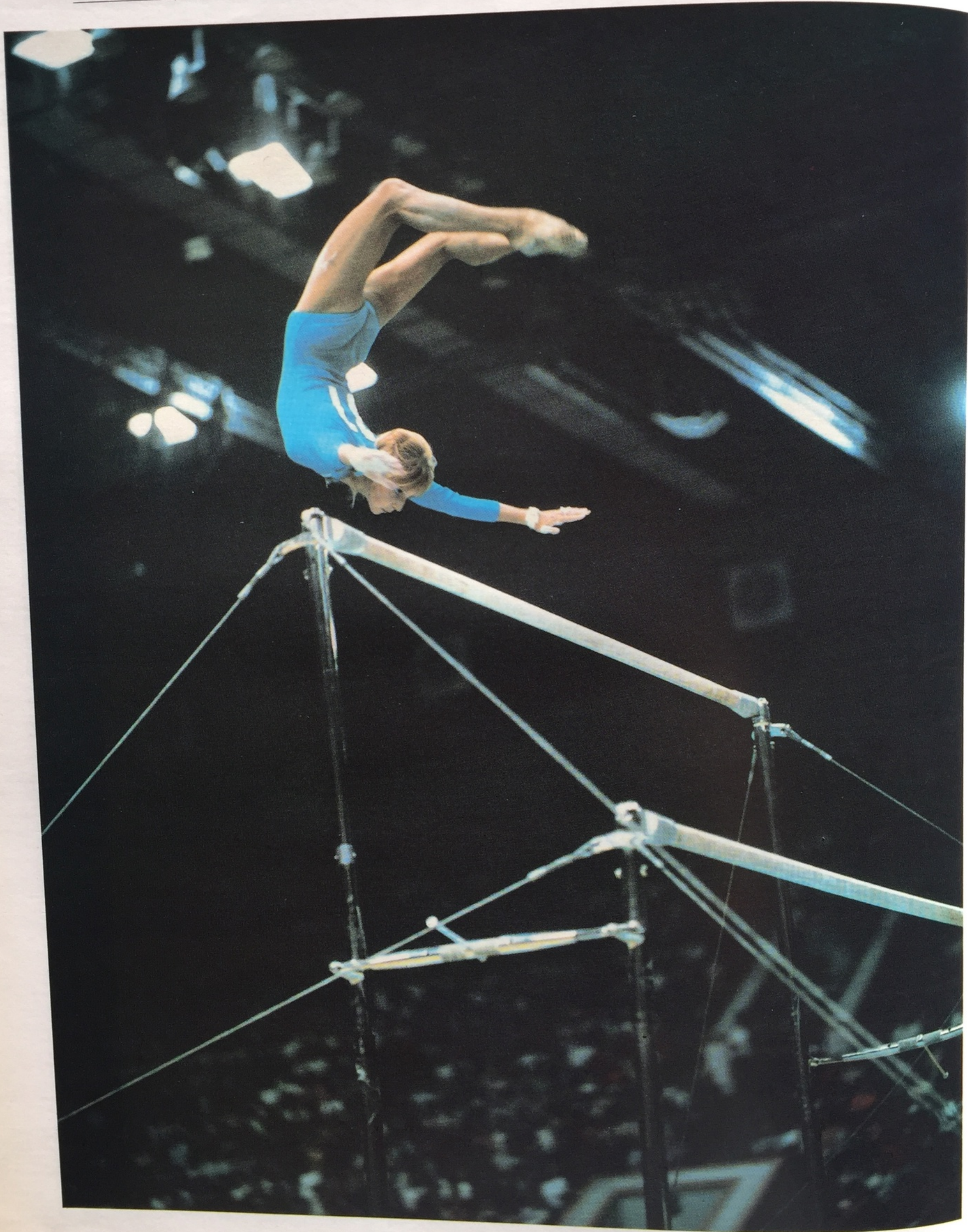
Вернее, нет — они были в гимнастике такие, как в жизни, гимнастика позволяла им выразить себя.

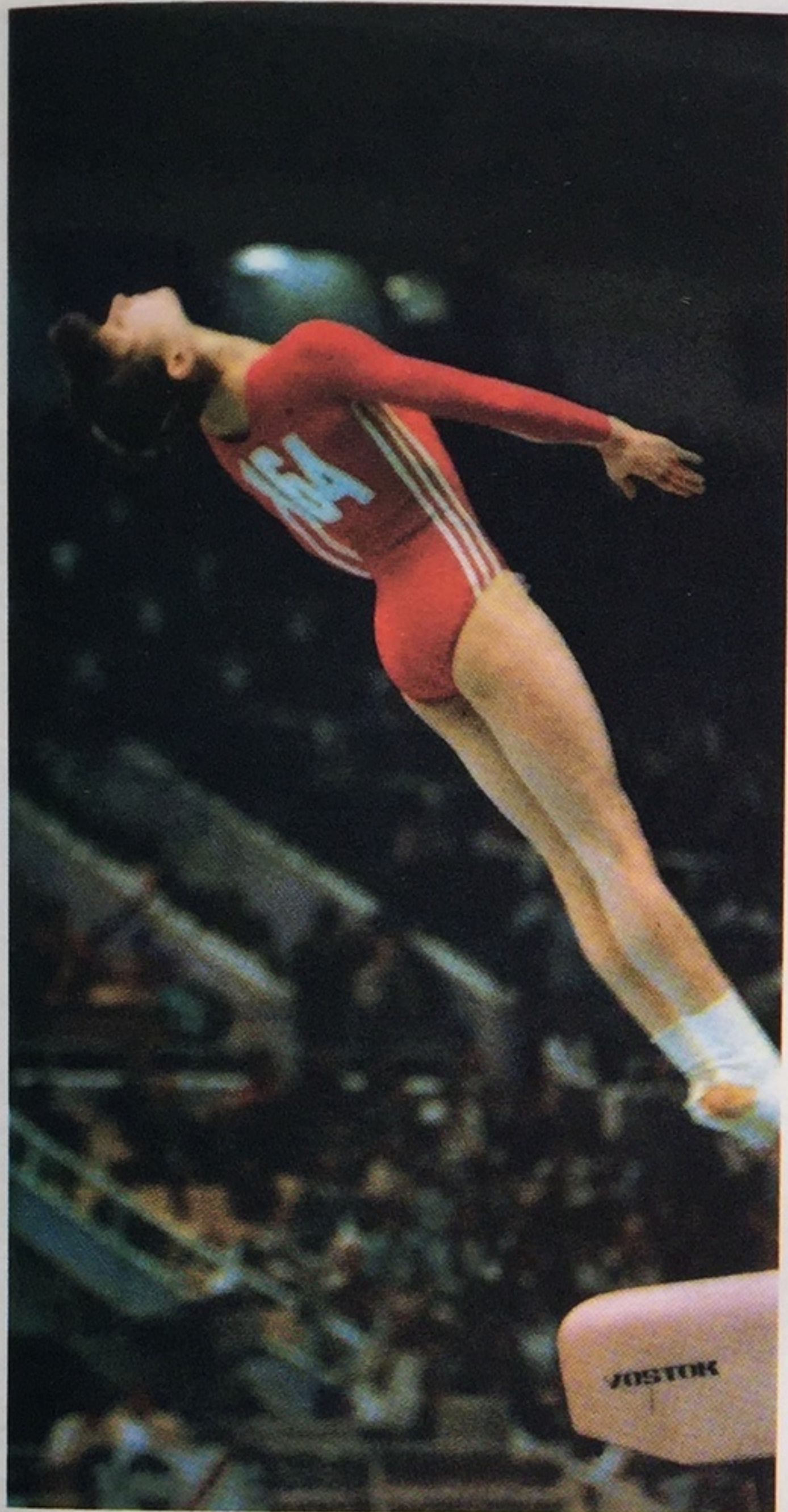
Но вы, очевидно, заметили, что в пересказе комбинации Петрик я не употребил ни одного специального термина, и весь, значит, предыдущий разговор в таком виде не удовлетво-

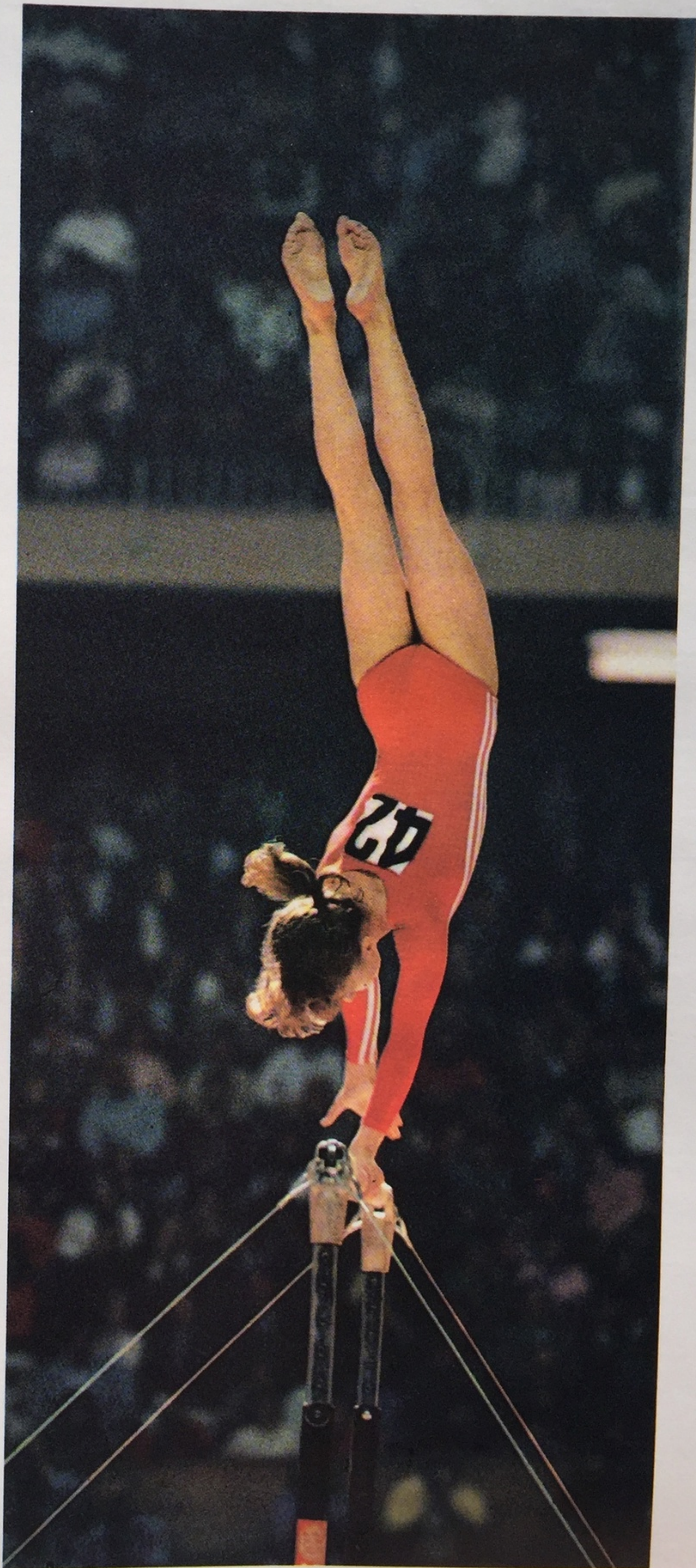
рит не только знатока, но даже более или менее опытного любителя этого вида спорта.

Надо же все-таки осведомить людей о том, допустим, что первая диагональ упражнения завершена двойным сальто, в середине — «окрошка», а в конце — пируэт...

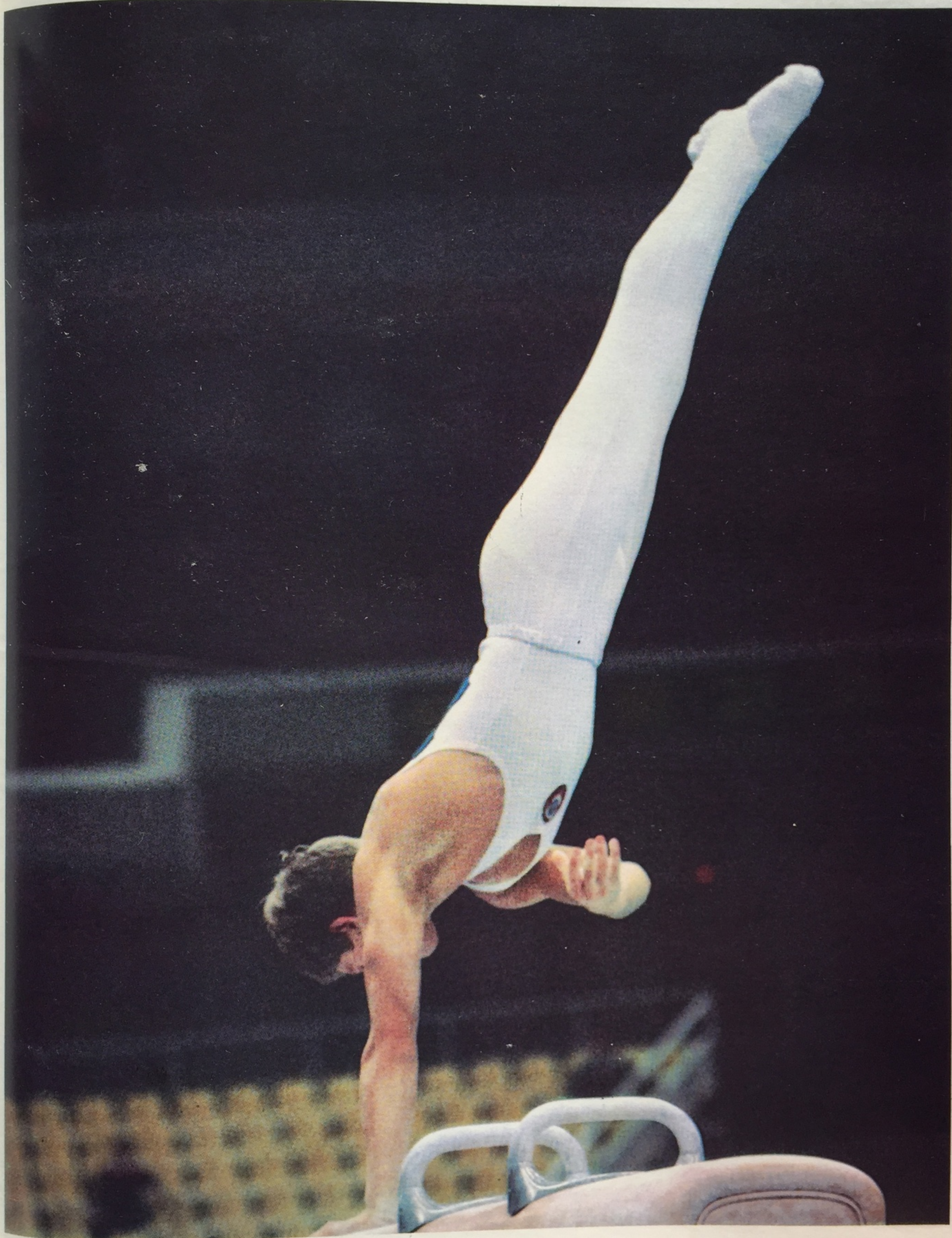
Ну, хорошо, а балет? Пересекая сцену спиралью классических фуэтэ, каждая прима-балерина совершает, казалось бы, одни и те же движения, но сколь отличен пряный изыск почерка Плисецкой от мягкого лукавства Максимовой или девичьей непосредственности Надежды Павловой.

Вопрос, очевидно, в том, что техника движений, заученная так, что не требует грана душевных усилий, как не требует их от любого из нас просто ходьба — если мы, конечно, здоровы, — оставляет свободу уму и сердцу, и они полнятся чувством, полнятся страстью, и это есть высшая свобода художника, творческая свобода.

Но добро тебе, мне возразят, судить и рядить о свободе, коль классические тридцать два фуэтэ были и во времена Петипа, и ныне

остались. Добро разглагольствовать о вдохновении Петрик в Мехико, если самым сложным, что она там показала по части акробатики, был пируэт — по сути дела прошлый век гимнастики.

Ведь ныне любая комбинация на ковре столь плотно насыщена — просто набита до отказа — элементами высшей категории сложности, что гимнастке не до самовыражения, не до «рисунка чувств»,

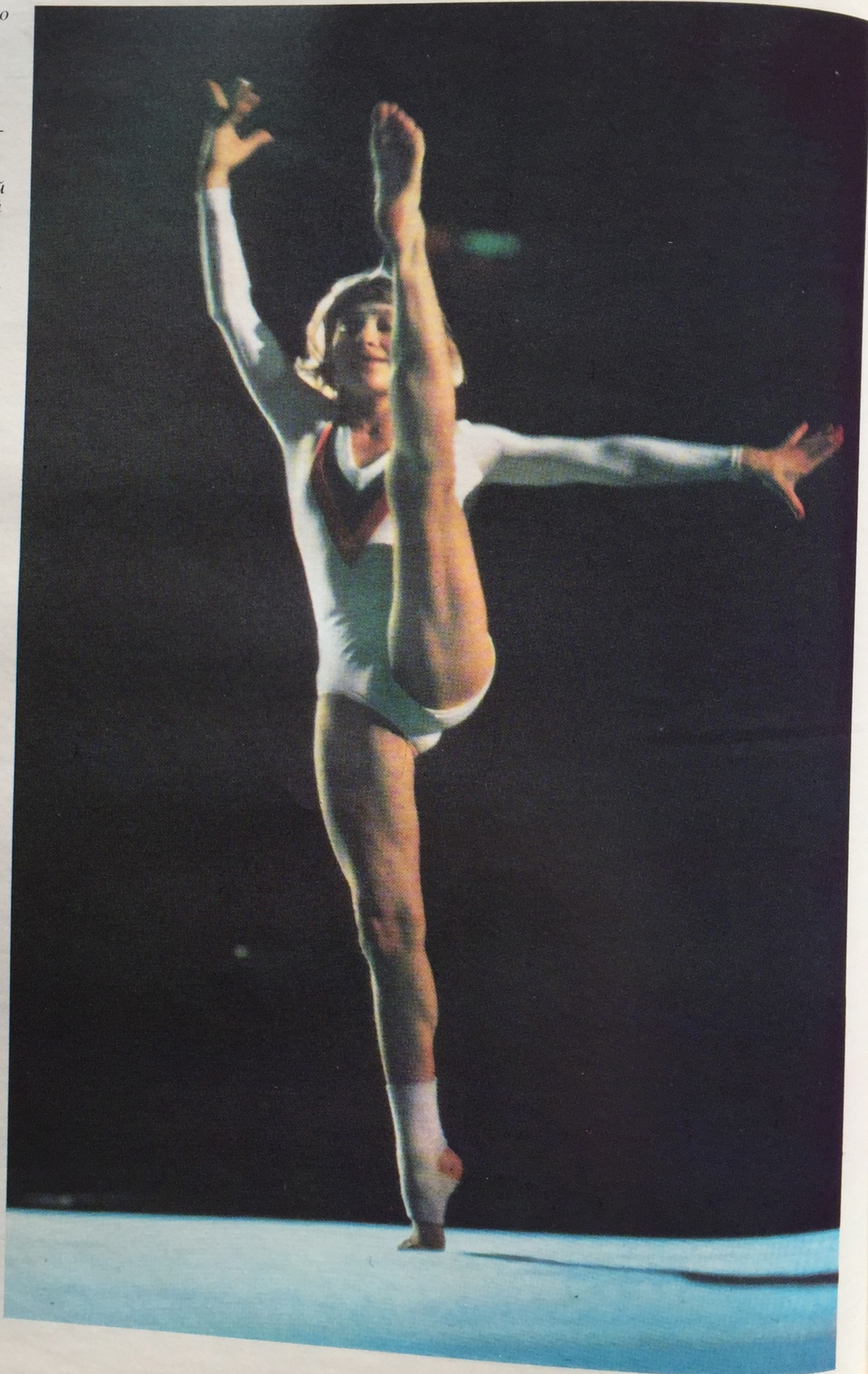
остались. Добро разглагольствовать о вдохновении Петрик в Мехико, если самым сложным, что она там показала по части акробатики, был пируэт — по сути дела прошлый век гимнастики.

Ведь ныне любая комбинация на ковре столь плотно насыщена — просто набита до отказа — элементами высшей категории сложности, что гимнастке не до самовыражения, не до «рисунка чувств»,

1943 год. «Недавно известный спортсмен-гимнаст полковник Глеб Бакланов за бои под Сталинградом награжден орденом Александра Невского. Это третий орден, полученный отважным командиром-спортсменом». «Красный спорт».

1949 год. «Международные студенческие игры в Будапеште отличались сильным составом участников во всех видах программы. Советские спортсмены одержали убедительные победы как в мужской, так и в женской группах. В многоборье мужчин первые три места завоевали наши гимнасты во главе с блестящим и разносторонним техником ереванским гимнастом Грантом Шагиняном — 118,20 (из 120 возможных). Виктор Чукарин отстал очень немного — 117,8, Евгений Корольков занял третье место — 116, 95. В женской группе ожесточенная борьба шла между Софьей Подуздовой, всего лишь второй сезон выступающей по группе взрослых, и опытной венгерской спортсменкой Шарканине. В многоборье Подуздова уступила всего лишь 0,25 б.» «Советский спорт».

успеть бы приземлиться на ноги, а не на нос.

Возражение резонно. Однако замечу, что хотя язык гимнастики усложнился невероятно и продолжает усложняться дальше, он не стал абракадаброй. Искусство этого вида спорта глубоко человечно. Ведь в основе его — поиск неизведанного, попытка приблизиться к пределу возможного. То, что сделало человека человеком. То, что в высшем, в конечном смысле помогло и помогает ему выразить себя.

Что являют собой все величайшие открытия, как не самовыражение?

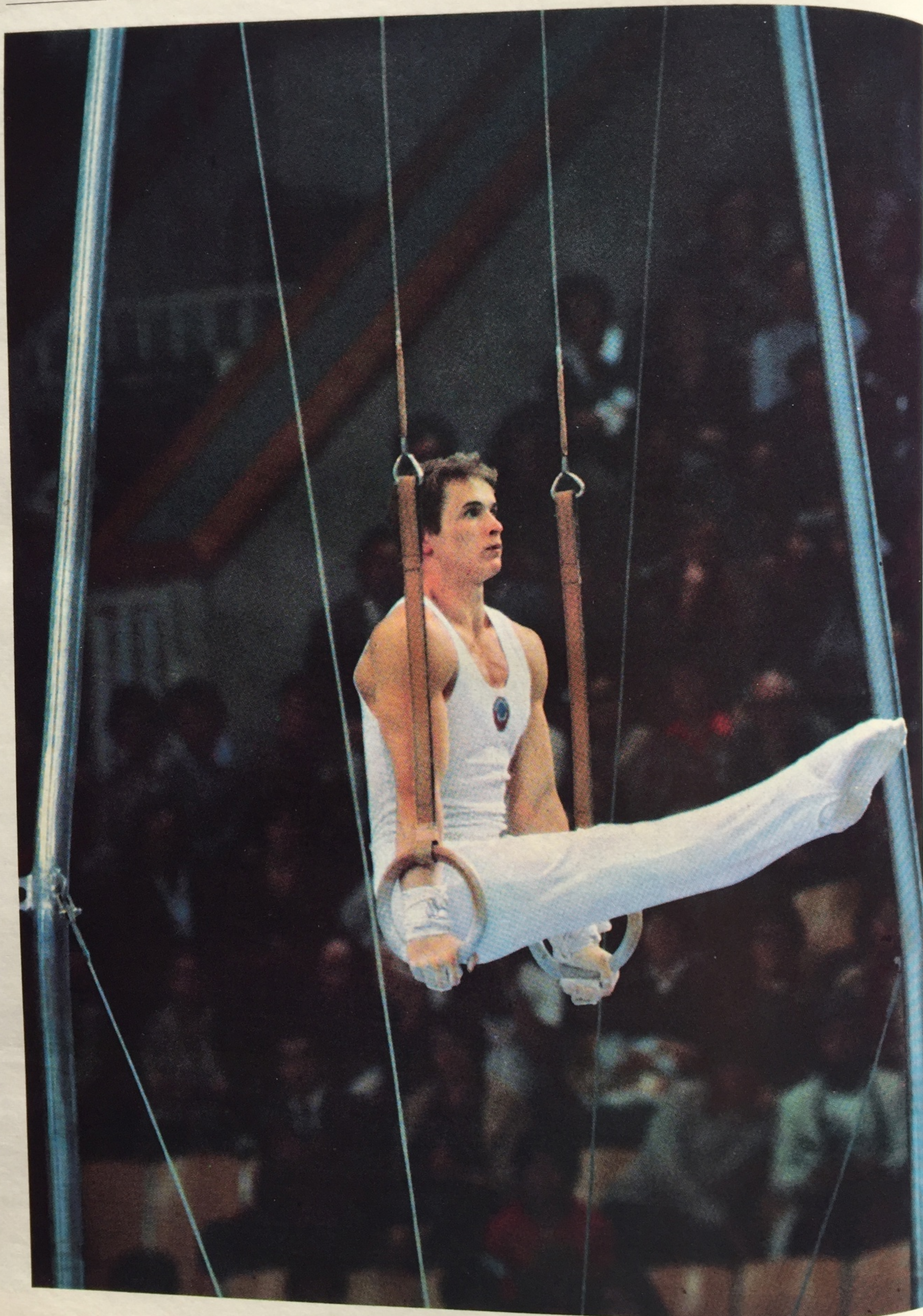
Но это, так сказать, в глобальном смысле. А применительно к гимнасту — к каждому гимнасту?

Смысл любого упражнения, думаю мне, измеряется понятиями «свобода владения телом», «радость жизни», «радость борьбы».

Когда порхает возле турника — именно возле, словно напрочь отрешенный от малейшего контакта с железом — натянутый и упругий, бледный и матово-смуглый Артур Акопян (тот самый, помните? — «хрустальный гимнаст»), в этом поле-

те, к
бесс
стна
И
чел
нали
как
игра
свер
сти,
ства

года
сши
нату
рол
кон
сна
от в
дол
слу
ясн
леву
стре

пер
дол
сос
зна
вос
сот

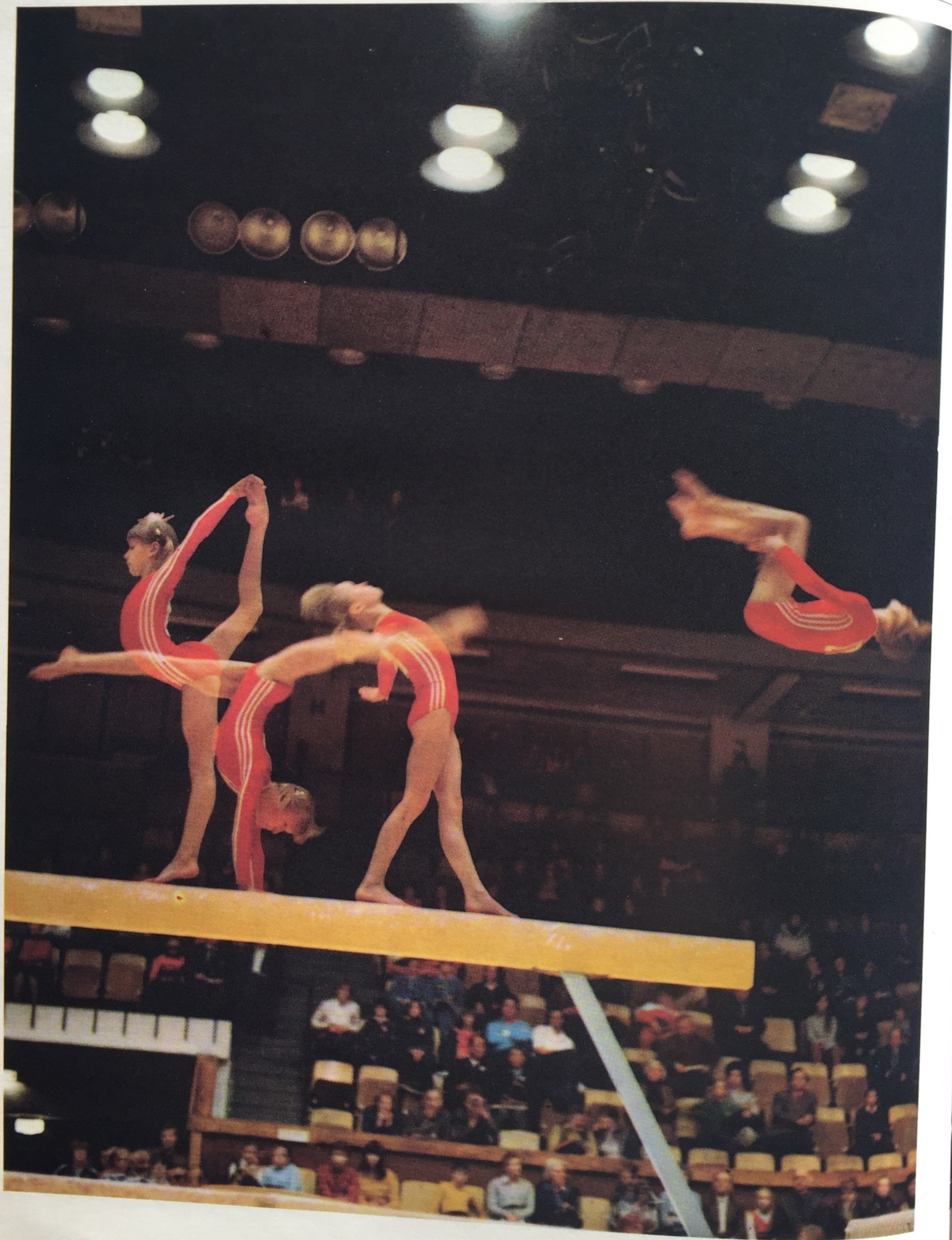
те, в этой свободе видится вся его бесстрашная и целомудренно страстная натура.

Когда кроха Оля Бичерова, сдвув челку со лба, устремляется по диагонали кувыркаться над ковром, это как озорство, как приключение, как игра — некая экстра-ультра-сверхчехарда. Выражение ее бойкости, прыткости, веселости, любопытства ко всему на свете.

Когда на чемпионате мира 1981 года в Москве шла поразительная сшибка двух волей, двух кремневых натур — Богдана Макуца и Юрия Королева, все решалось на коне. А конь — известная истина — строгий снаряд, чуть дрогнет ладонь на ручке от волнения или усталости, и летишь долой с кожаного крупа. И вот заслужил овации Макуц, уже вроде бы ясно — он чемпион. Выходить Королеву — новичку, дебютанту, необстрелянному...

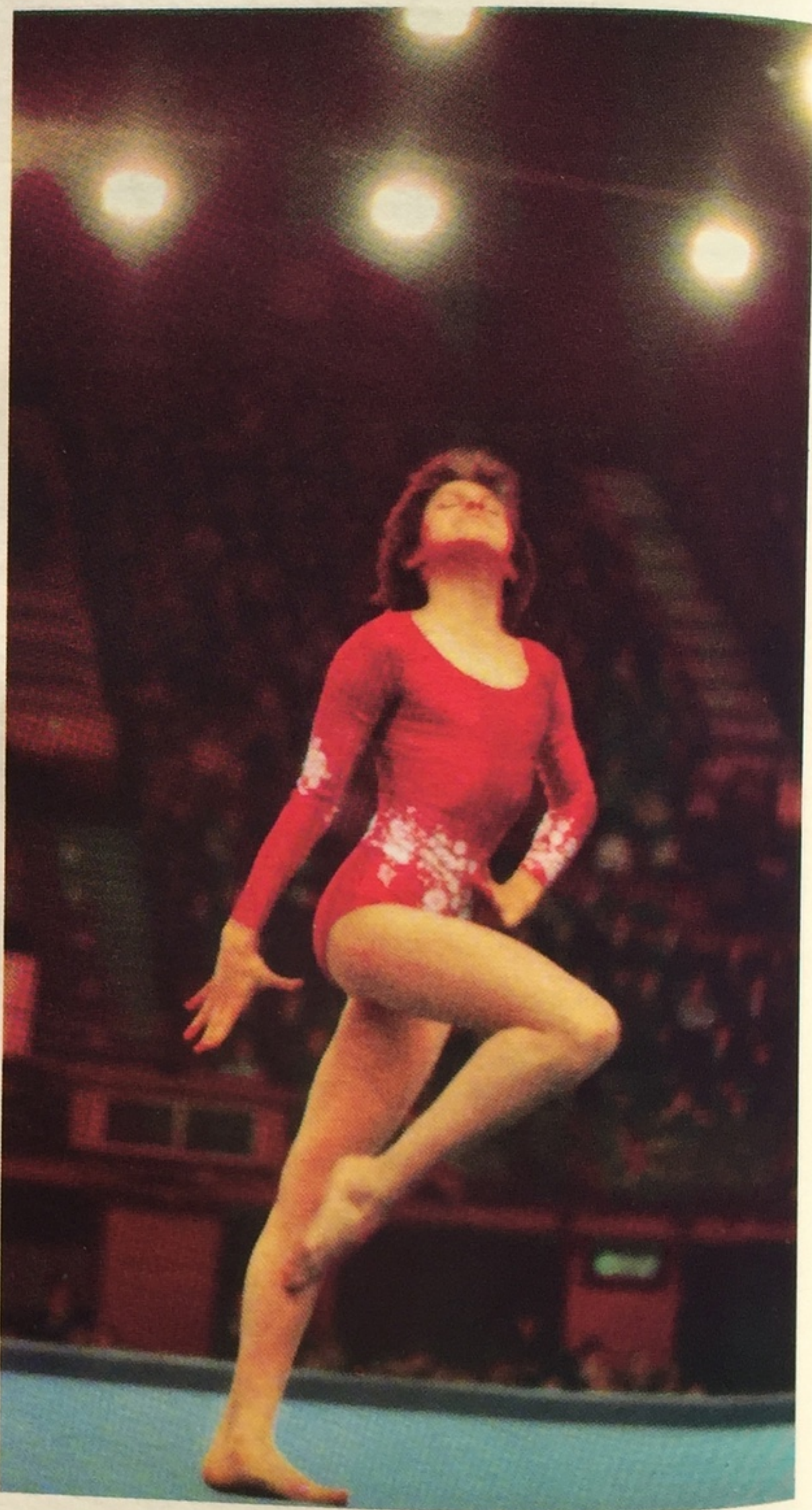
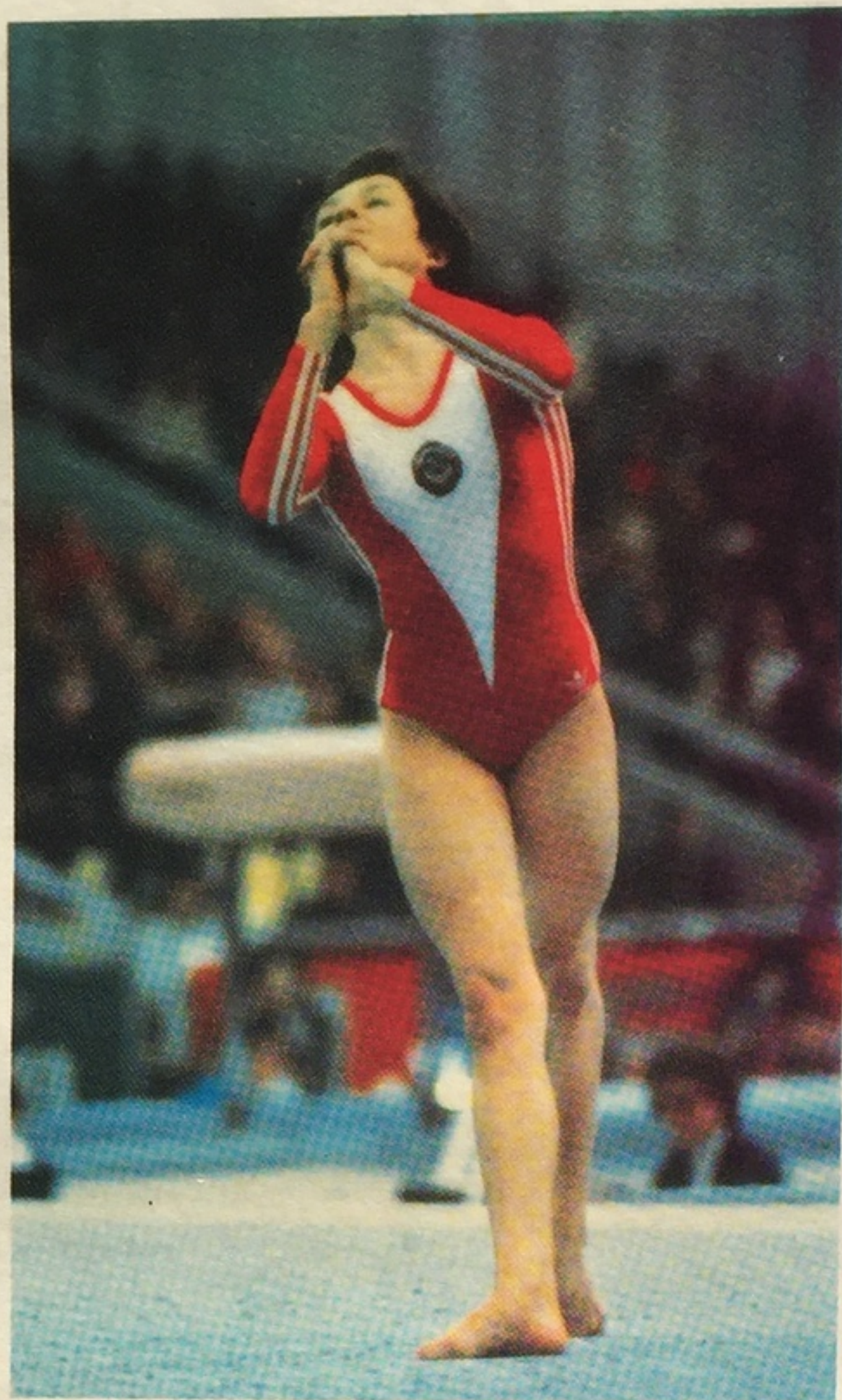
Конец его комбинации, стойка перед соскоком, была исполнена без доли усилия, словно спелась сама, а соскок прозвучал восклицательным знаком. Буря рукоплесканий предвосхитила оценку, в которой пять сотых балла вознаградили непости-

1952 год. «На днях состоялось заседание президиума олимпийского комитета СССР совместно с председателями всесоюзных секций по видам спорта. Принято решение об участии советских спортсменов в XV Международных олимпийских играх». «Советский спорт».

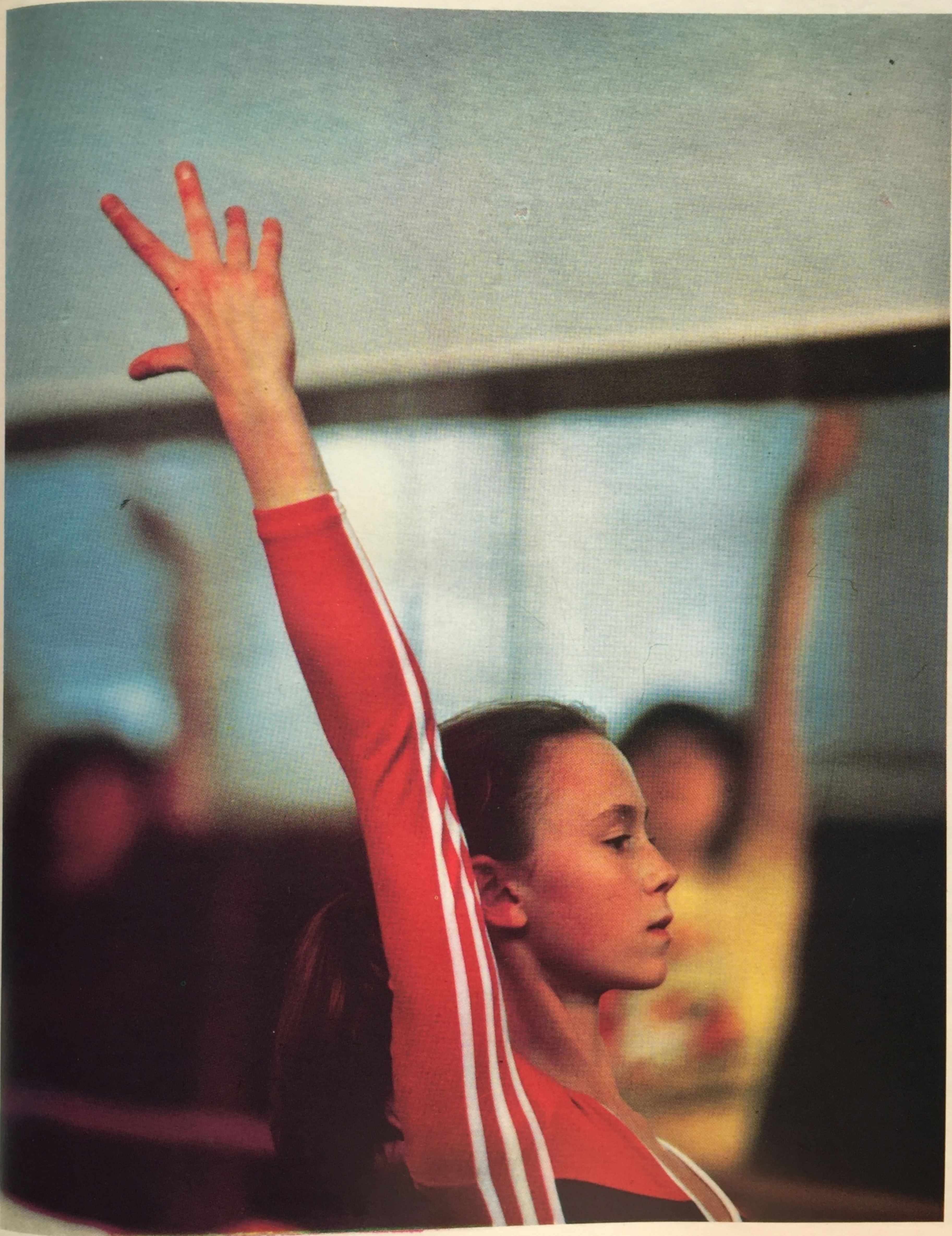
жимую неколебимость юноши-победителя.

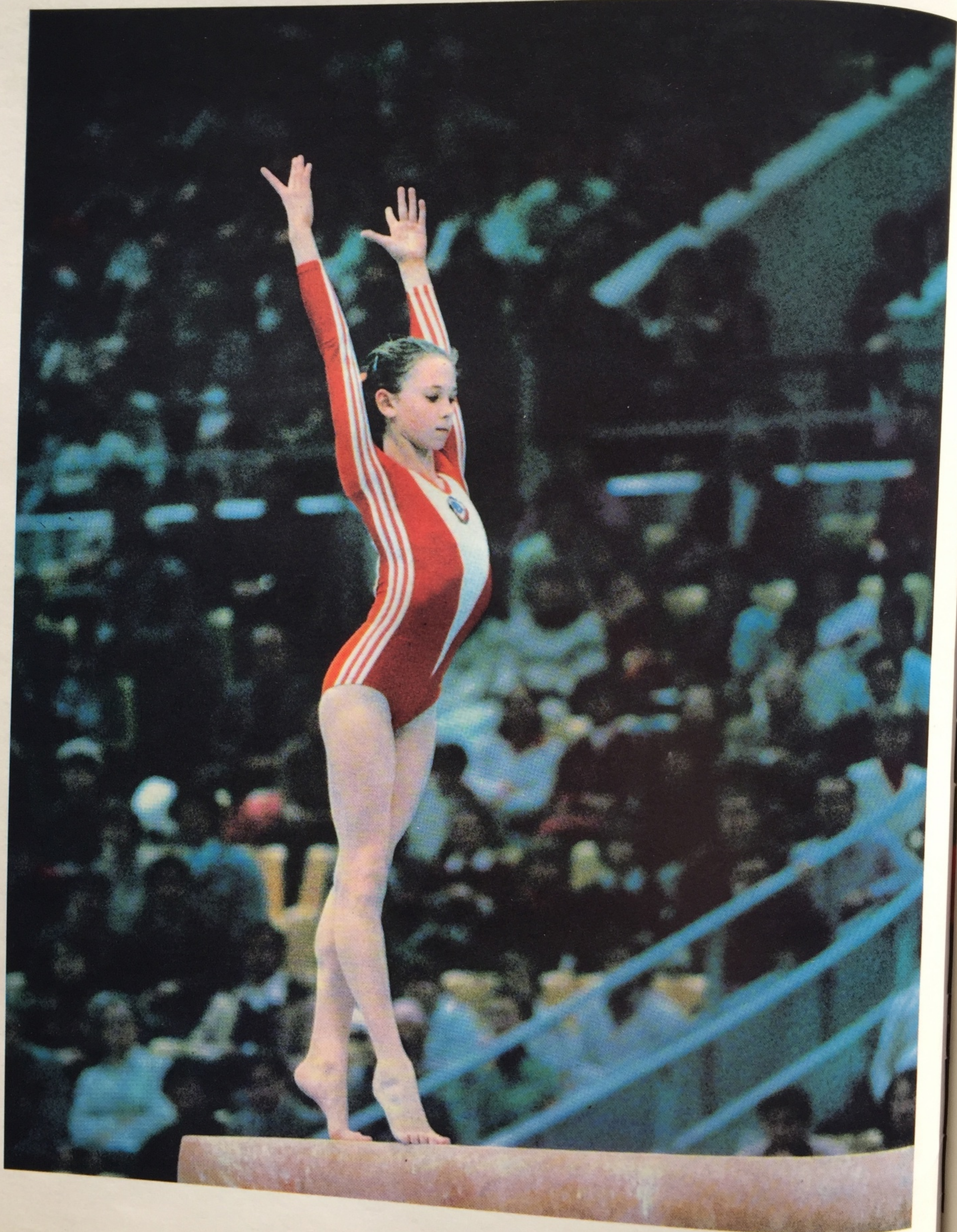
Гимнаст не играет роль на сцене.

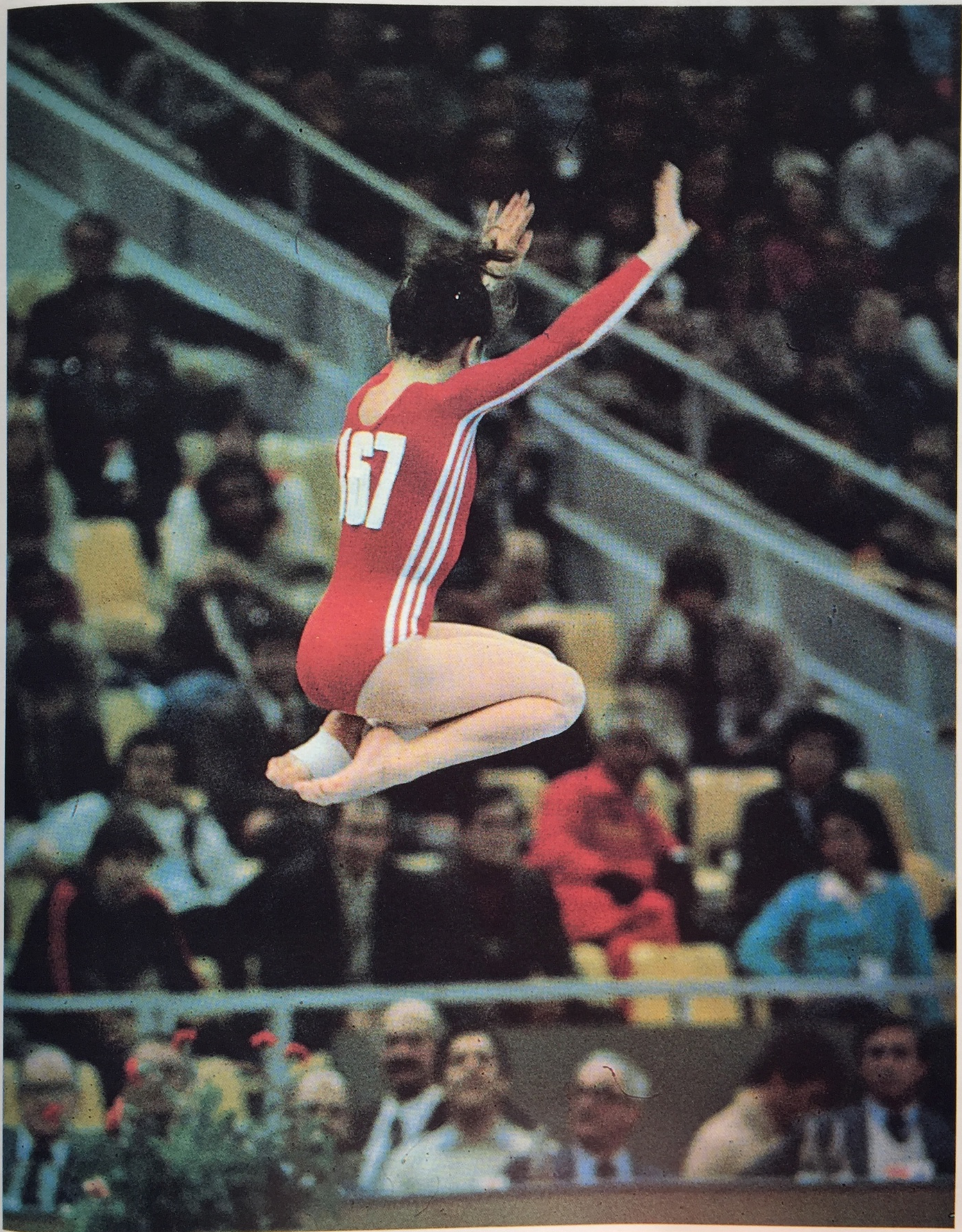
А если играет, то только самого себя.

Тренировка на снарядах делает красивей и благородней очертания его мышц.

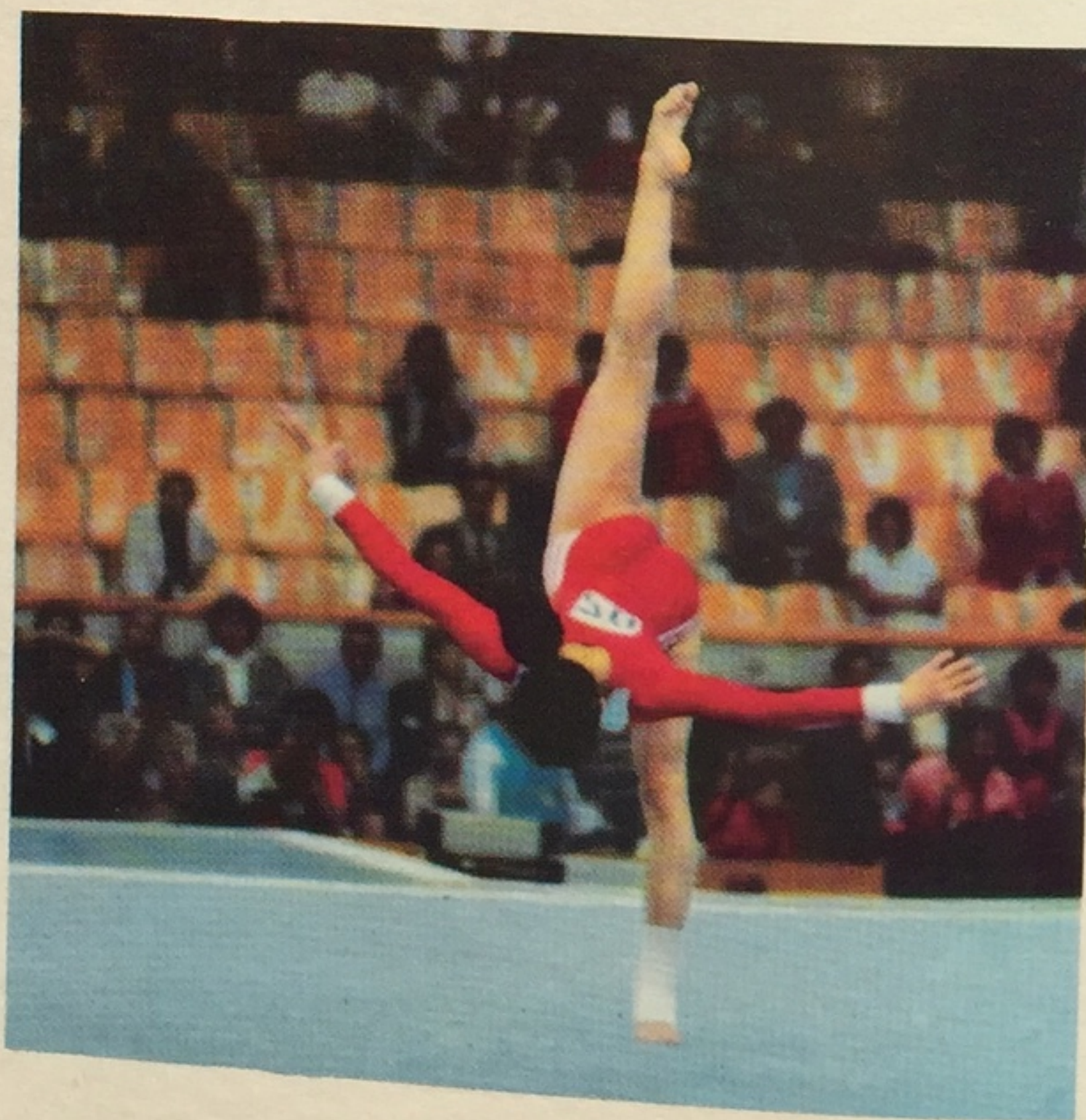
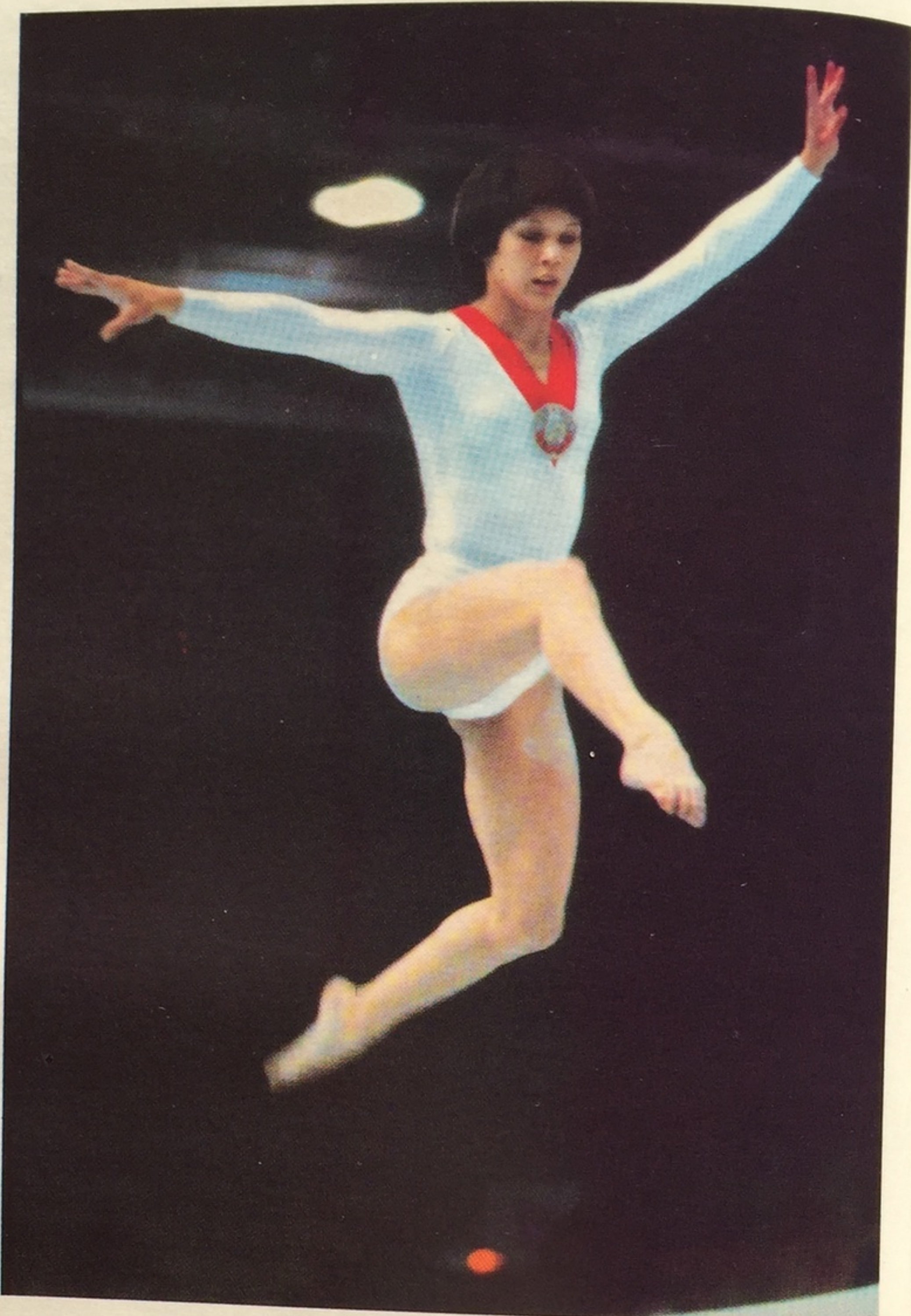
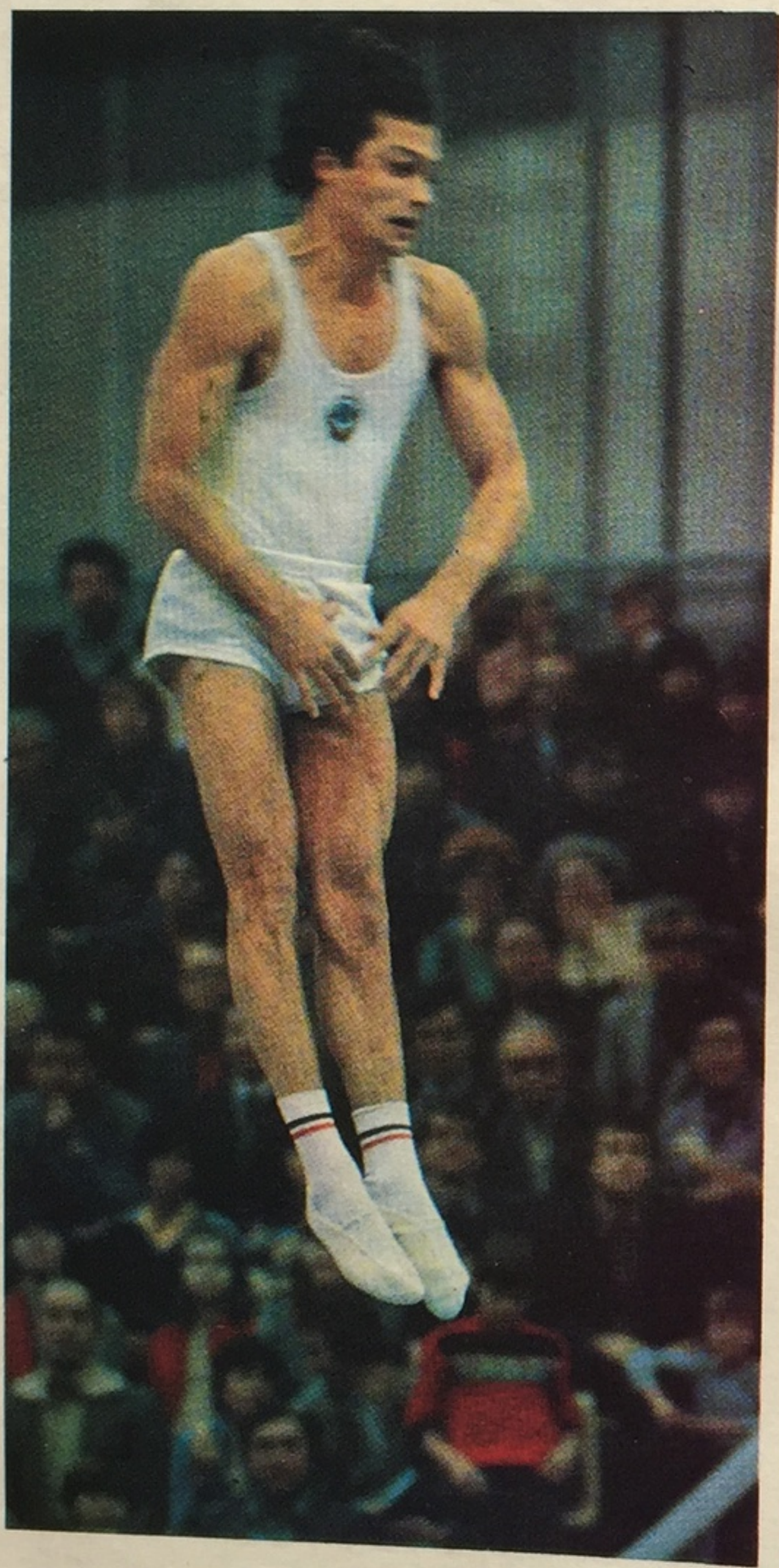
Накал состязания делает красивей и рельефней рисунок его чувств, черты его души.

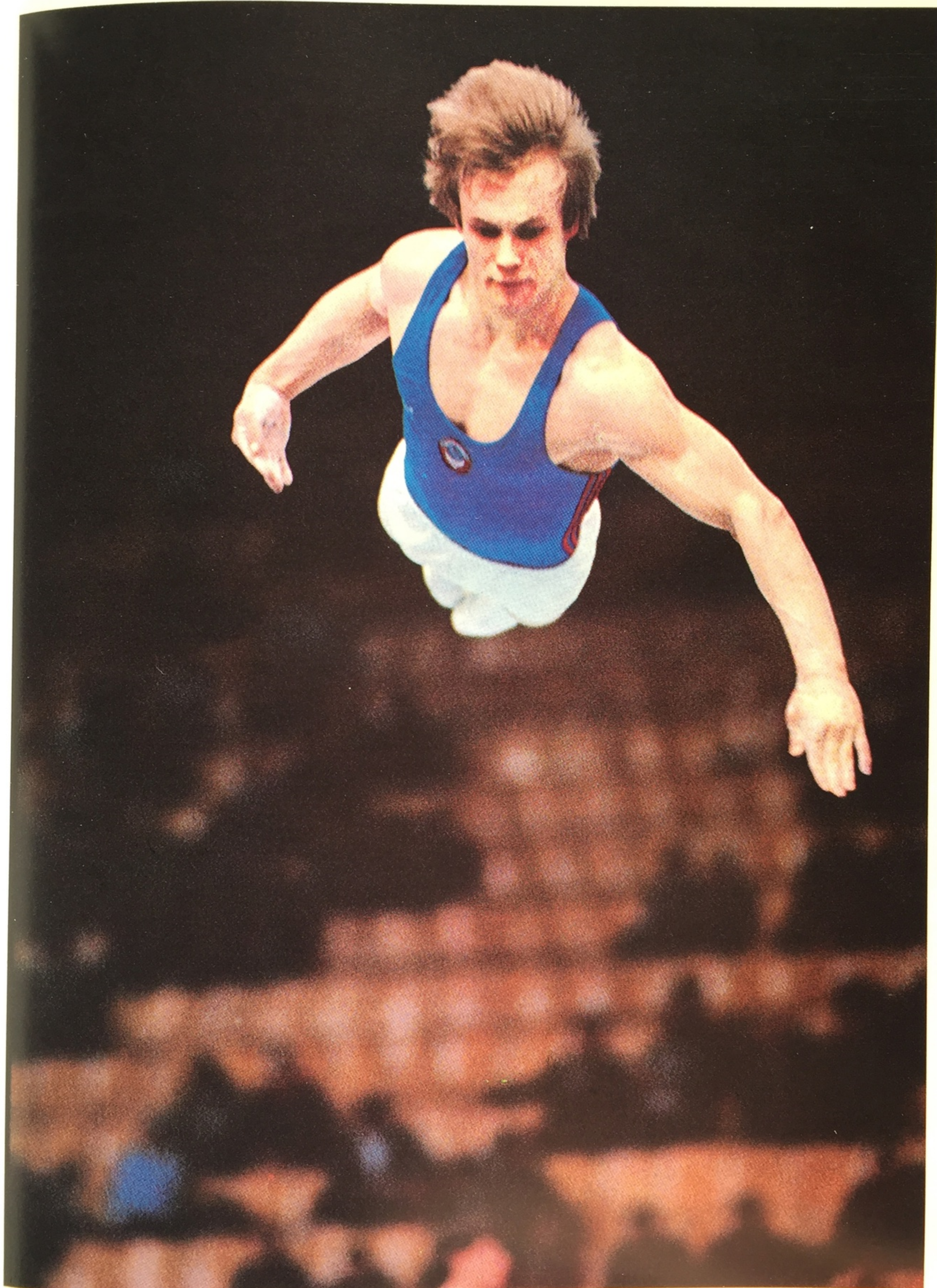

1952 год. «Большой неожиданностью на соревнованиях Олимпиады по гимнастике был успех русских. Их блестящая и дружная команда была в хорошей форме и явно превосходила наших соотечественников». «Газетт де Лозанн» (Швейцария).

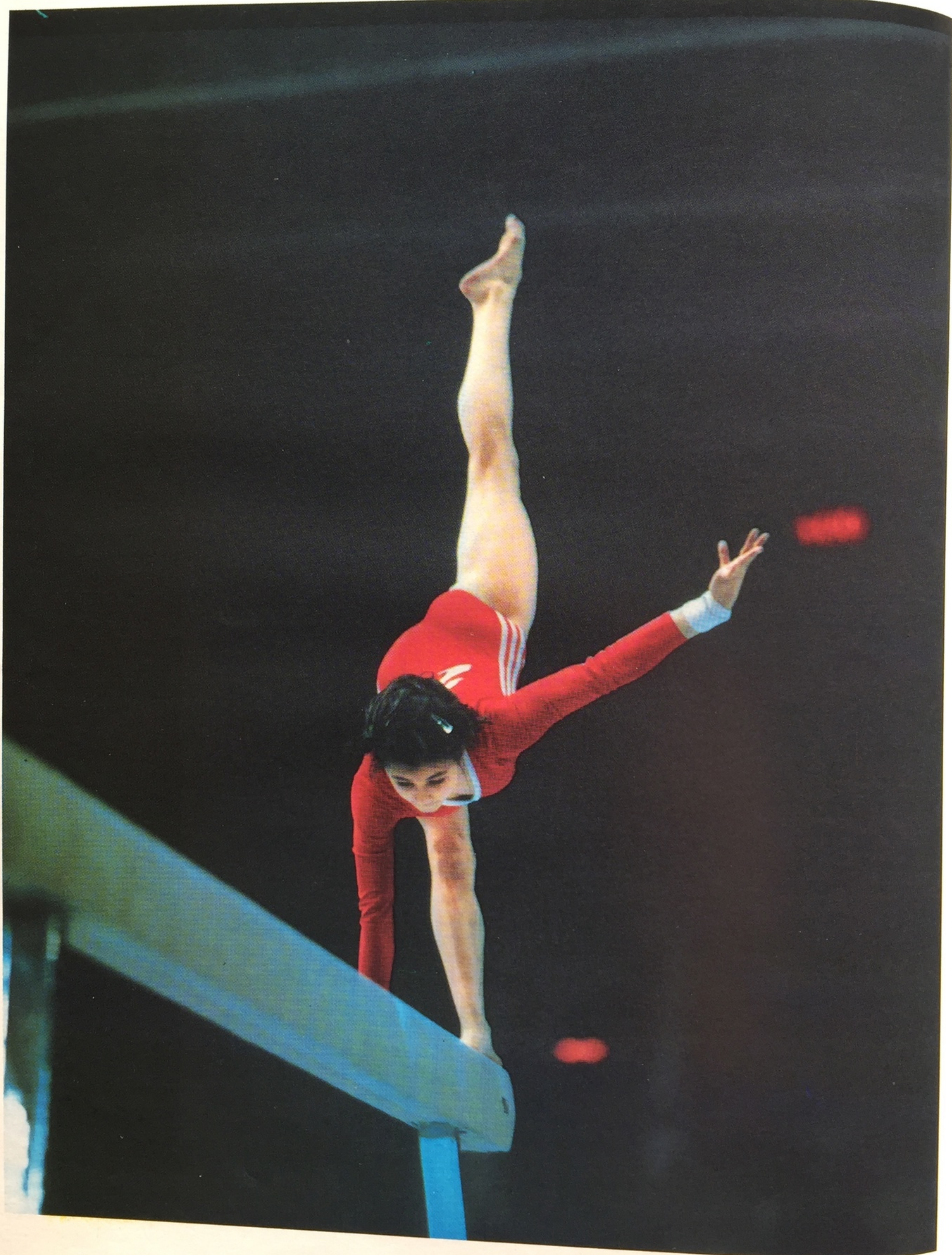

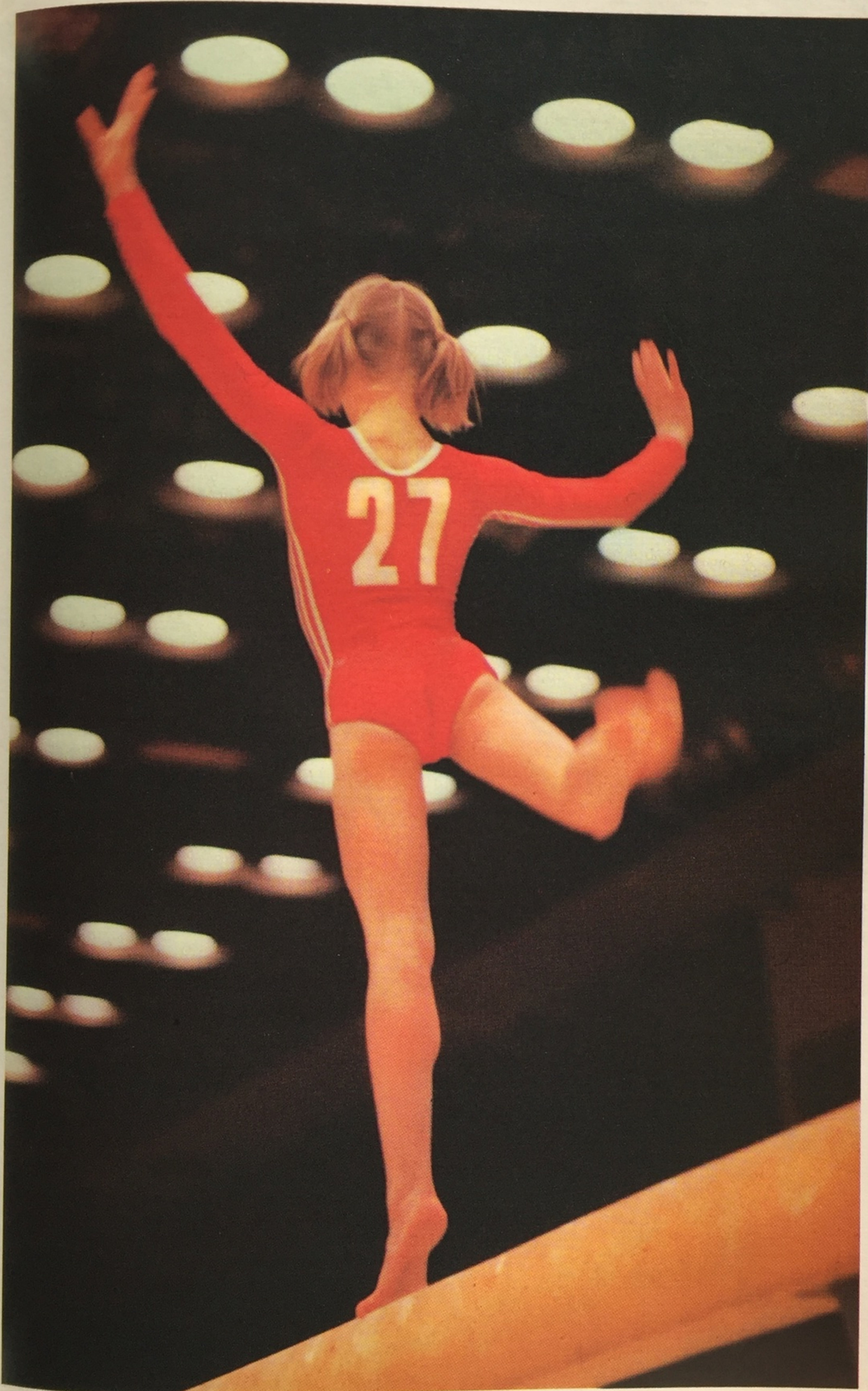

1954 год. «В соревнованиях женских команд на чемпионате мира большинство тренеров делало упор на внешний эффект движений. Исключением были советские тренеры, которые прекрасно поняли всю ценность технически сложных упражнений. Даже в произвольных упражнениях русские явно отличаются от других гимнасток, и это хорошо, ибо иначе гимнастика слилась бы с танцами. Что касается русских мужчин, то это отлично тренированные спортсмены, которые никогда не теряют контроля над собой. Их лучший представитель Чукарин совершает настоящие чудеса». «Корьере делло спорт» (Италия).

1954 год.

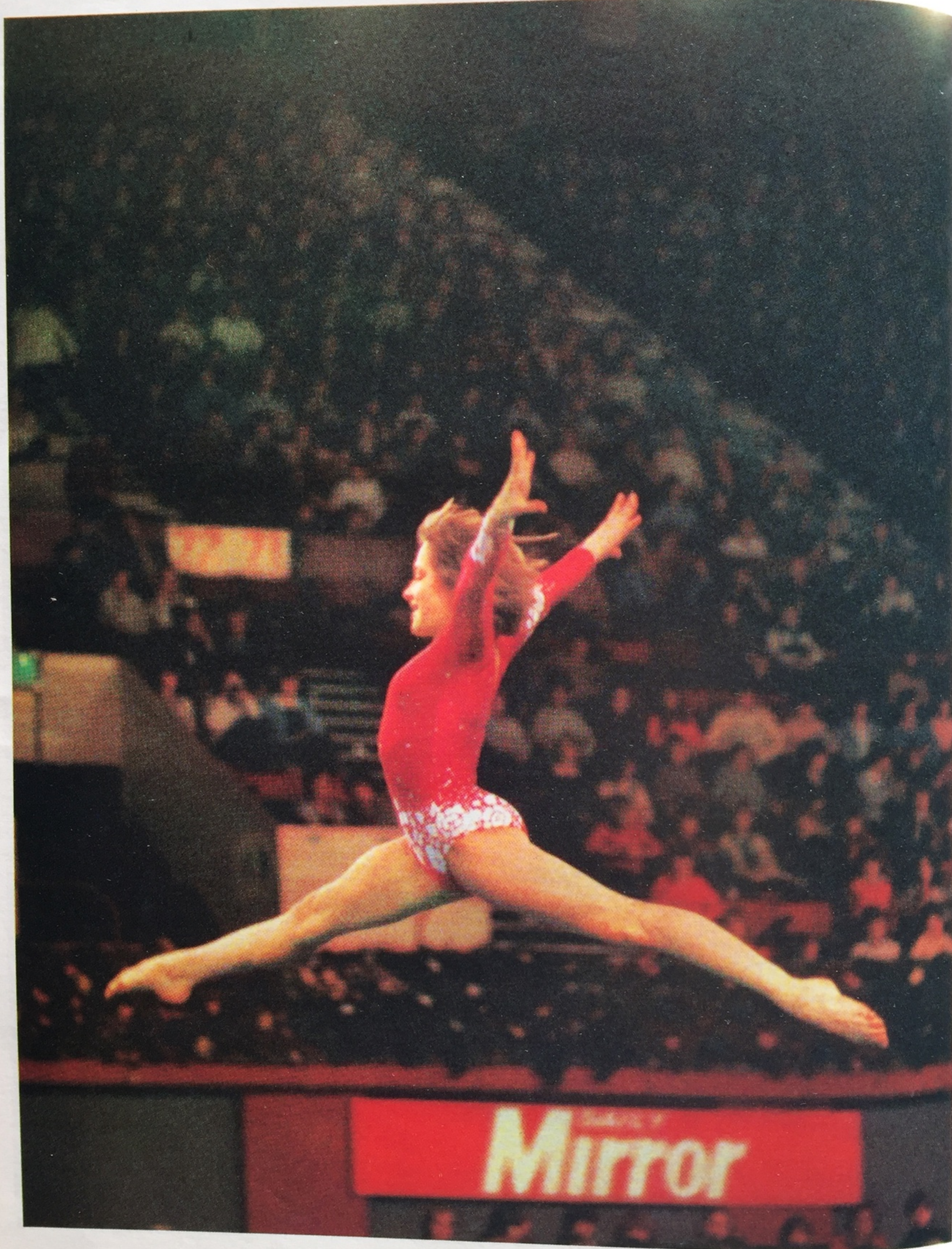
«Японская команда удивила специалистов и болельщиков, оттеснив на второй план Швейцарию». «Унита» (Италия).

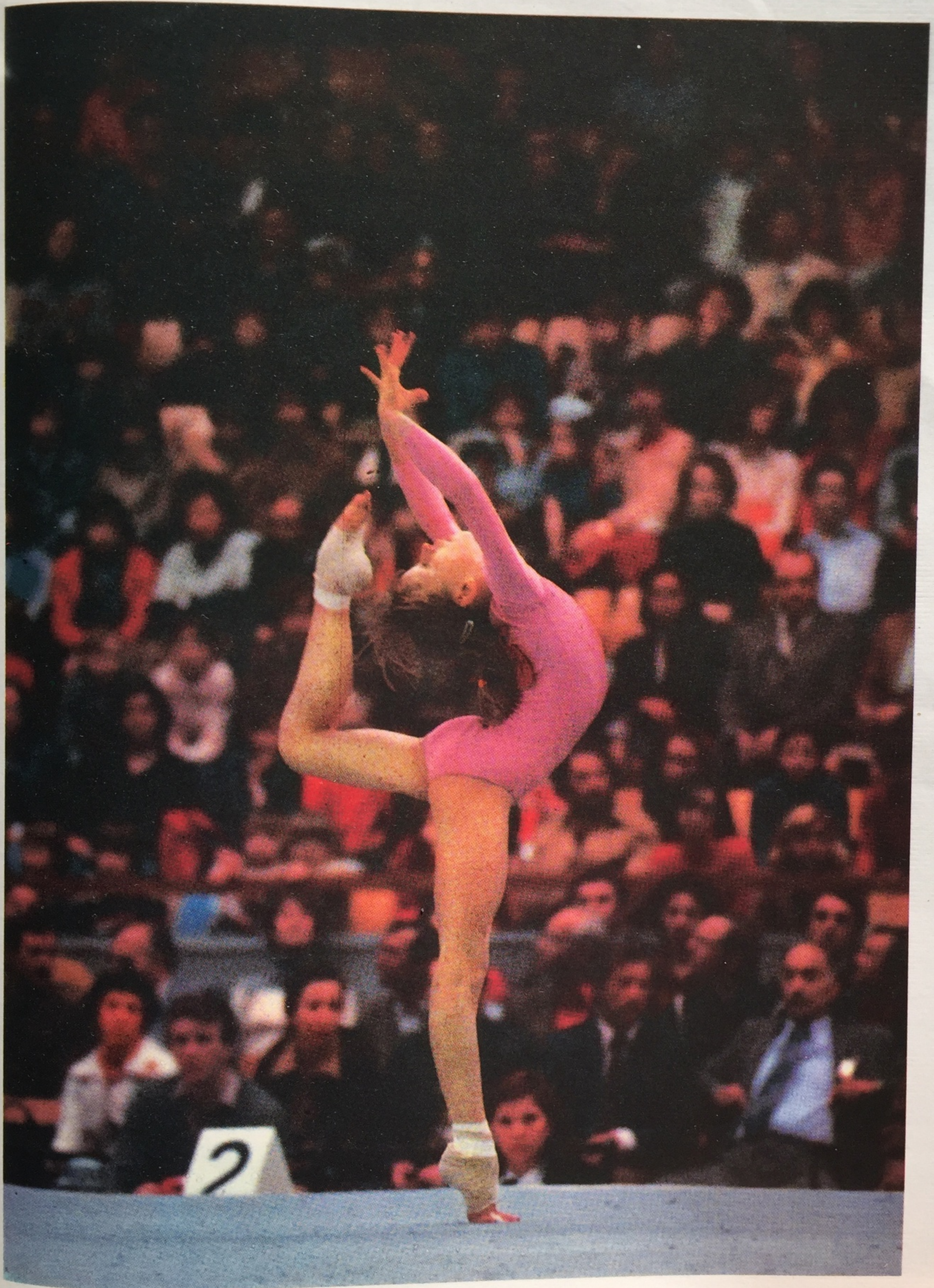
1956 год. «На Олимпиаде мы выиграли все, что должны были выиграть: борьбу, гимнастику, стрельбу, футбол. Это приятно. Но это и в порядке вещей». «Советский спорт».

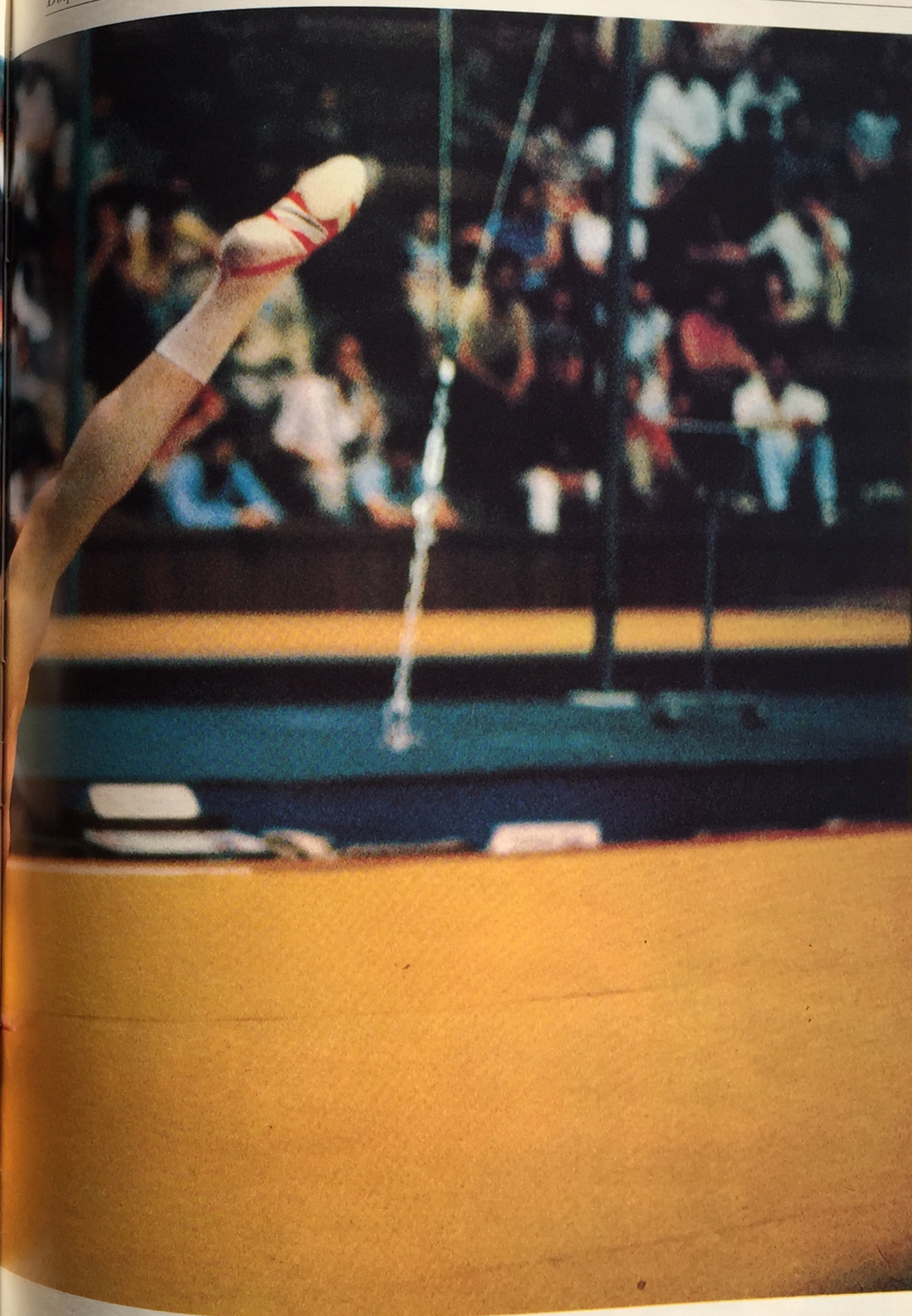
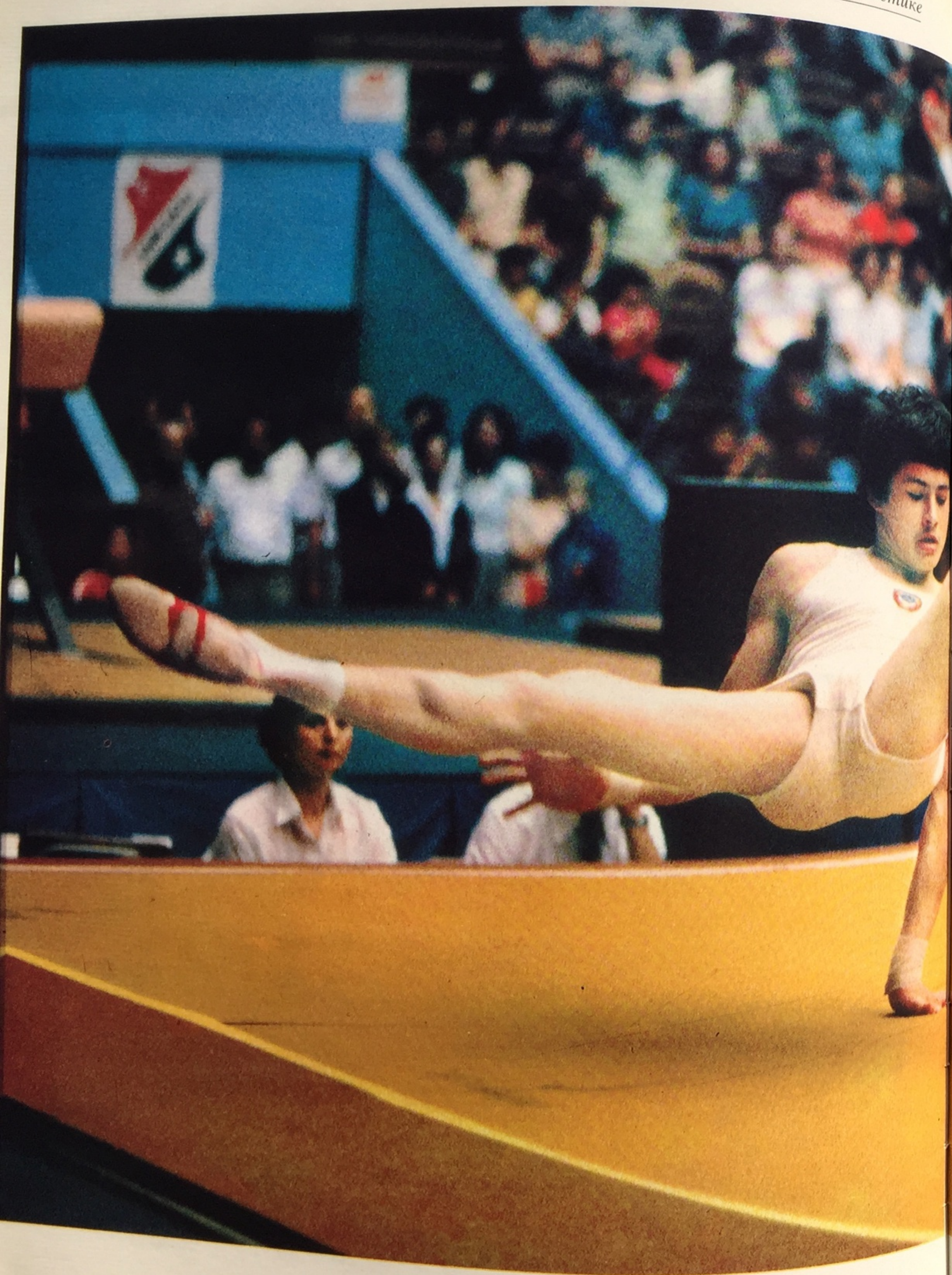
1956 год. «Впечатление от тренировок японских гимнастов в Мельбурне было таким сильным, что многие не сомневались, что они смогут обеспокоить даже самих русских». «Экип» (Франция).

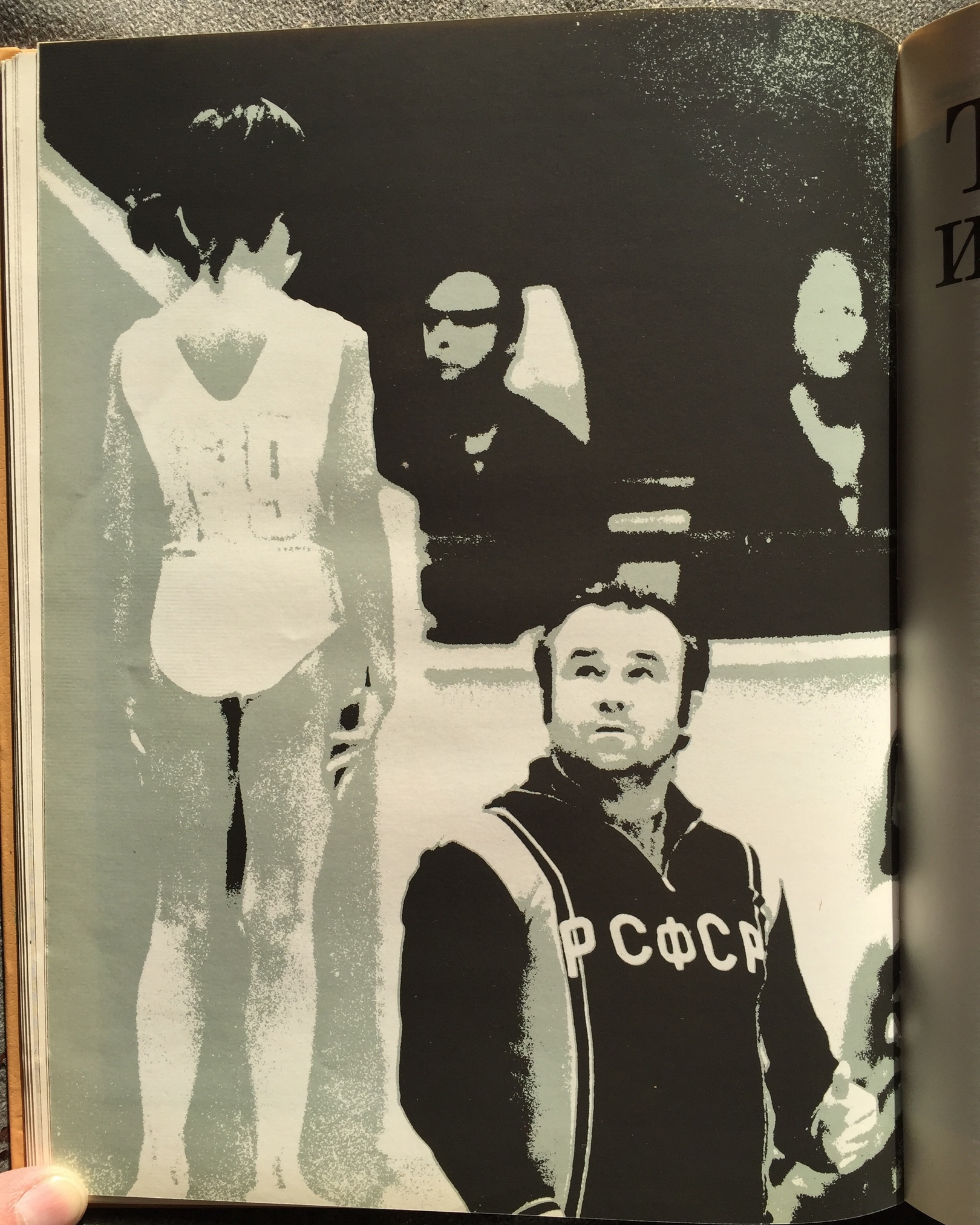
1960 год. «Гимнастика на Олимпиаде — это фестиваль СССР. Советские девушки дали самое прекрасное представление. Мы не видели ничего прекраснее этого спектакля красоты, грации и гармонии». «Паэзе Сера» (Италия).

Труд и поиск

Труд и поиск

Зал трудится, как цех.

Негромкий, чистый, самоуглубленный современный цех, где рождается тончайшая, современнейшая продукция — движение.

Шумновато разве что в дальнем углу, где гомонит малышня, и детский тренер, женщина, похожая, пожалуй, на массовика-затейника с новогодней елки, звонко подзадоривает: «Ну, руки за бантики, и жесткую, жесткую мне покажи стоечку! А плакать зачем? Ты головку подними — ты ведь не хочешь плакать, а когда головка опущена, слезы сами каплют. А вот смотрите, девочки, она у нас сейчас на канат залезет и там, наверху, подумает, почему плакала. Там есть волшебная водичка, она слезы высушивает».

У детского тренера приказ карабкаться по канату в наказание за плохую стойку и за слезы превращается в игру. Кроме того что

это — упражнение для мышц рук.

Но прислушайтесь, она говорит: «Подумай». Это слово мы здесь частенько услышим.

Она предлагает: «Проанализируем».

А вокруг — тишина, шелест, вдохи, выдохи...

Внешне этот труд кажется утомительно однообразным. Долгими часами учат мастера элемент, долгими днями. Выполнил, походил, прикинул, в чем ошибка... Выполнил, походил, прикинул, проверил...

Начал — солнце всходило, вот оно уже заходит, а сколько еще впереди?

Но это лишь внешняя видимость. Вот слышится негромкий голос тренера: «Не получилось? А почему, как ты думаешь? Давай посоображаем вместе. Если прямая приложения силы проходит не так, а этак, если она минует центр тяжести твоего тела, что получится? Правильно, ничего не

получится. А что нужно, чтобы получилось?»

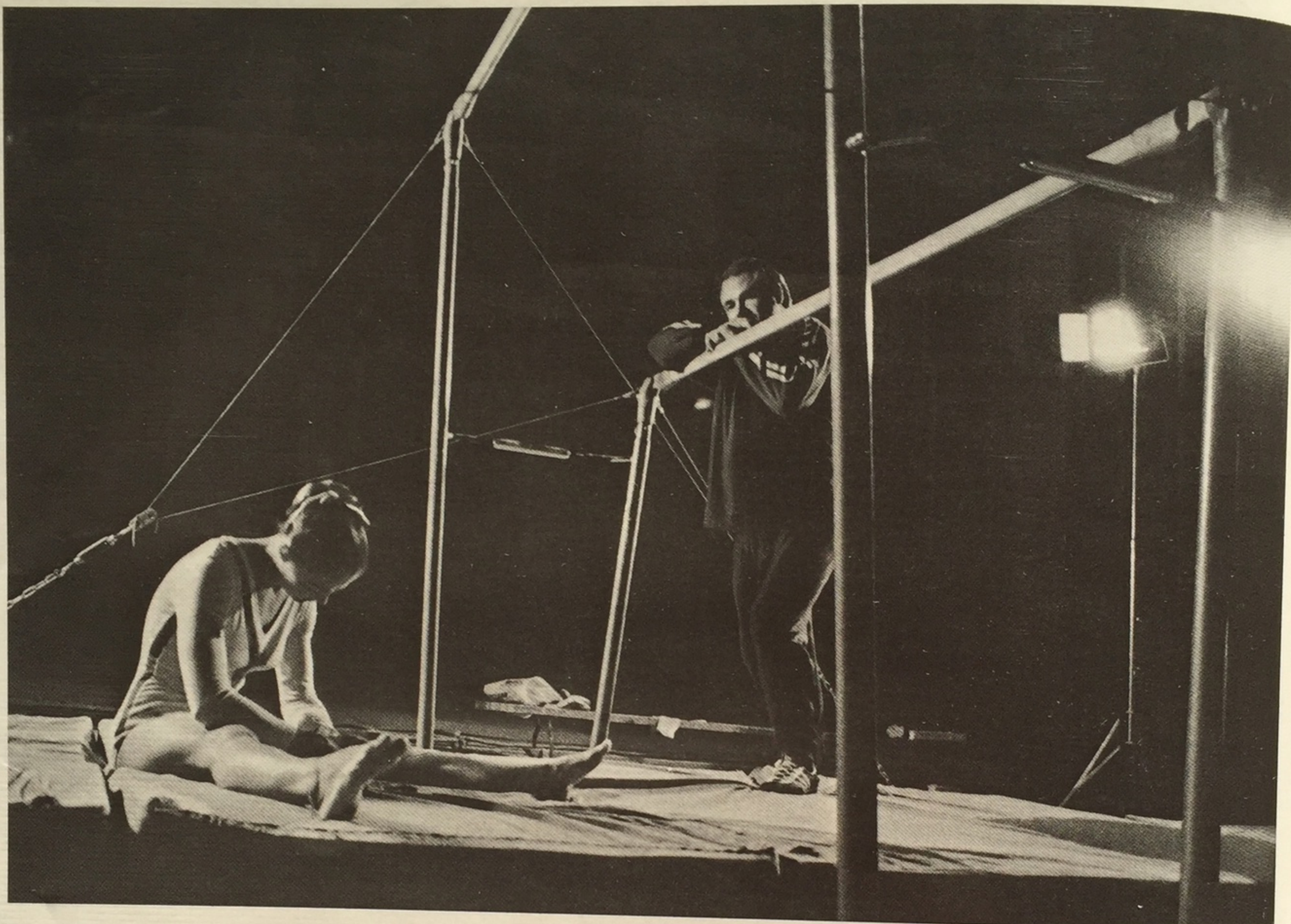
Конечно, каждый кулик хвалит свое болото, но мне кажется все-таки, что гимнастика — самая тонкая и точная из всех спортивных наук.

Спорт в основе своей — игра. Игра в «кто быстрее», «кто сильнее», «кто ловчее». Он становится скучен, если элемента игры лишен, скучен для исполнителя. Если в его основе — зубрежка, бездумье. Особенно

для юного человека, а гимнастика юна и все моложе с каждым днем.

Но задумывались ли вы над тем, что детский мозг изначально жаждет загадывать и отгадывать загадки? Ведь что такое, в сущности, простейшие прятки? Поиск необычного для соперника, алогичного хода — в этом прежде всего их смысл, а не только в том, чтобы бежать со всех ног и кричать «Палочка-выручалочка — Таня!»

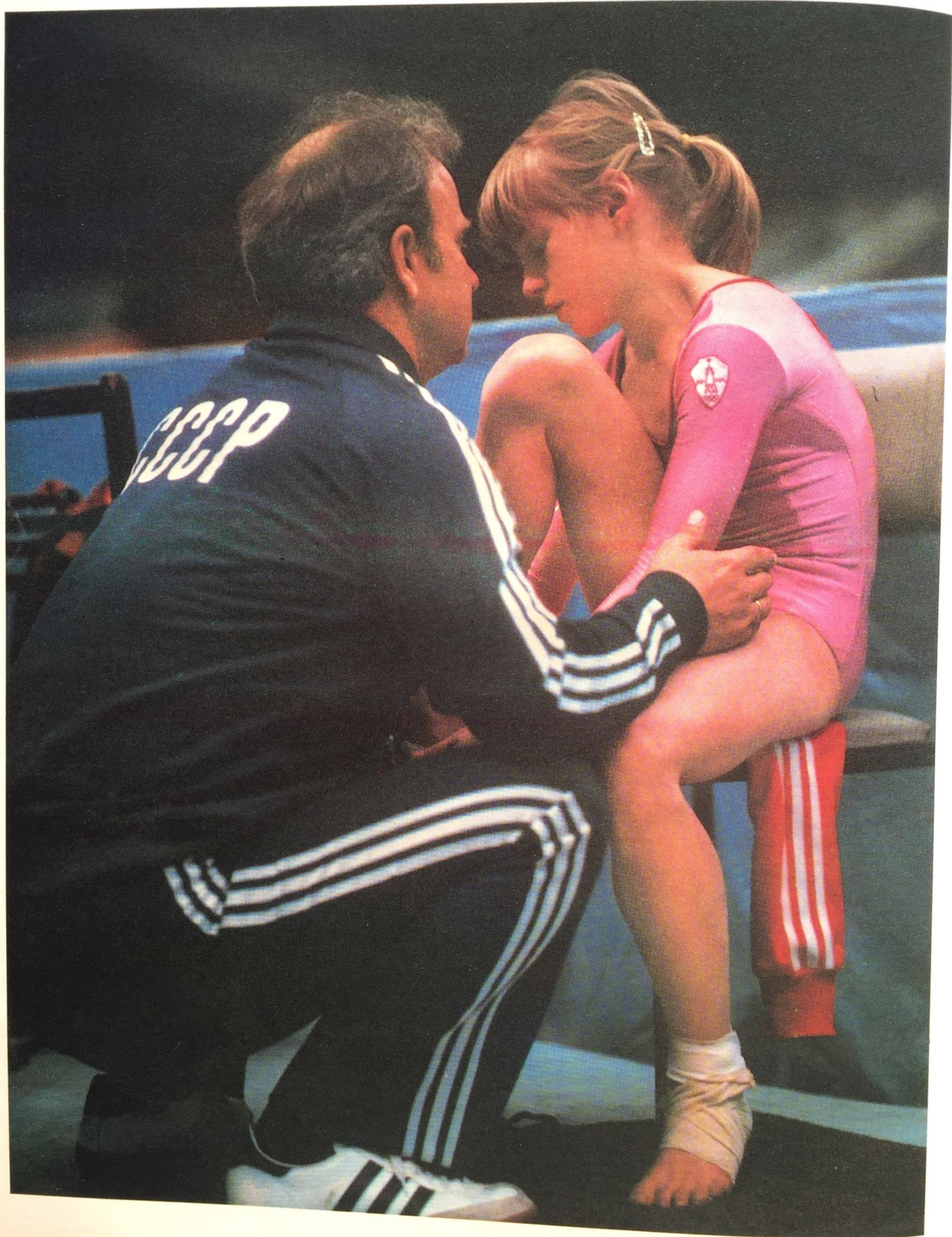

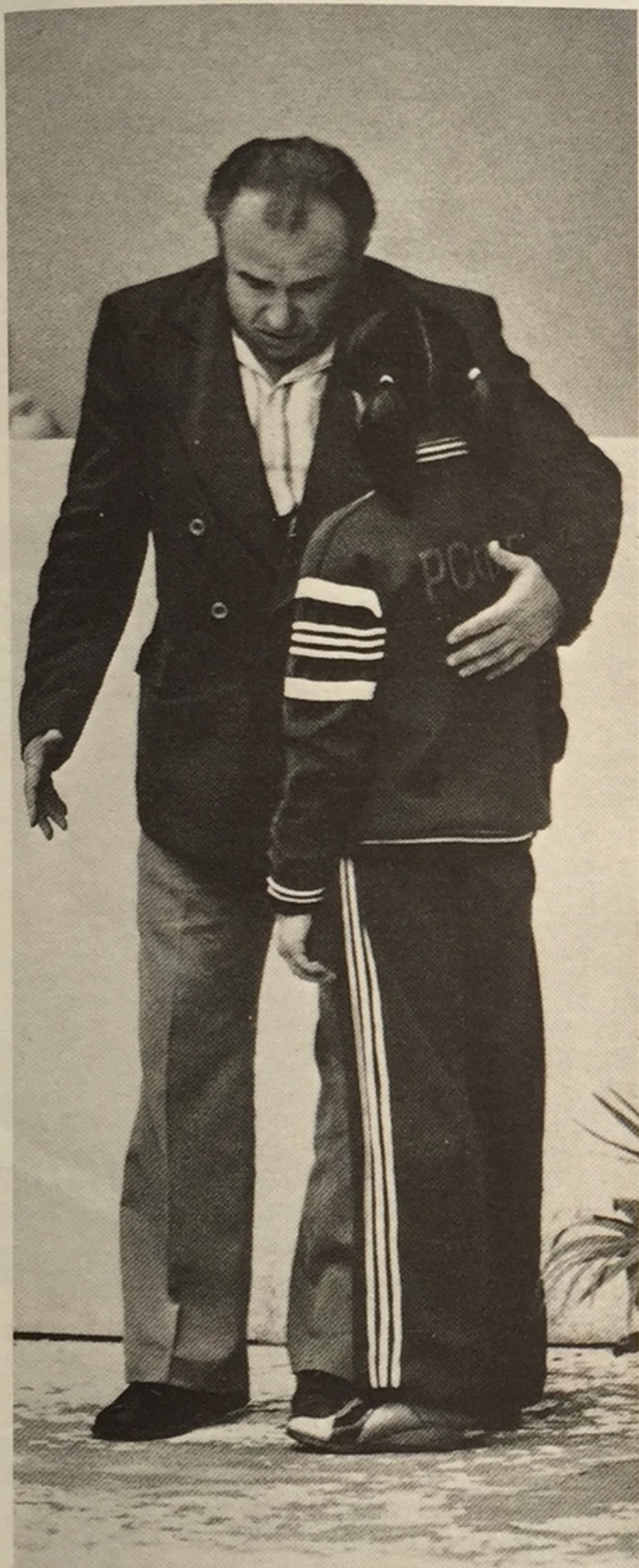
Потому и не утомляет наших героев многочасовой и, по внешней видимости, однообразный труд в зале, что работа мозга влечет за собой работу мускулов.

Биение мысли лежит в основе гимнастического поиска, и здесь в той же мере, что и в науке, суть соревнования — драма идей.

Вошел в историю двадцатилетний поединок между советской и японской школами. Одна из них, наша, выросла на основах европейской, так называемой «сокольской» гимнастики, где превыше всего ставилась прекрасная строевая четкость, выправка, натянутасть, жесткость. Другая — школа наших соперников — противопоставила ей некоторую расслабленность, эластичность движений, взрывную хлесткость. Это было, очевидно, наследие древней восточной цирковой акробатики, но это и то, чем современные строительные конструкции отличаются от прежних. Они изгибаются, колеблются, они прочны тем, что каркас рассчитан на допуск, на определенный процент колебания, а прочность связана с упругостью, свойством архитектур-

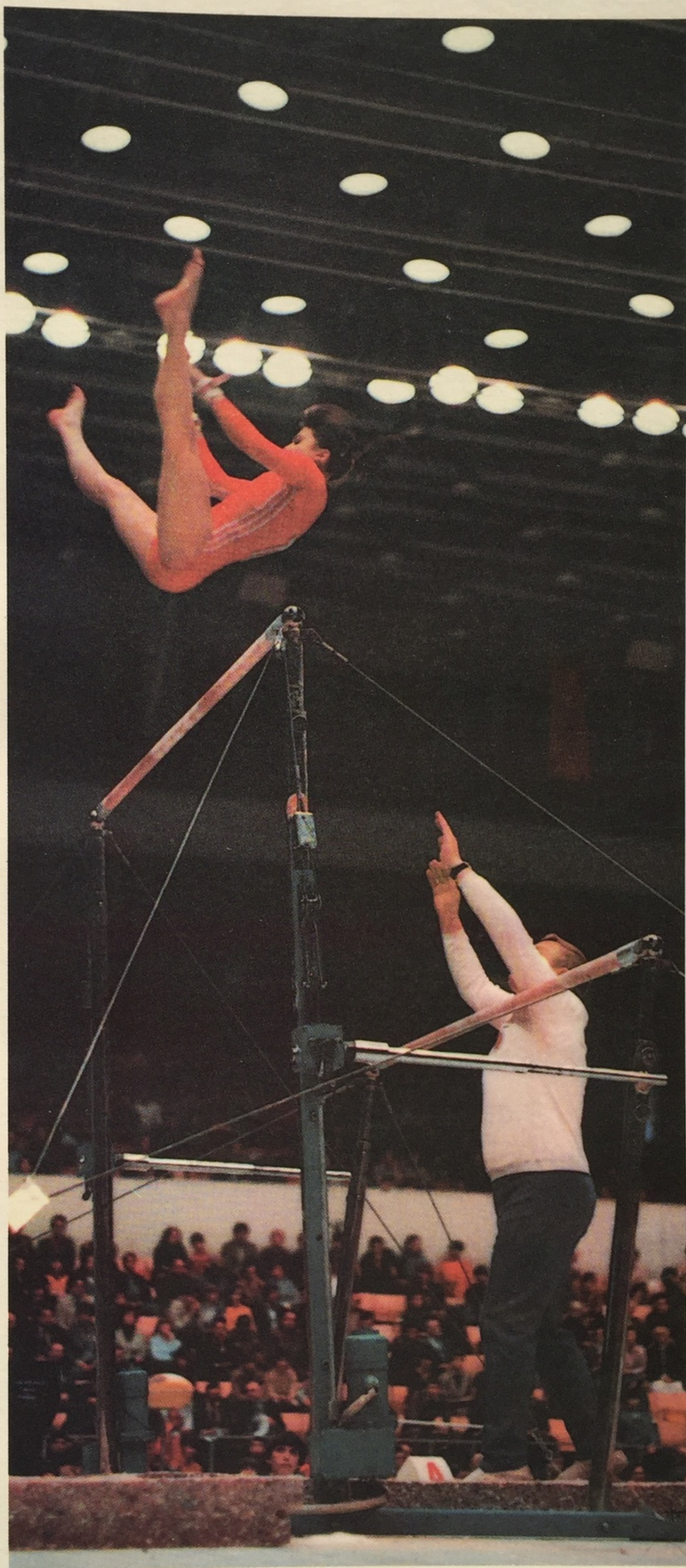

ного решения. Эластичность, хлесткообразность техники, предложенной японцами, позволила им включить в репертуар трюки, нагнетающие обороты тела в воздухе. Так возник термин «ультра-си», «сверх-цэ», сверхвысшая группа трудности, термин звонкий, но, в сущности, неверный — есть «а», «б» и «с», выше не бывает.

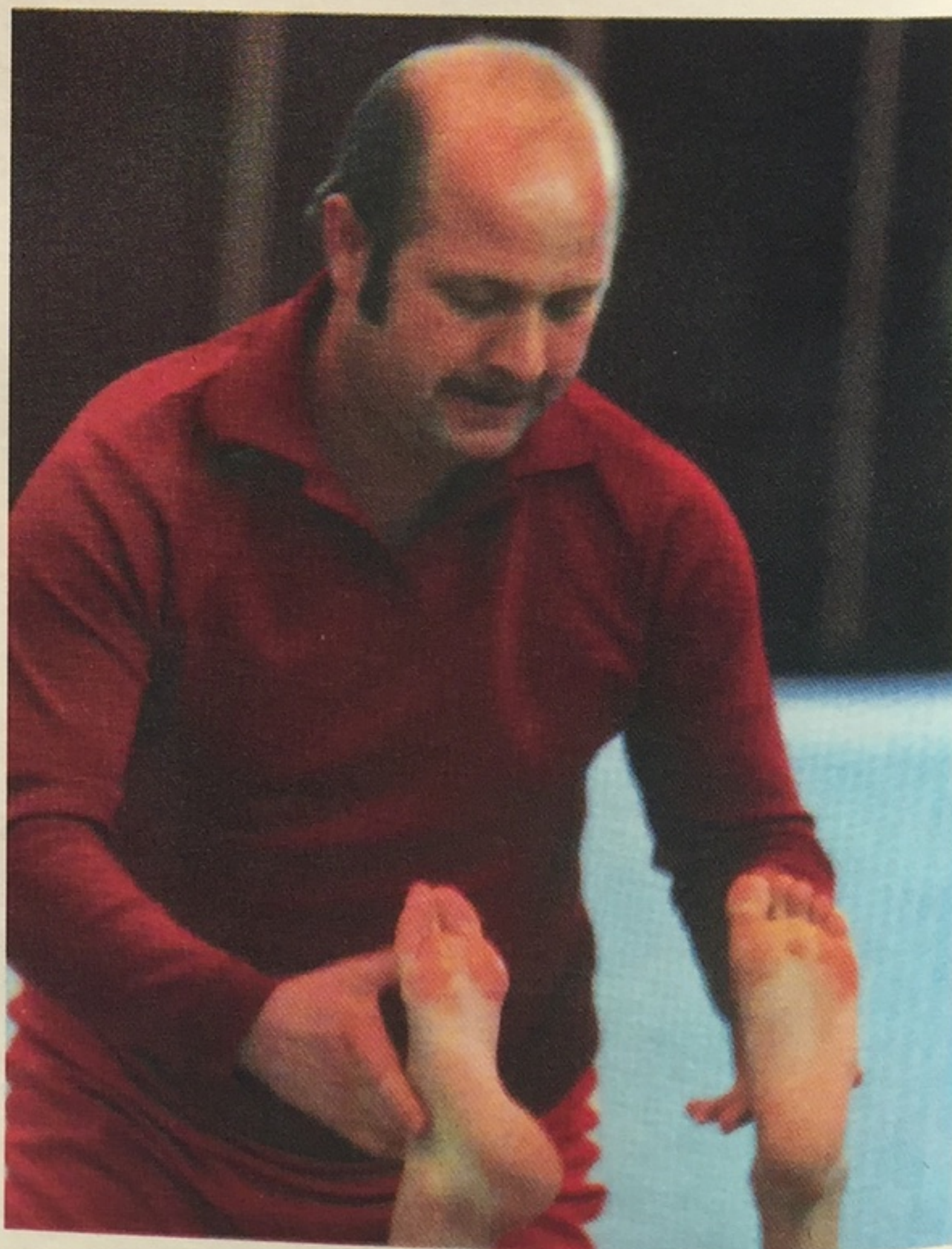
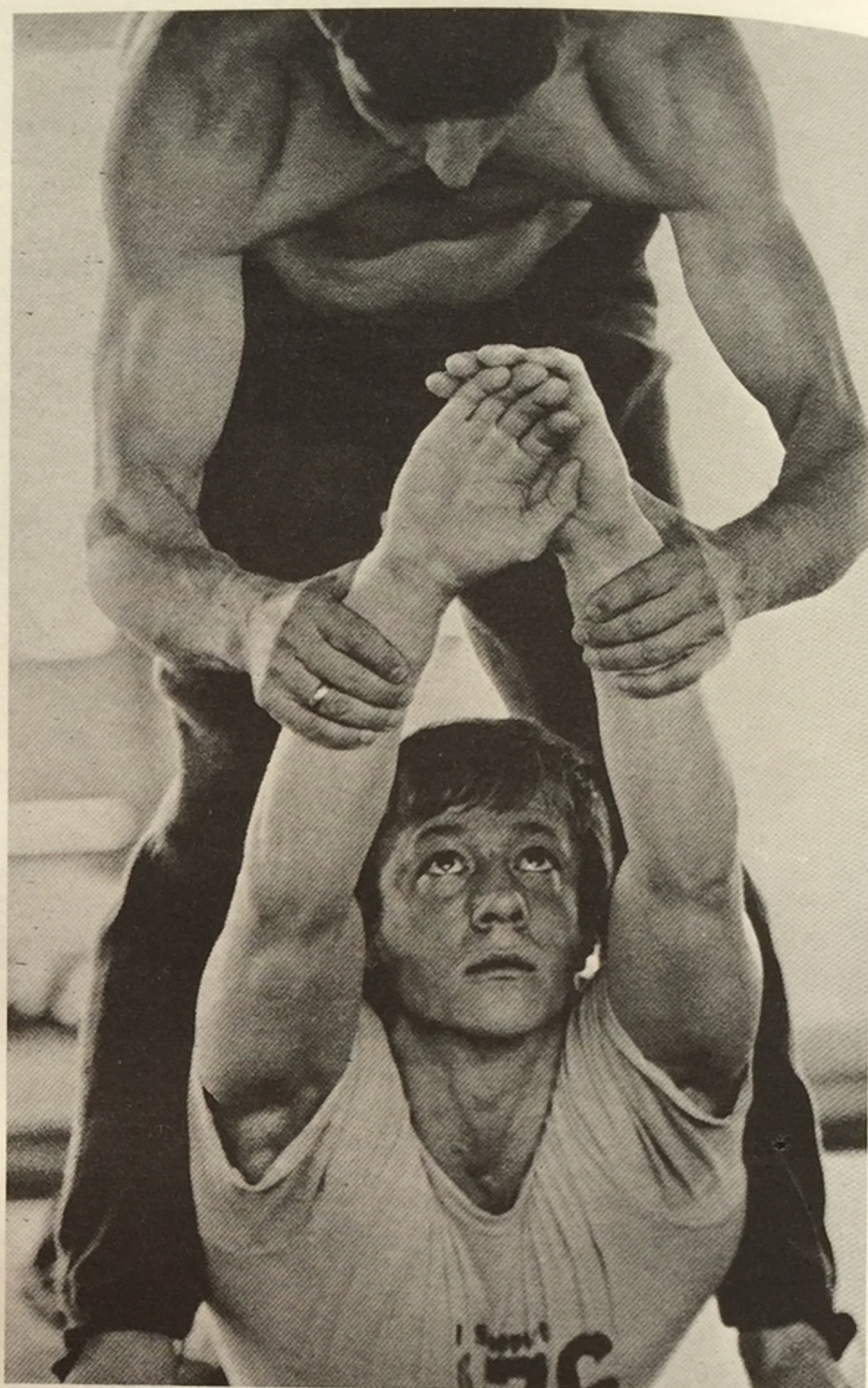
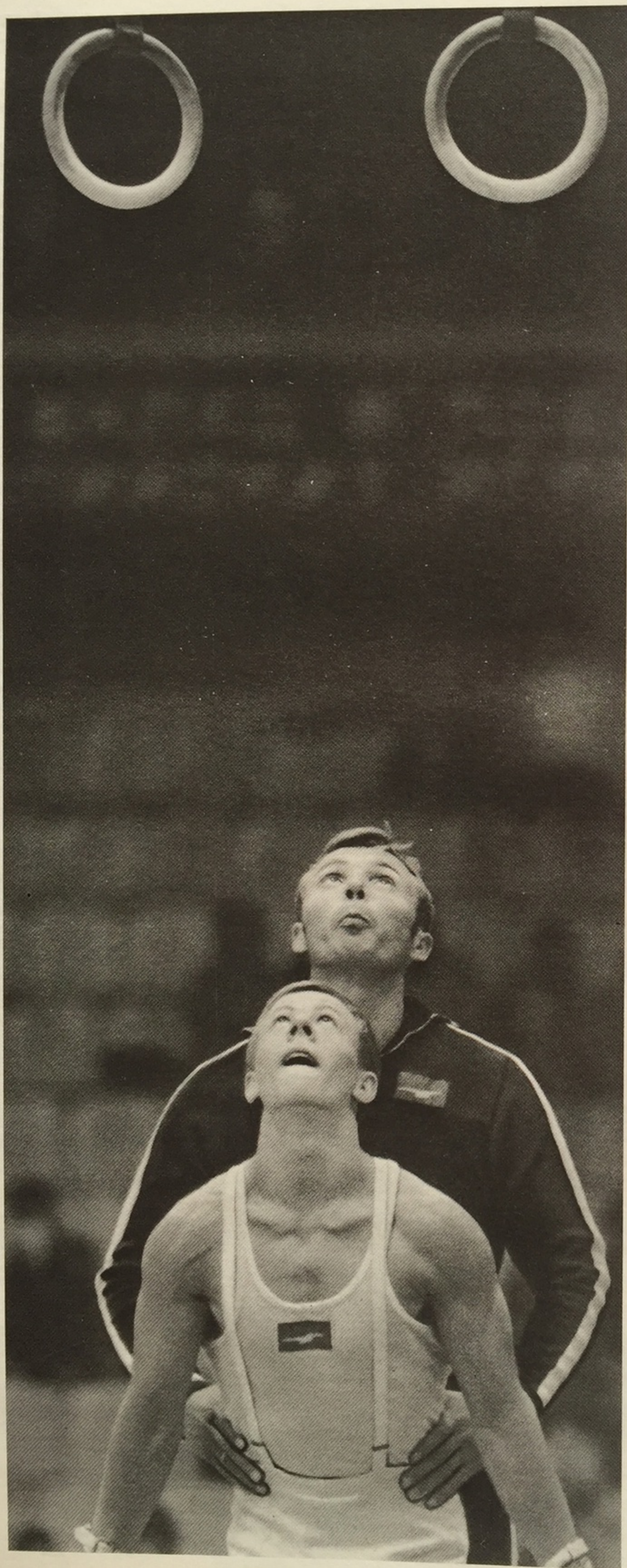
Хлесткообразную технику мы по привычке связываем с именем про-

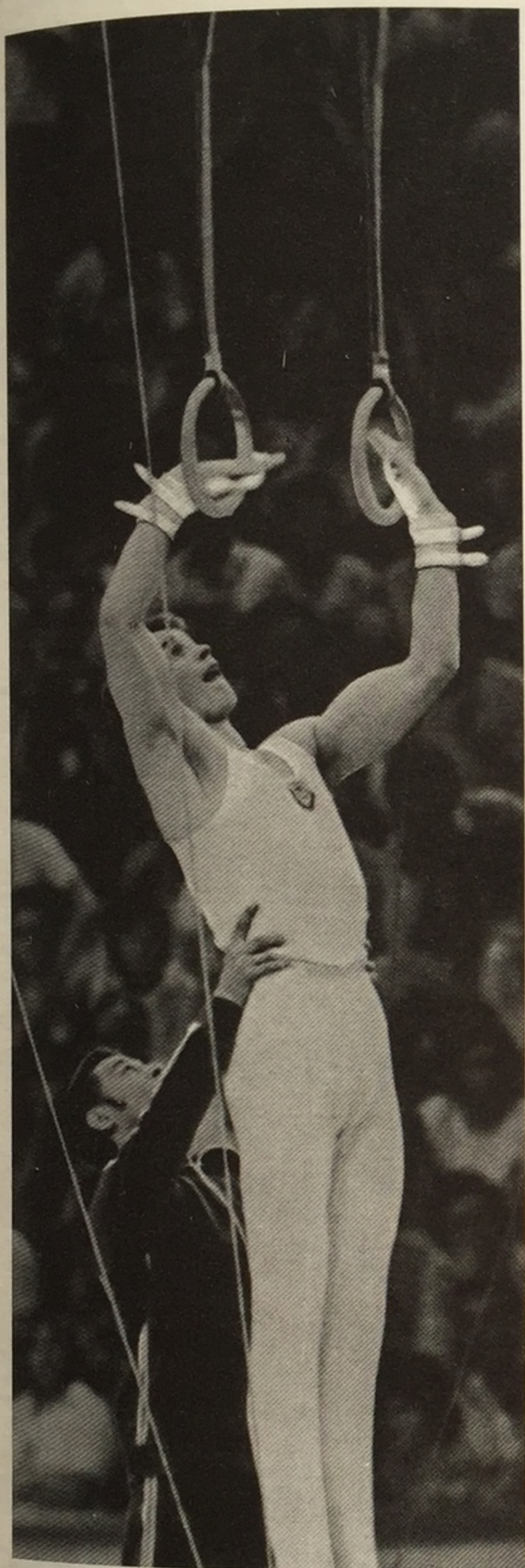

1960 год. «Мы проиграли японцам — один Шахлин стоял, как утес. Главный «снаряд», на который мы должны обратить внимание в будущей борьбе с серьезными конкурентами — воля». «Советский спорт».

1962 год. «Отмечая победу Л. Латыниной и женской сборной, успех Ю. Титова, заметим, что наша мужская коллектив снова уступил японцам. Да и удивляться результатам мужчин в соревнованиях по отдельным видам многоборья мы не можем. Чемпионат мира должен послужить уроком нашим гимнастам и тренерам с тем, чтобы они лучше подготовились к Олимпийским играм 1964 года». «Советский спорт».

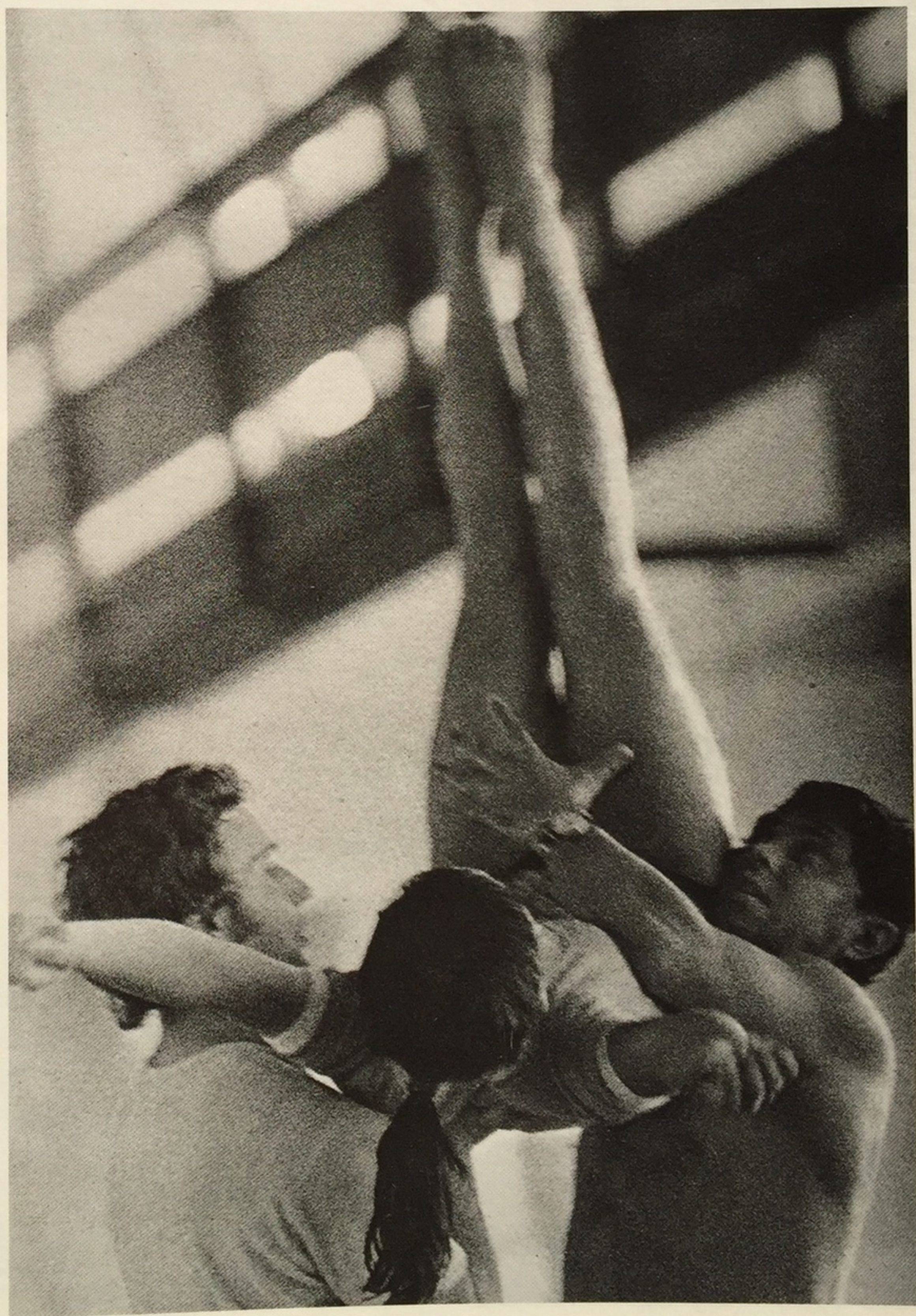

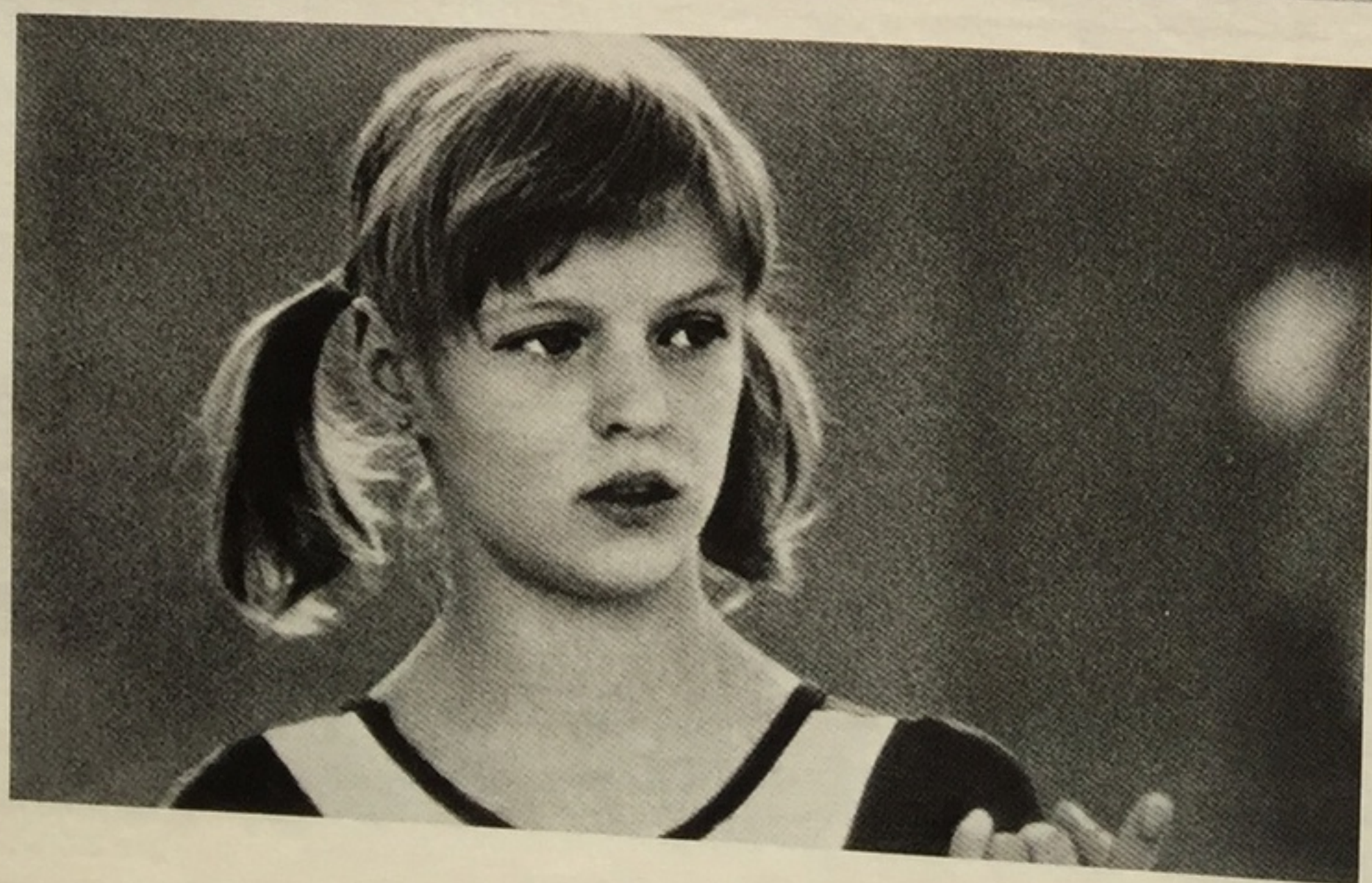
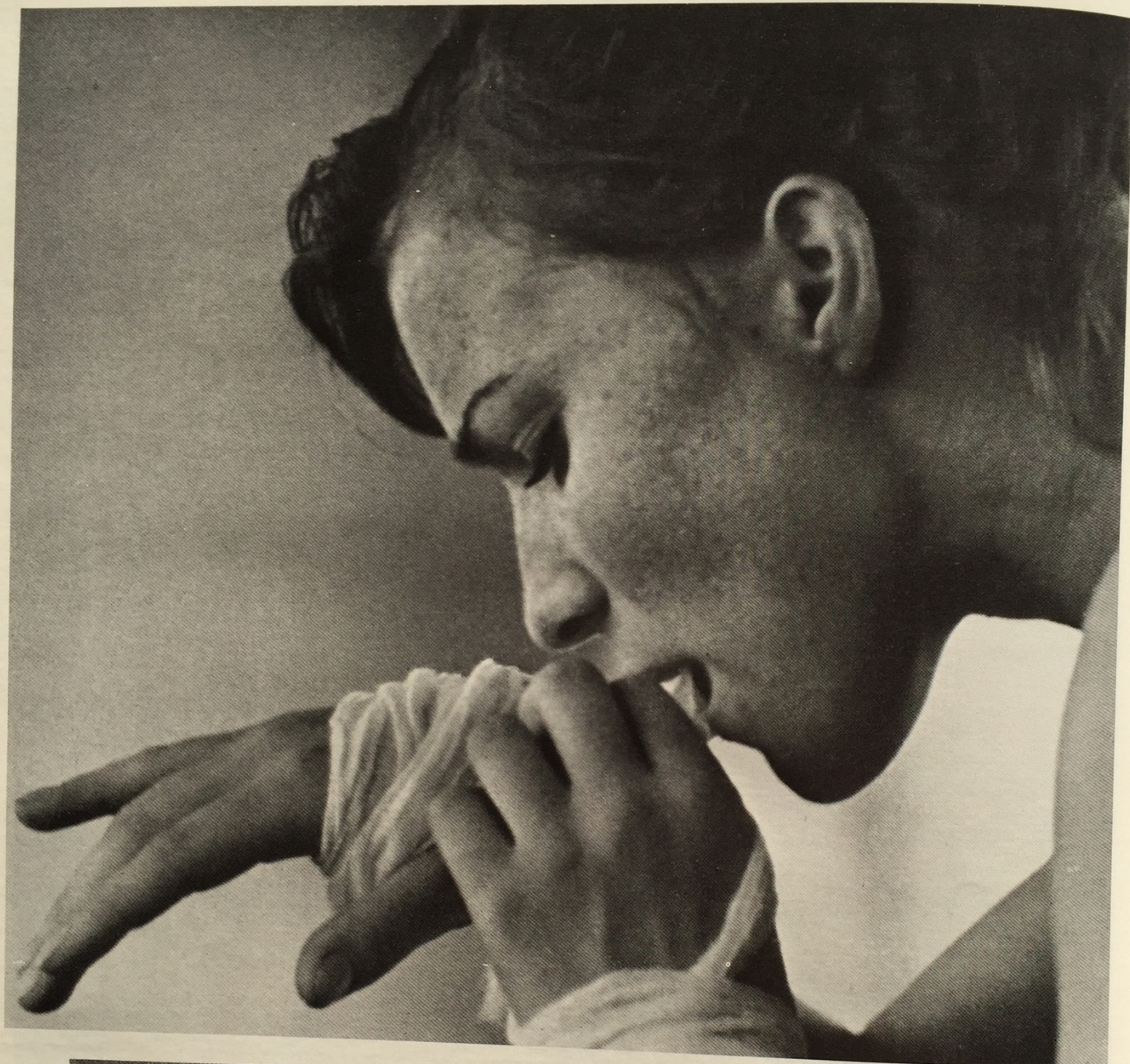

фессора Акетомо Канеко, гимнастического теоретика, в лаборатории которого она, якобы, и родилась. И мало кто помнит, что, может быть, одновременно с ним, а может, и раньше (уж во всяком случае не позже) размышлять и экспериментировать на сей счет начал московский тренер Константин Каракашьянц, наш первый выводящий на Олимпиаде 1952 года, логик, стратег, мыслитель с сухим мифистифическим лицом. Не надо бы забывать, что черты догадок Каракашьянца сквозили в стиле Валентина Муратова, Виктора Лисицкого, Виктора Клименко. Мы отставали два десятка лет, думаю, лишь потому, что шли на

1964 год. «Гимнасты наши утратили позиции. Лишь три ветерана — Борис Шахлин, Лариса Латынина и Полина Астахова удостоены золотых медалей на отдельных снарядах». «Советский спорт».

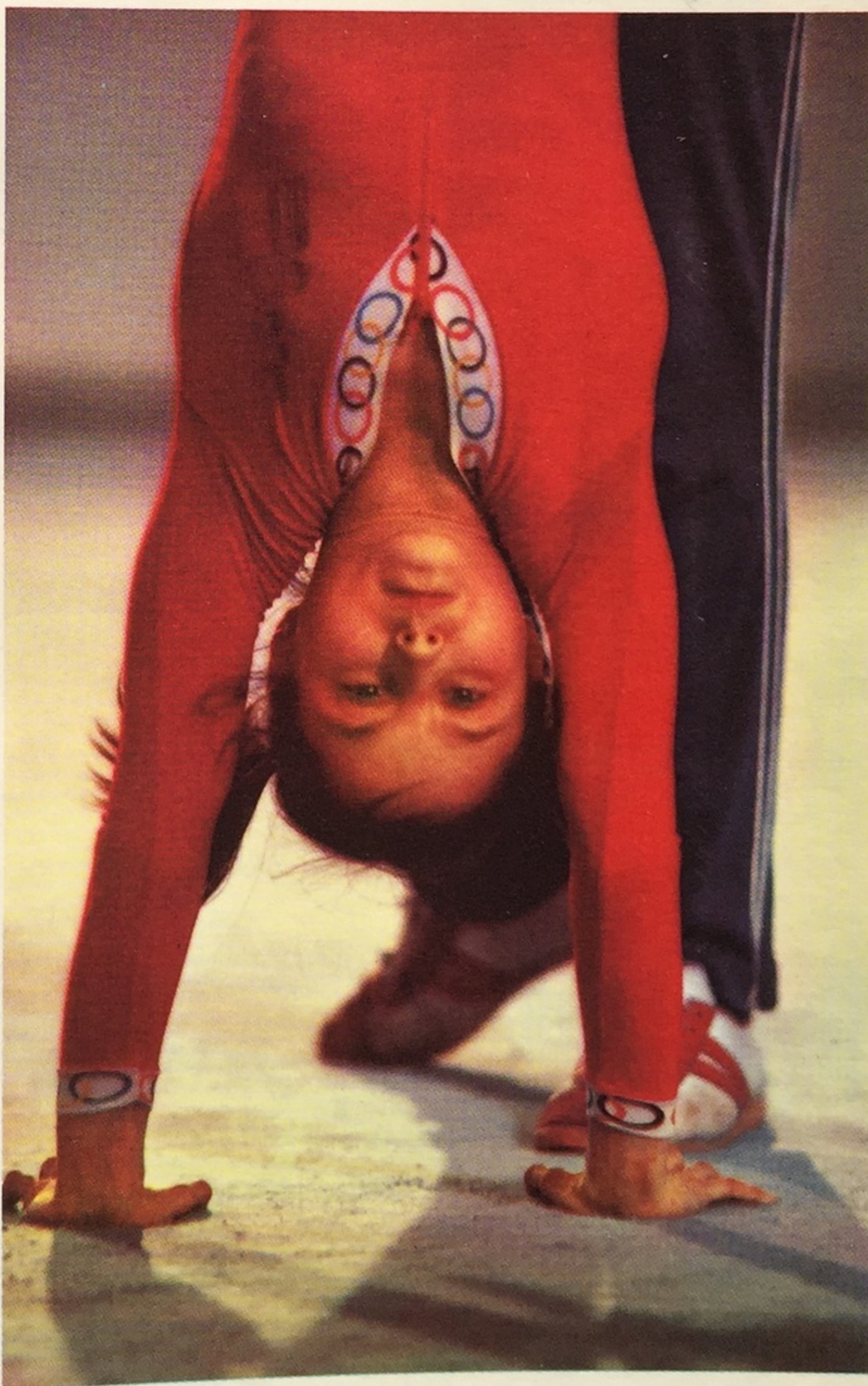
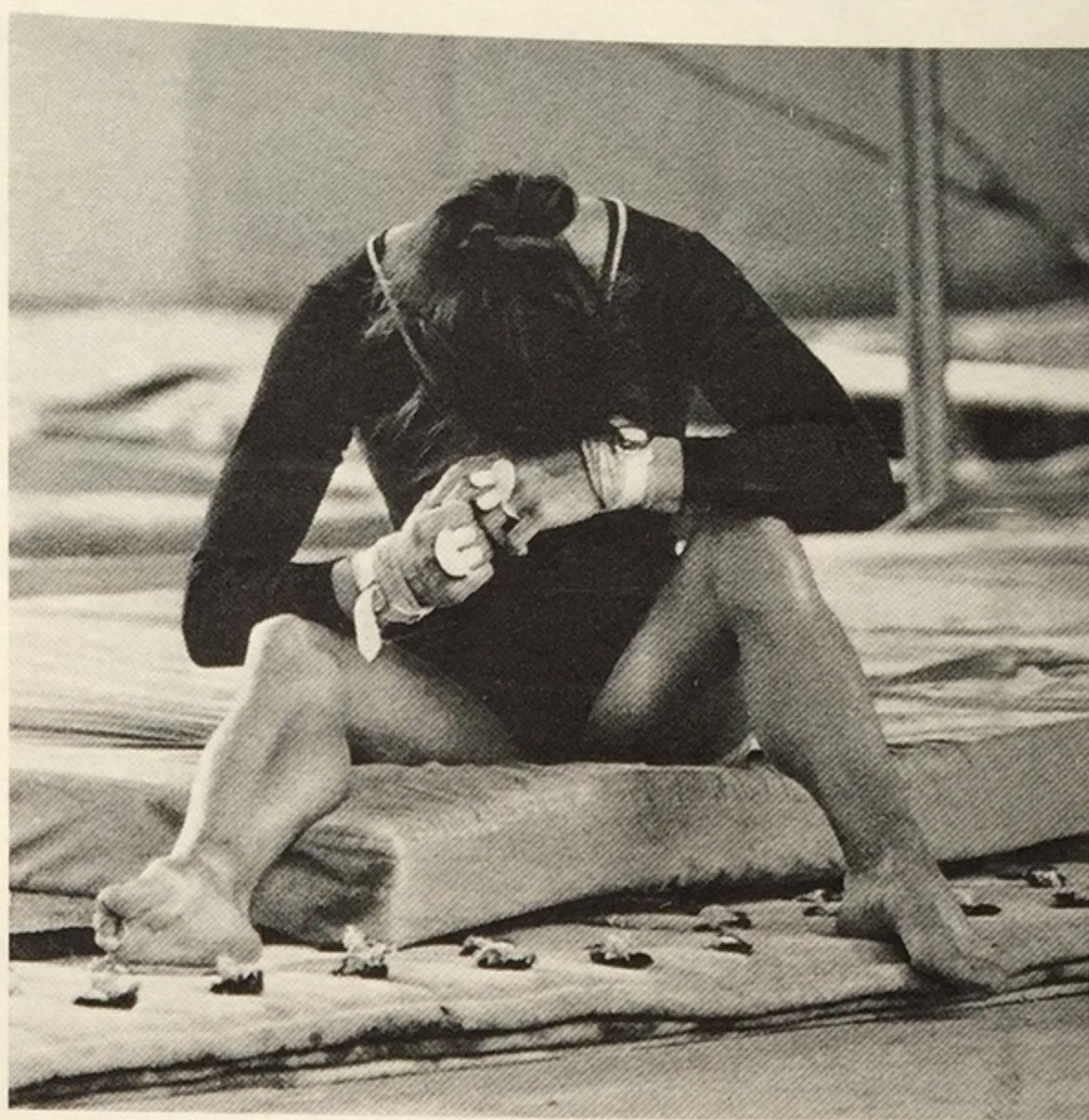
темп позади — начинали учить новое, когда соперники уже его шлифовали. Но мы не рыскали из стороны в сторону, наш путь был верен, и мы их опередили, в конце концов, хотя это — иная история, к которой я еще вернусь.

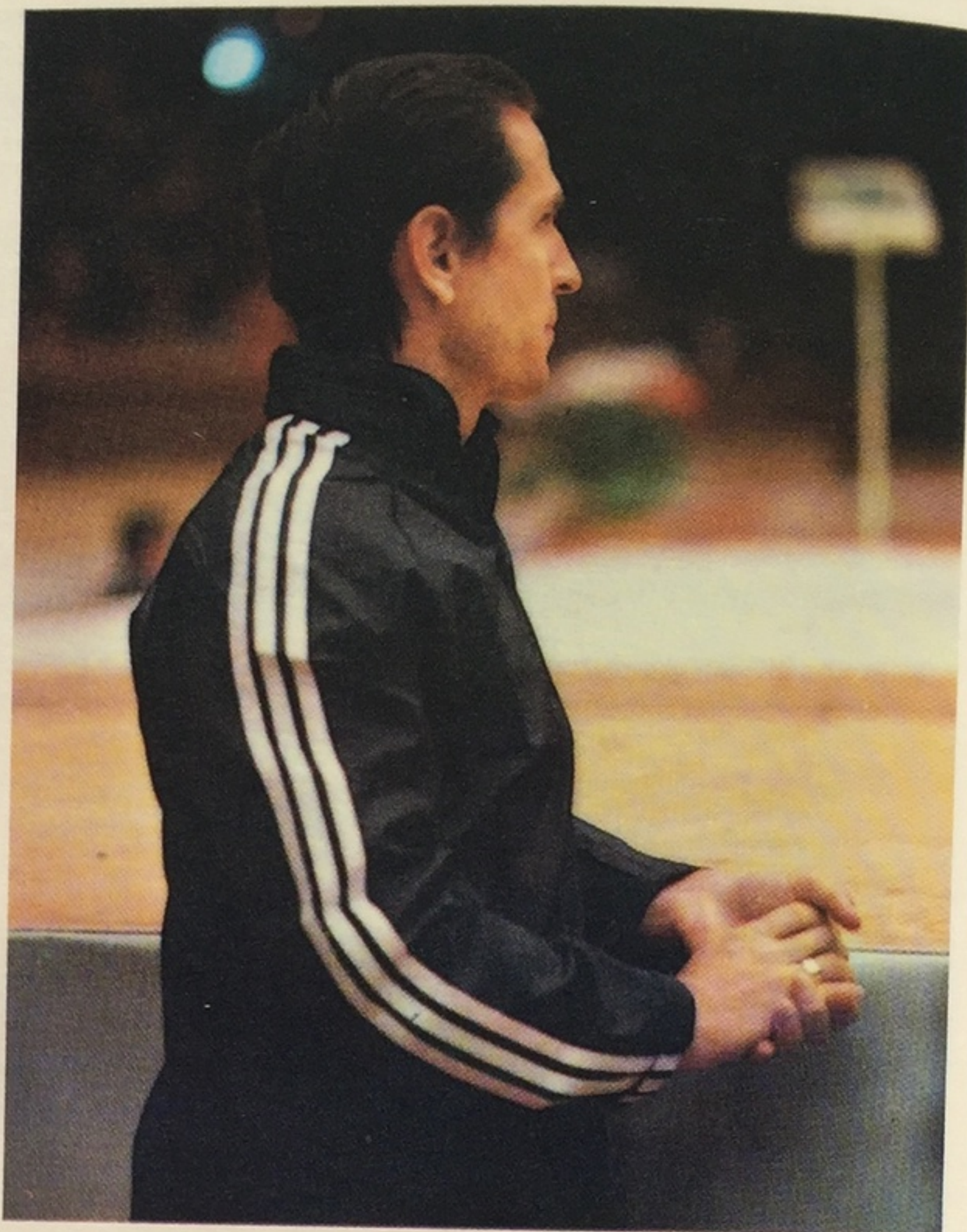
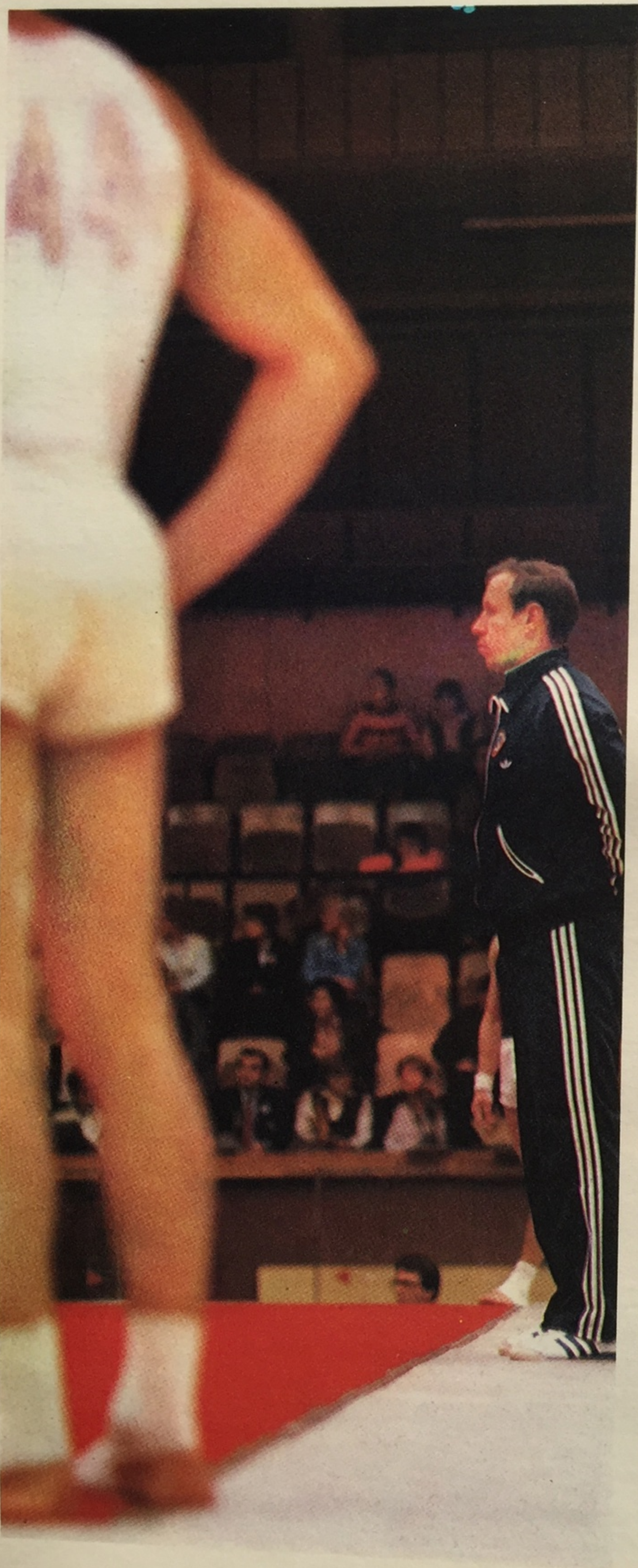
Теперь еще об одном прозрении. Тоже значительном и важном.

— Общеизвестно, что современная гимнастика есть, в сущности, акробатика на снарядах, — сказал Борис Орлов, тренер абсолютной чемпионки мира Ольги Бичеровой.

— Общеизвестно? — переспросил я. — А кто это сформулировал первым?

— Не помню, — сказал Орлов.

Формула принадлежит Ренальду Кнышу, воспитавшему легендарную Ольгу Корбут. Прозвучала она впервые в конце 60-х годов. Хватило полутора десятков лет, чтобы парадокс обратился в трюизм, невероятное — в привычное.

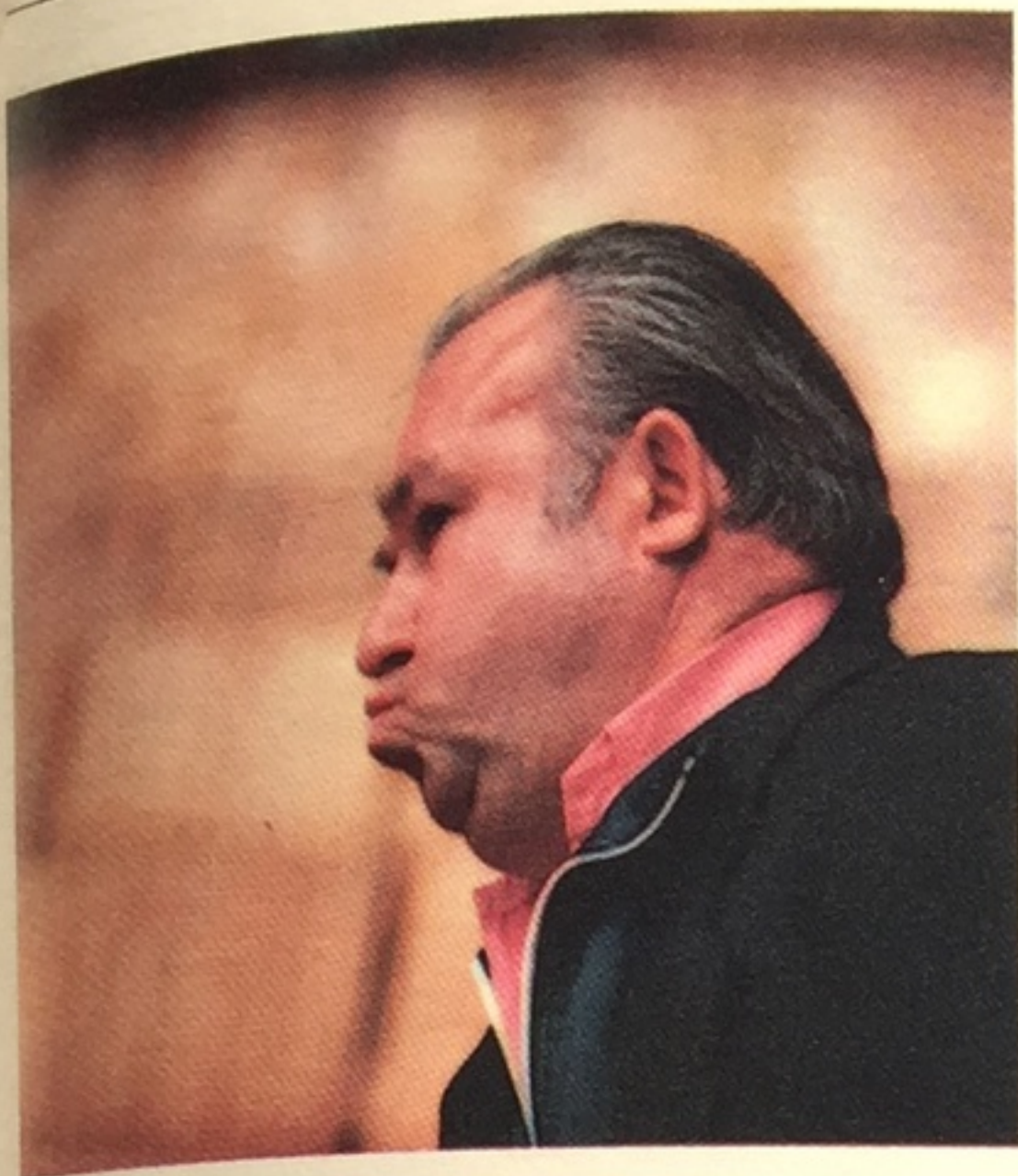
Формула Кныша позволила нам увидеть гимнастику не просто как конгломерат отдельных снарядов, но как диалектическое единство, как пересечение непересекающихся (по Лобачевскому) прямых.

Что такое, скажем, бревно? Символическая жердочка над ручьем. Мост, перекинутый из точки А в точку Б. А мост, он не только ведь, по шутливому выражению Маяковского, «приспособленье для простуд», он — средство переправы. Чем он более узок, тем большее нужно чувство равновесия, чтобы по нему двигаться. Отсюда вековое искусство канатоходцев. Бревно, конечно, не канат, но и десять сантиметров — ширина невеликая.

Значит, вроде бы, по бревну пристало шагать. Ну, прыгать. Поворачиваться на носке. Застывать в изящных позах, демонстрируя совершенство балансировки.

Но взлетать, вращаясь? Но кувыркаться? И не только вдоль «моста», а поперек?

Вспомним, Корбут первой сделала «сальто Корбут». Олимпийская чемпионка Светлана Гроздова, уче-

ница Руслана Лаврова, обогатила комбинации на этом снаряде сложнейшими поворотами на руках и обвивами вокруг бревна. Это было открытием нового направления, которое условно можно назвать «поперечным».

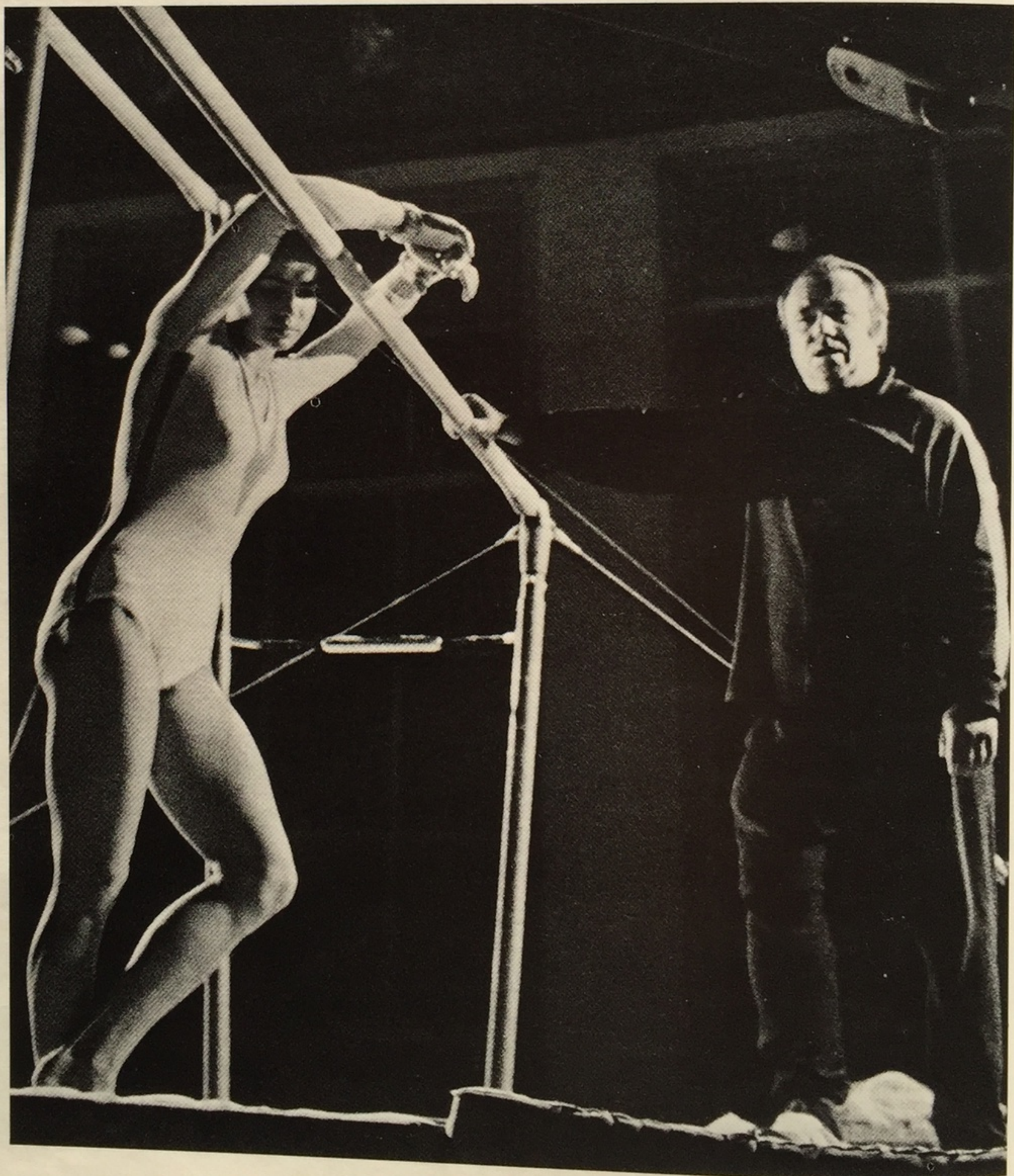
Отсюда пошли такие трюки, как стойка на одной руке ученицы Владислава Растороцкого Натальи Шапошниковой (так называемый «флажок») и ее уникальное горизонтальное равновесие (так называемый «самолетик»). Отсюда «фляк Юрченко», когда, стоя лицом к вам и, если можно так выразиться, спиной к пропасти, девушка взмывает, переворачивается, влипает в дерево ладоня-

1968 год. «Это не опечатка? — спросил г-н Йокосаки, корреспондент «Домей Цусин». — Это правда, что самой старшей в вашей команде чемпионки двадцать лет, а самой младшей — пятнадцать?» «Советский спорт».

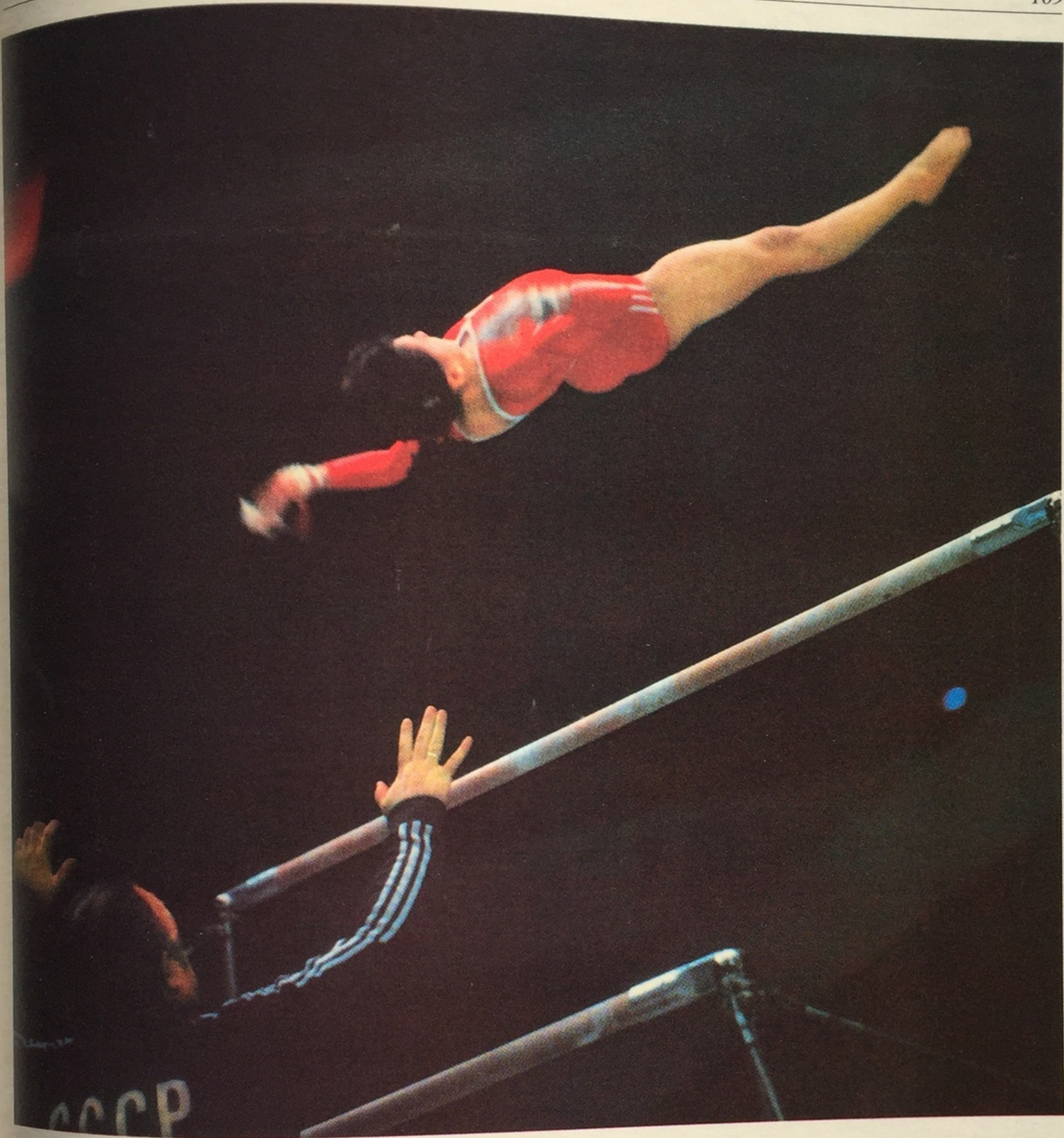
1968 год. Разрыв в 4,8 балла, отделяющий чемпионов-японцев от нашей команды, более чем красноречив». «Советский спорт».

1972 год. «Олимпийскую победу советской женской сборной по гимнастике, во главе которой несравненная Туршцева, по неотразимости можно сравнить только с победой «короля спринта» Борзова. «Зюддойче цайтунг» (ФРГ).

ми, а затем ее тело сжимает жердочку гибким, почти змеиным объятием.

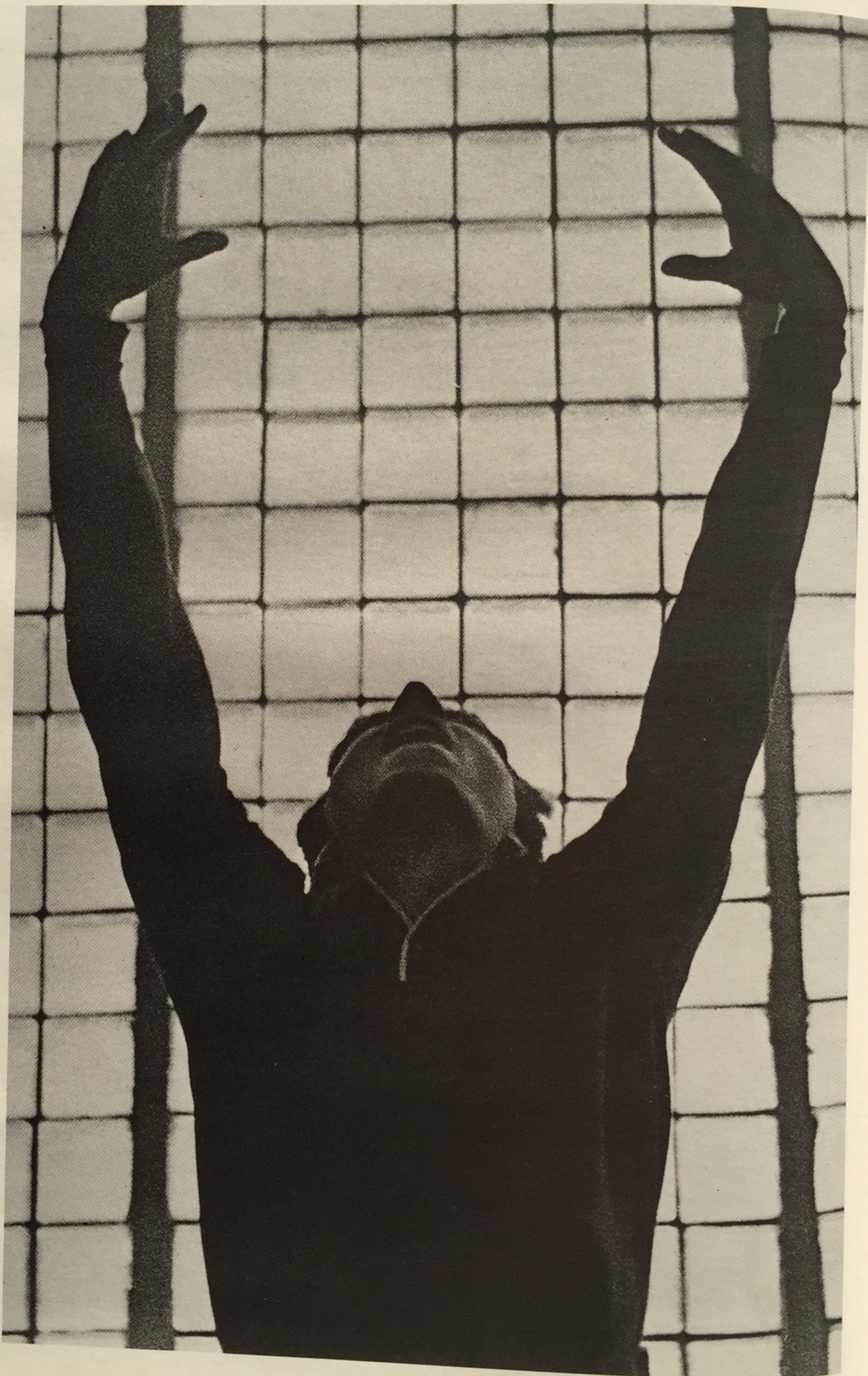
Итак, сегодня на бревне спортсменки делают то, что вчера исполняли лишь на широкой и пружинистой акробатической дорожке, на ковре для вольных упражнений. Так же, как на разновысоких брусьях — то, что мужчины на перекладине, причем нижняя жердь — это помеха, которую следует преодолевать в такой же степени, как на бревне, — узость и жесткость опоры. Заметим к тому же, что мужские трюки сальто Делчева и перелет Ткачева, взятые на вооружение девушками, и у мужчин то появились, как в известной мере развитие идеи женского эле-

1972 год. «Среди самых выдающихся спортсменов Олимпиады — финский бегун Лассе Вирен и гимнастка СССР Ольга Корбут». Телевидение Швеции.

1973 год. «8 тысяч зрителей затаили дыхание, когда на помост зала «Конвеншинг сен-тер» в Майами-Бич выходили прославленные гимнастки Людмила Турищева и Ольга Корбут». «Нью-Йорк таймс» (США).

1973 год. «Турищеву зал приветствовал стоя после того, как она выполнила вольные упражнения — синтез акробатики и балета. 17-летняя мисс Корбут, у которой улыбка никогда не сходила с лица, радостно отвечала на приветствия почитателей своего таланта». Агентство Ассошиэйтед Пресс (США).

мента — петли Корбут, — в этом диалектика.

Намеренное неудобство, видимый алогизм, спор со свойствами снаряда, которые кажутся изначальными, и составляют суть «акробатики на снарядах». Загадка и разгадка — как в детстве, в прятках.

А сколько еще таких загадок! Вот самая простая. Почему при видимой логичности того, что человеку удобней кувыркаться вперед, гимнаст предпочитает исполнять сальто назад?

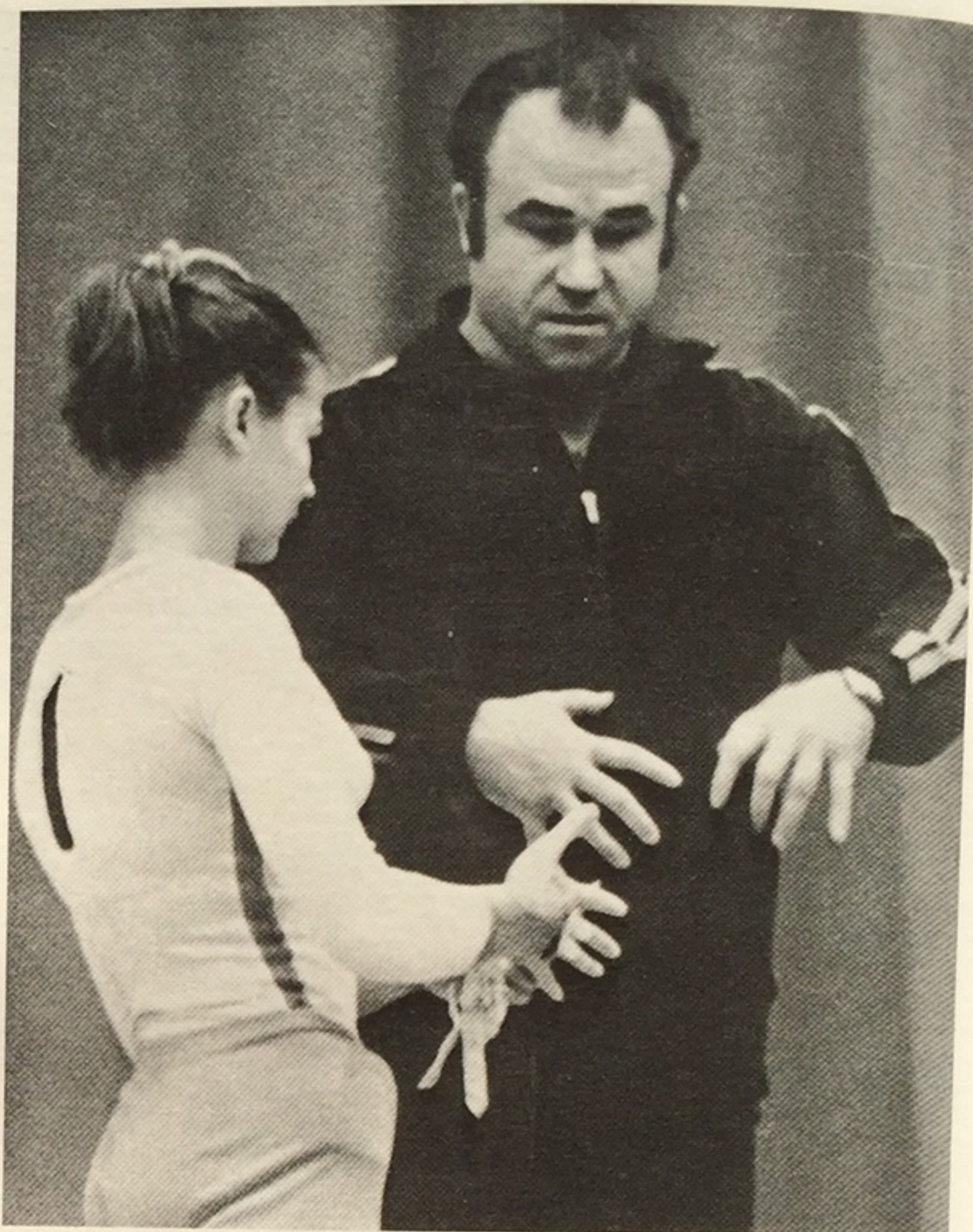
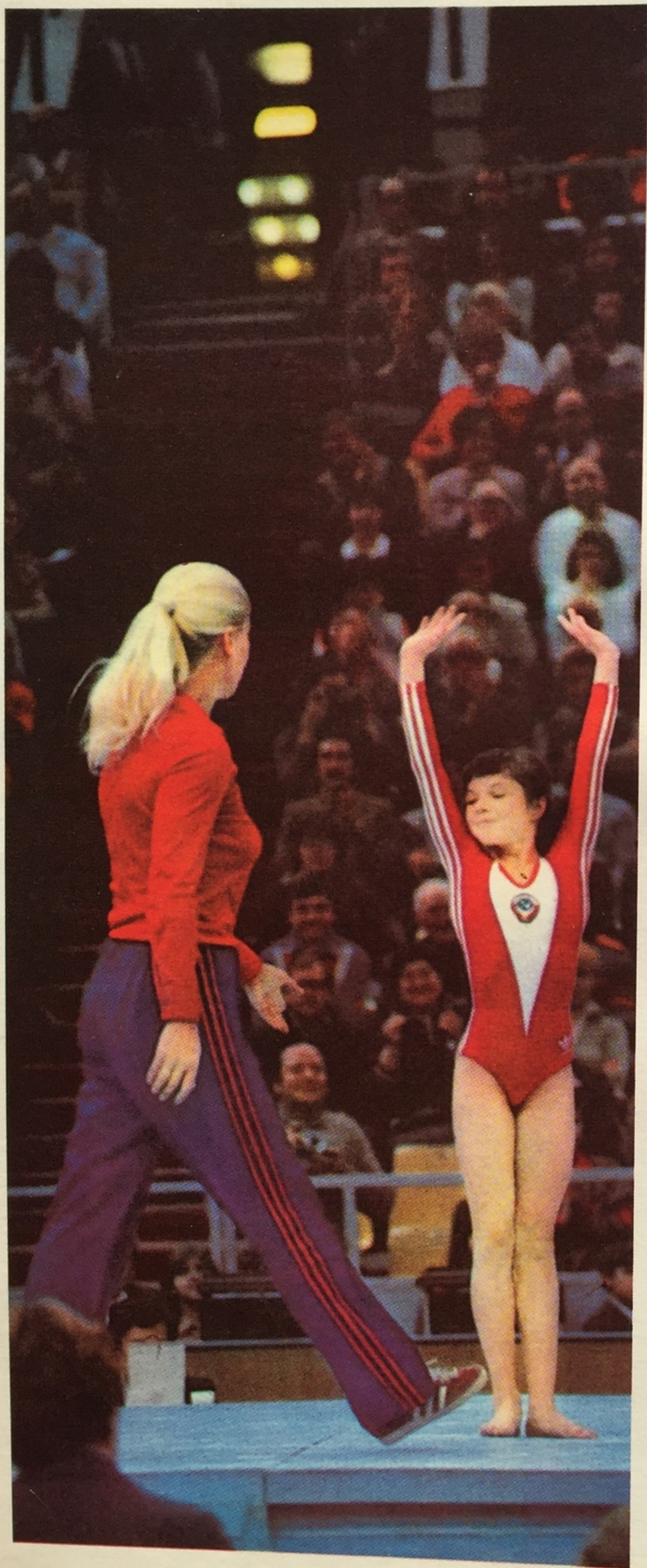
Один мой знакомый кандидат наук думал, думал... «А почему, — говорит, — так кувыркается кошка?» Поразмышлял еще... «Но у кошки ведь, очевидно, какую-то роль играет хвост?»

Что делать — тайна биомеханики...

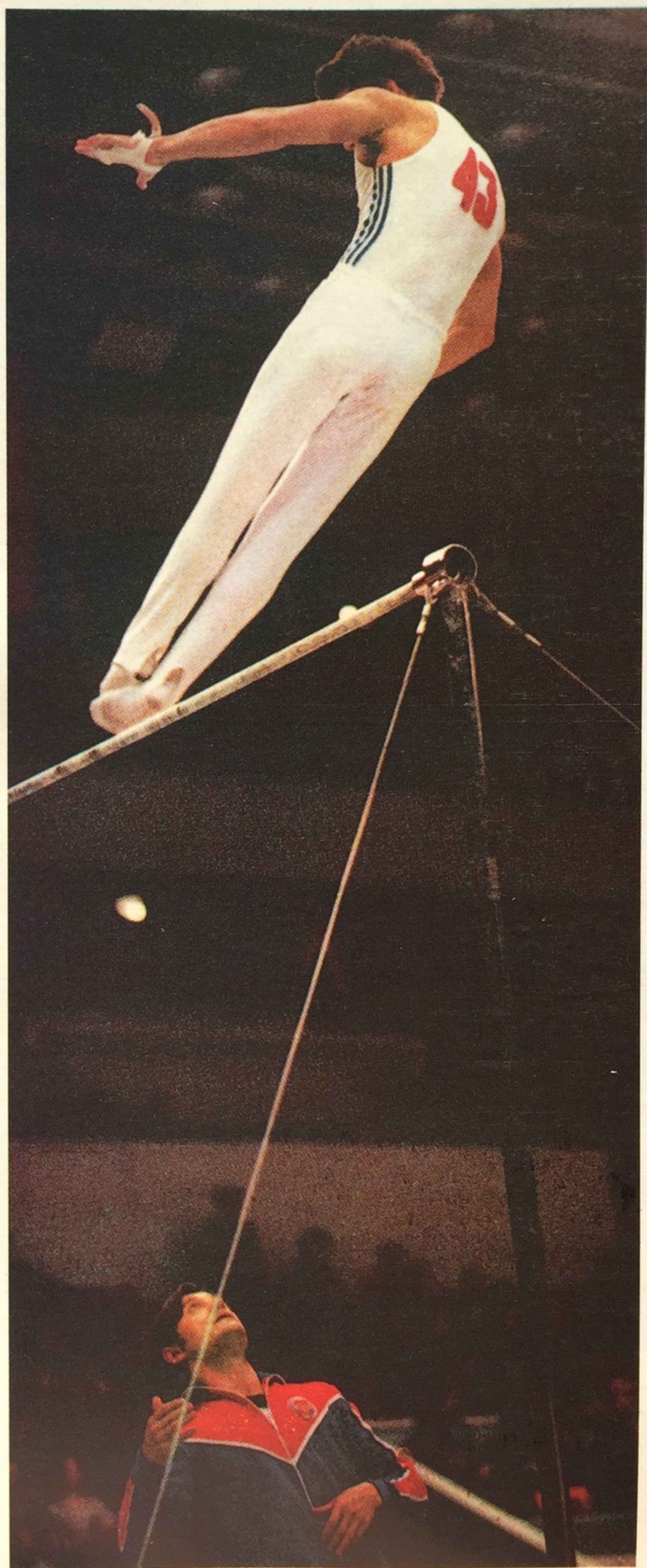
Будем считать вопрос открытым.

Чем больше таких открытых вопросов, тем интереснее жить в гимнастике.

От вершины к вершине

От вершины к вершине

Видел однажды забавную сценку. Олимпийская чемпионка Эльвира Саади, которая ныне ведет тренерскую работу в московском «Динамо», спрашивала после соревнований свою ученицу-первоклассницу:

— А мама смотрела, как ты прыгаешь? Понравился маме твой прыжок? Ты ей сказала, как он называется?

Девочка кивнула.

— А как он называется?

— «Цуцухара», — прошепелявила та щербатым от только что выпавших молочных зубов ртом.

Она в свои семь лет умела уже исполнять сложный прыжок, но не знала точно его названия. Это было в 1982 году, спустя всего двенадцать лет после того, как сверхтрюк обнародовал японский гимнаст Мицуо Цукахара — литой атлет.

Рассказано для иллюстрации того общеизвестного положения, как

стремительно бежит время в гимнастике. Новации ветшают быстрее, чем растут дети, чем желтеют печатные страницы, на которых сравнительно недавнее предстает в таком виде, что хоть ставь рядом в скобках «до н. э.» — до новой эры.

Начало века — 1912 год. Петербургский журнал «К спорту». Пестрят сообщения о скачках и бегах, о футболе, лаун-теннисе, велосипедных гонках, конечно же, о цирковой борьбе — Красная маска против Ивана Каина, Черная — против Антона Кречета, Анатэма — против Святого-ра... Набирает популярность бокс «по правилам маркиза Квинсберри»... Эпоха воздухоплавания дает о себе знать в основном траурными рамками — разбился пилот поручик такой-то, потерпел катастрофу какой-то штабс-капитан...

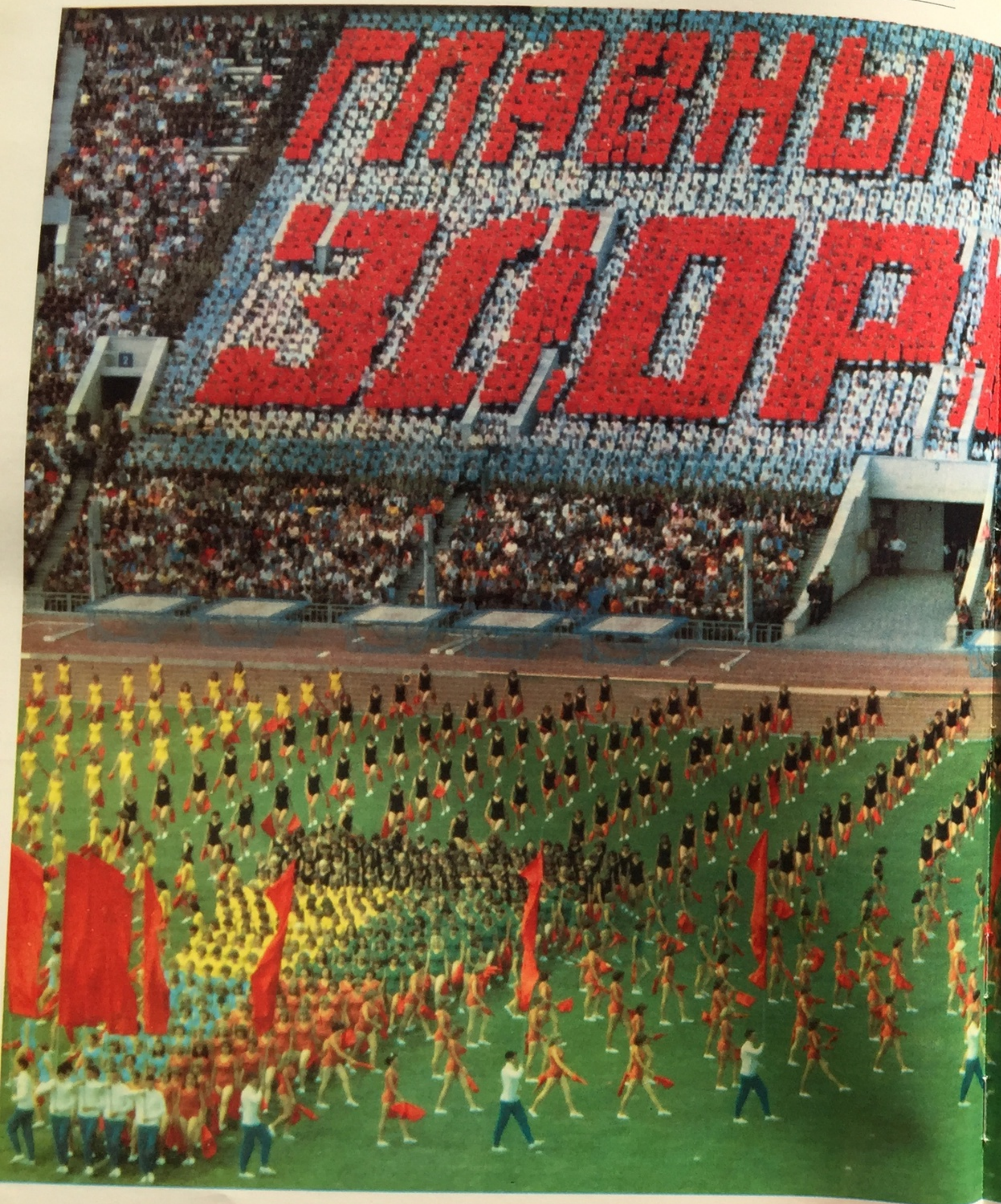
И где-то между этими строками и другими — рекламирующими жидкость для ращения волос «Пьер» и

1973 год. «Выдающаяся репутация, которую завоевали советские гимнасты, соответствует великим достижениям советской культуры», — сказал в дни показательных выступлений наших гимнастов в Англии президент гимнастической ассоциации Великобритании Франклин Эдмондс. Встрече наших спортивных «звезд» с премьер-министром Эдвардом Хитом в его официальной резиденции на Даунинг-стрит, 10 и теплому приему, который был им оказан, посвящены сотни газетных строк». ТАСС.

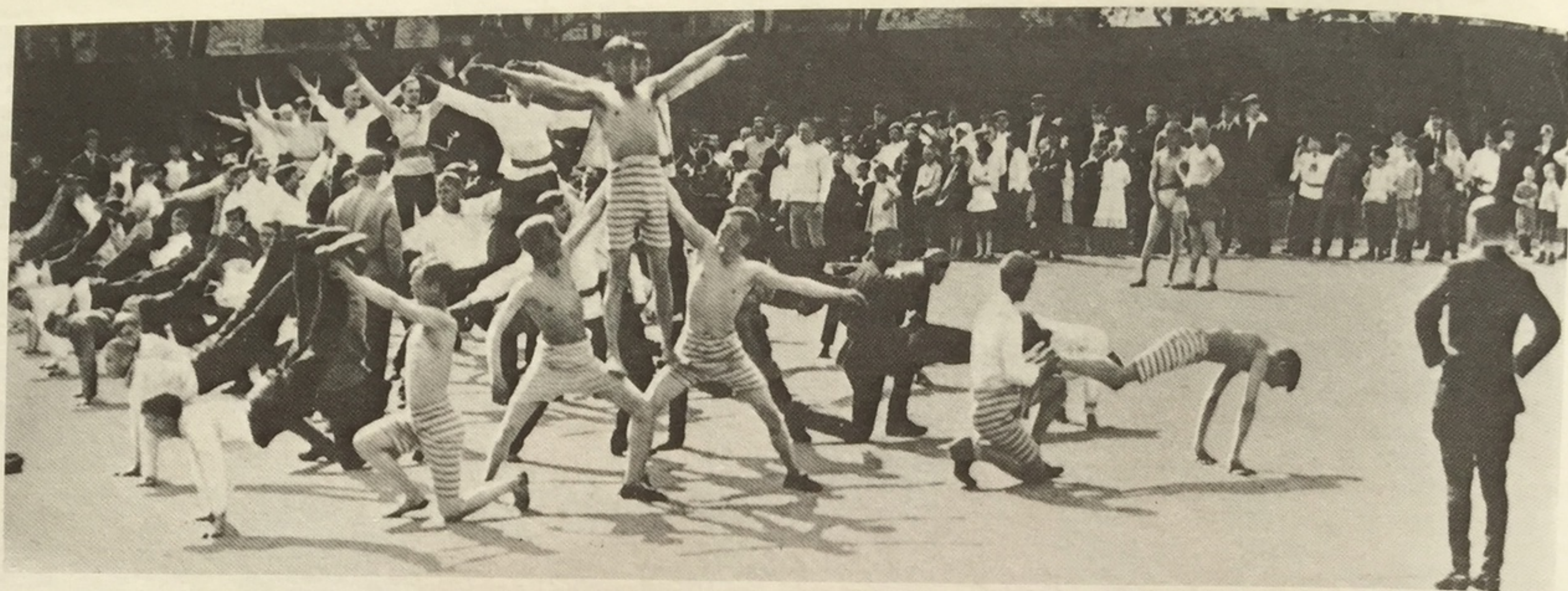

средство от ревматизма «Маго» — сиротливо приютилась заметочка о том, что в Новочеркасске состоялся гимнастический праздник для учащихся. Не больно много можно из нее узнать о программе — кроме того, что гимназисты «совершали упражнения и дефилировали под марш», но зато читатель в курсе другого, очевидно, более важного — присутствовал войсковой наказной атаман генерал-адъютант Мищенко с

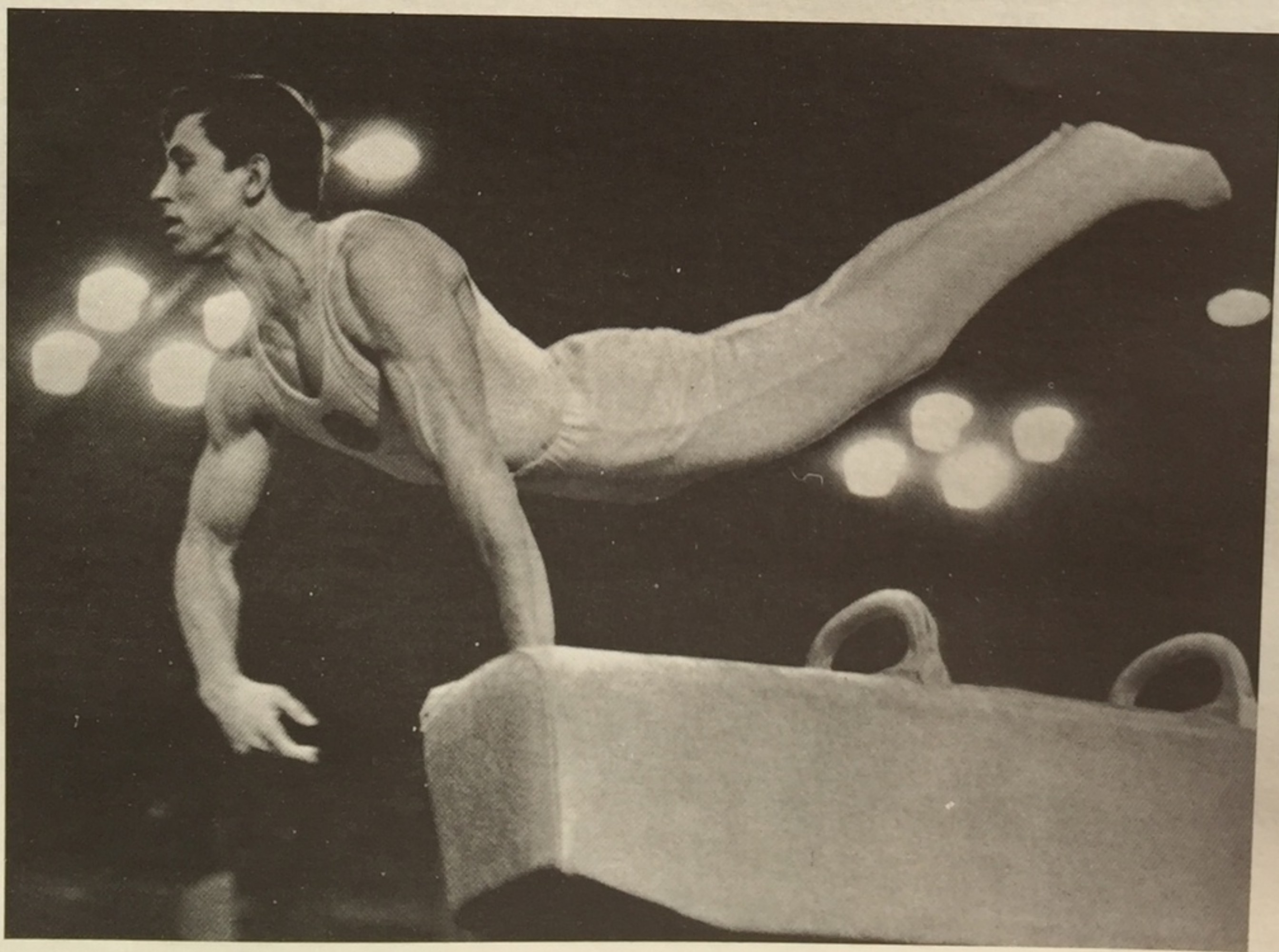
1974 год. «В очередном поединке, ставшем главным событием мужской гимнастики мира — поединке сборных Японии и СССР, советской команде снова выиграть не удалось». «Советский спорт».

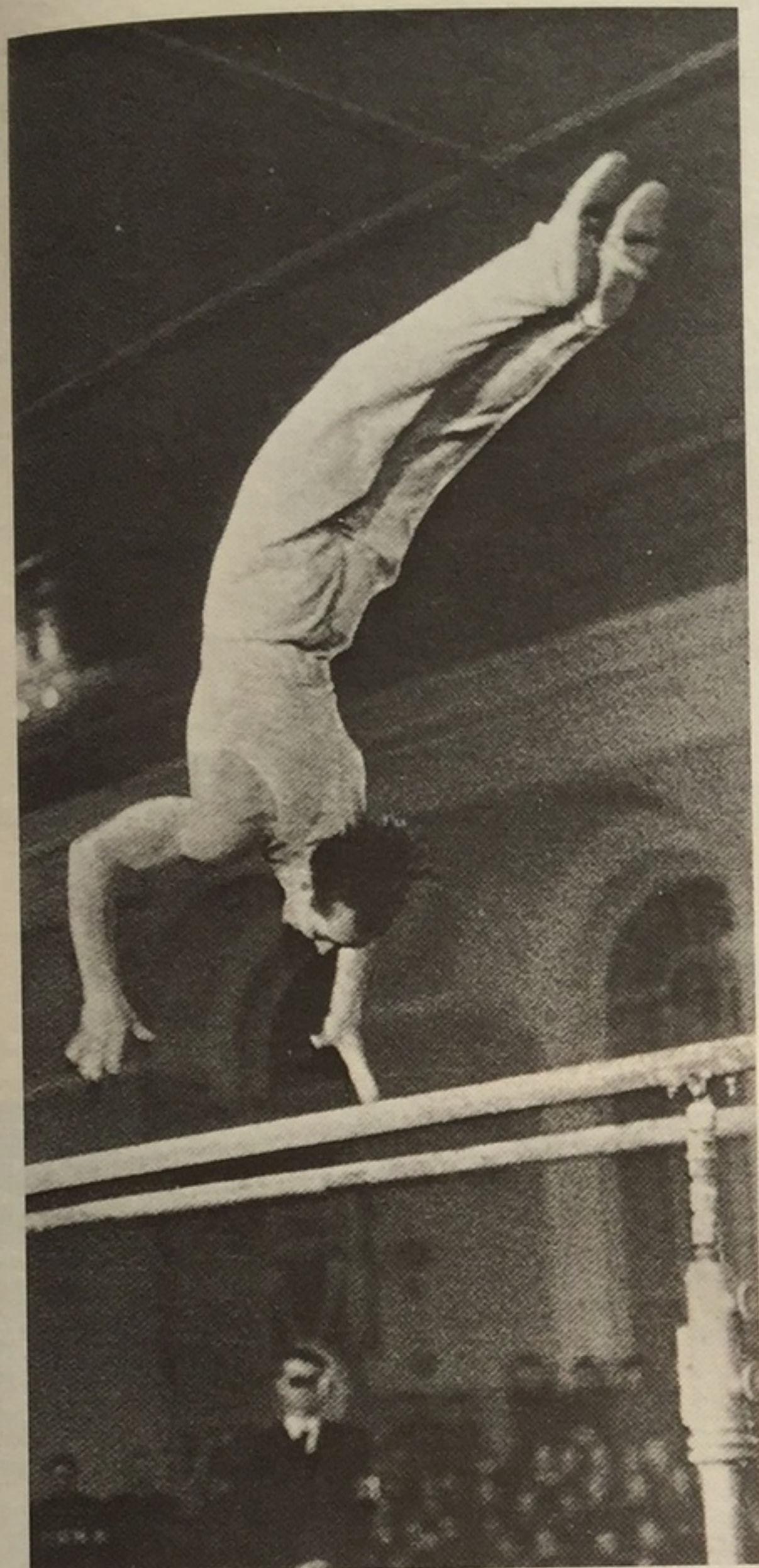
1974 год. «Чемпионка мира Людмила Турищева — женственность, спортивная грация, выверенные до миллиметра движения». «Народен спорт» (Болгария).

супругой, а попечитель учебного округа Соколовский присутствовать не смог, по коему поводу выразил сожаление. Вот еще заметочка — в Петербурге сокольский отдел общества «Богатырь» провел гимнастический вечер, имевший исключительный успех. Тут уже подробности — мужчины и дамы упражнялись на снарядах с палочками и обручами. Почтили присутствием камергер Фрейтаг и сенатор Султан Крым-Гирей.

Захлопнем старую подшивку, обратимся к иному времени. Оно на экране памяти предстает кадрами подлинной кинохроники — прыгающими, исцарапанными, не

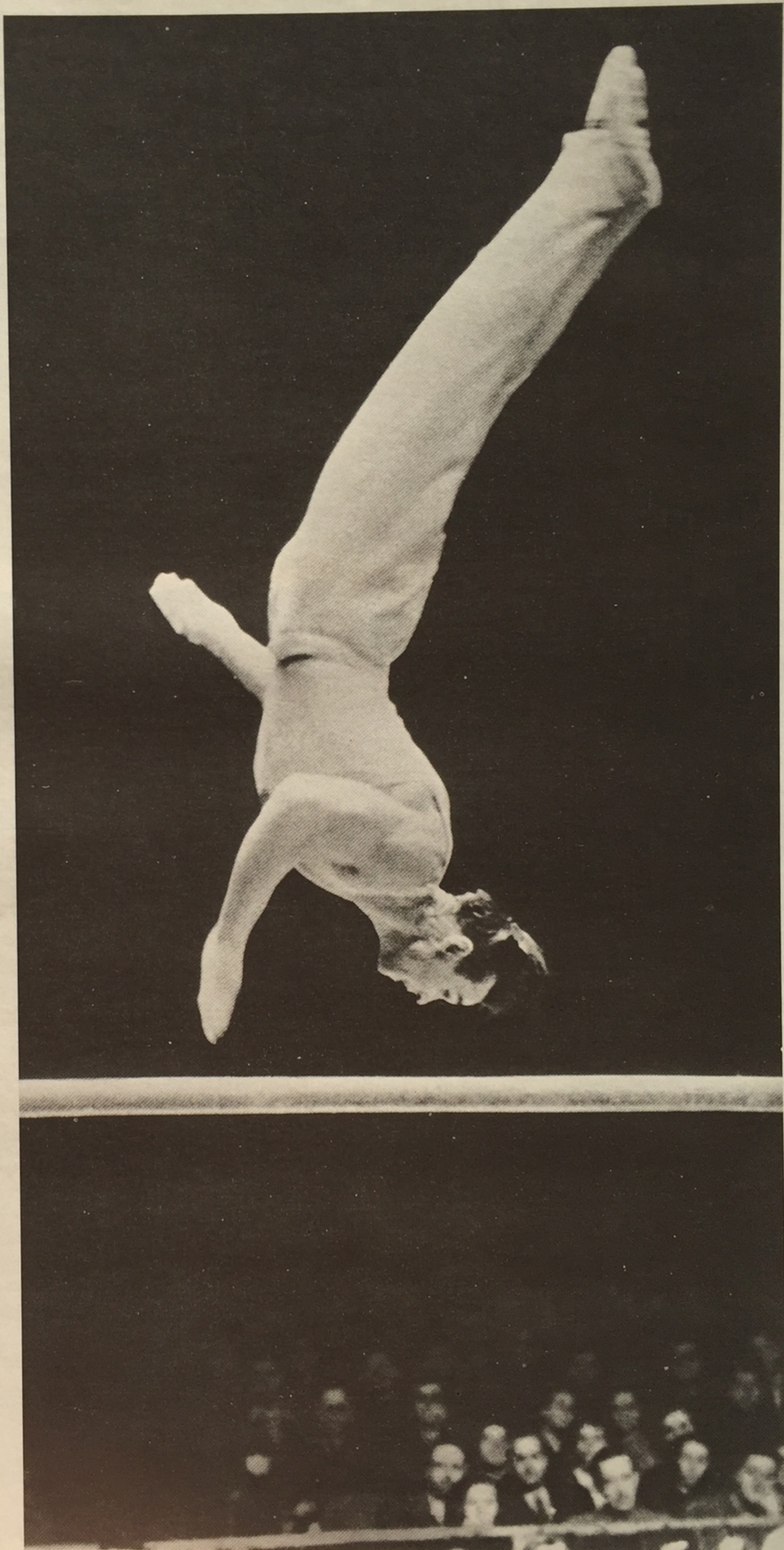

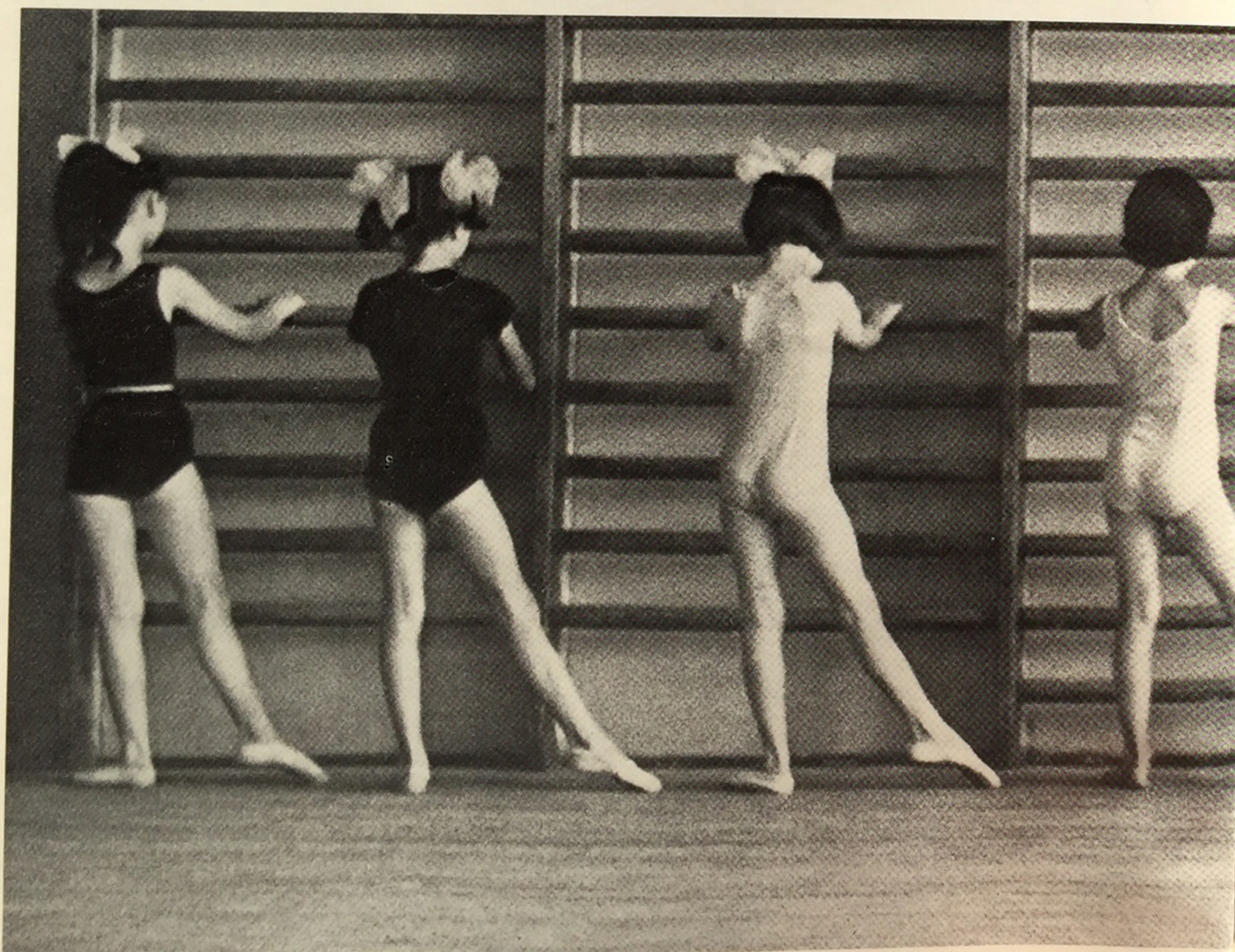

больно умелыми в исполнении первых советских операторов, лихих «киноков» Дзиги Вертова. Только-только отгремела гражданская, сметены с лица нашей земли атаманы, камергеры и сенаторы. Страна широко дышит еще исхудалой грудью. Вдох, выдох, ноги вместе, руки врозь — тысячи парней и девчат делают гимнастику в шеренгах Всевобуча. Мы не видим, кто ими руководит, но вправе предполагать, что это — стройный, невысокий, совсем молодой человек, инструктор Борис Астафьев, бывший тульский гимназист, отчаянный подражатель цирковых акробатов, будущий замечательный советский тренер, создатель московской динамовской школы.

А в Тбилиси, мы знаем, с кавказской энергией и темпераментом берется за гимнастическое дело старый спортсмен, общественник, батоно Георгий Егнаташвили, и вскоре здесь зашумит молодая поросль — Рцхиладзе, Бабилодзе, Романишвили, и Андро Джорджадзе поедет передавать спортивный опыт в Кахетию, в дальнее селение Сабуэ.

В буднях великих строек полыхают многоцветьем спортивные празд-

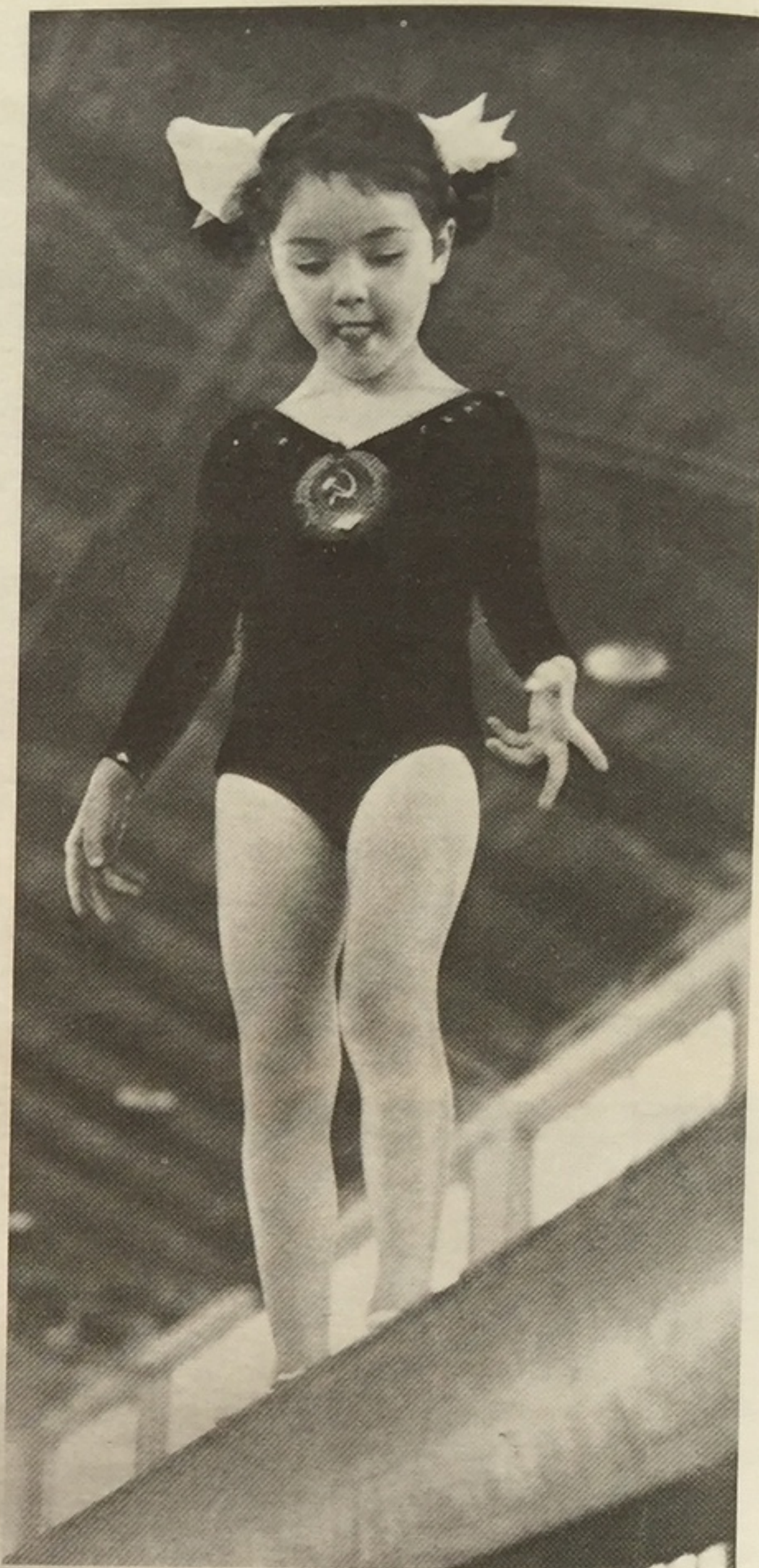

ники, и становится традицией, что на Красной площади перед мавзолеем Ленина демонстрируют свое мастерство московские гимнасты-инфизкультуровцы, ленинградские лесгафтовцы, атлеты Украины, Закавказья, стройные девушки Средней Азии, недавно сбросившие паранджу.

Они делают вольные упражнения, выстраивают сложнейшие живые пирамиды, а венчают зрелище военным маршем, потому что готовы не только к труду, но и к обороне. Им придет на выручку готовность. «Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц, и потянуло порохом от всех границ». Журнал «Гимнастика» среди спортивных отчетов, описаний комбинаций и споров о терминологии публикует корреспонденцию, рассказывающую, как в пылающей Испании сражался с франкистами горный батальон Луиса Рея, состоявший из гимнастов, и как он пал весь до

1976 год. «Советский Союз привез на Олимпиаду настолько сильную команду гимнасток, что даже великая Ольга Корбут осталась вне тройки призеров. Несмотря на совершенное выступление лидера румынской команды Нади Комэнеч, советская сборная, ведомая Людмилой Турищевой, Нелли Ким, Ольгой Корбут и маленькой Машей Филатовой, продемонстрировала такой класс, что выиграла золотую медаль с отрывом почти в три балла». «Газетт» (Канада).

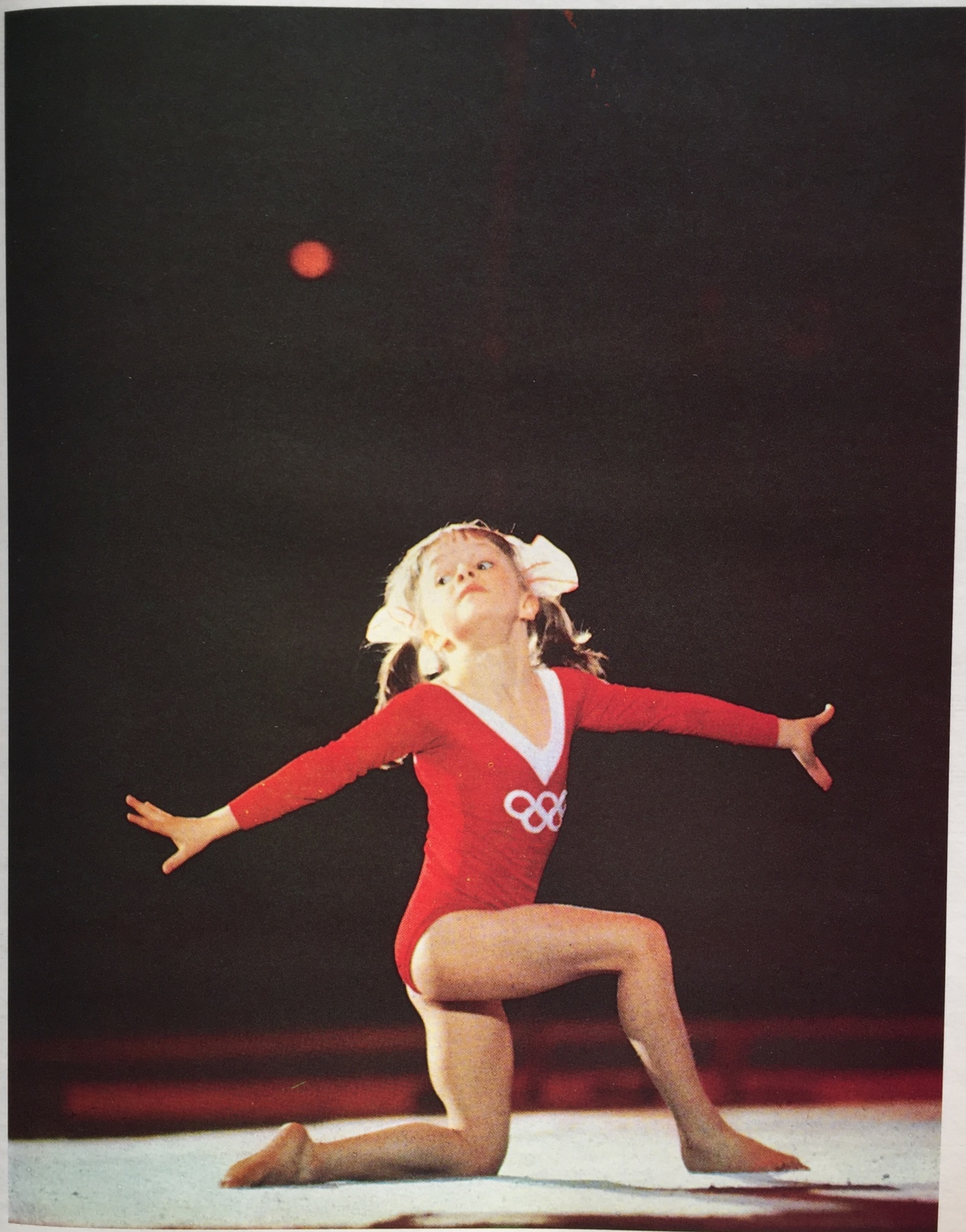
последнего бойца на высотах Бискараги.

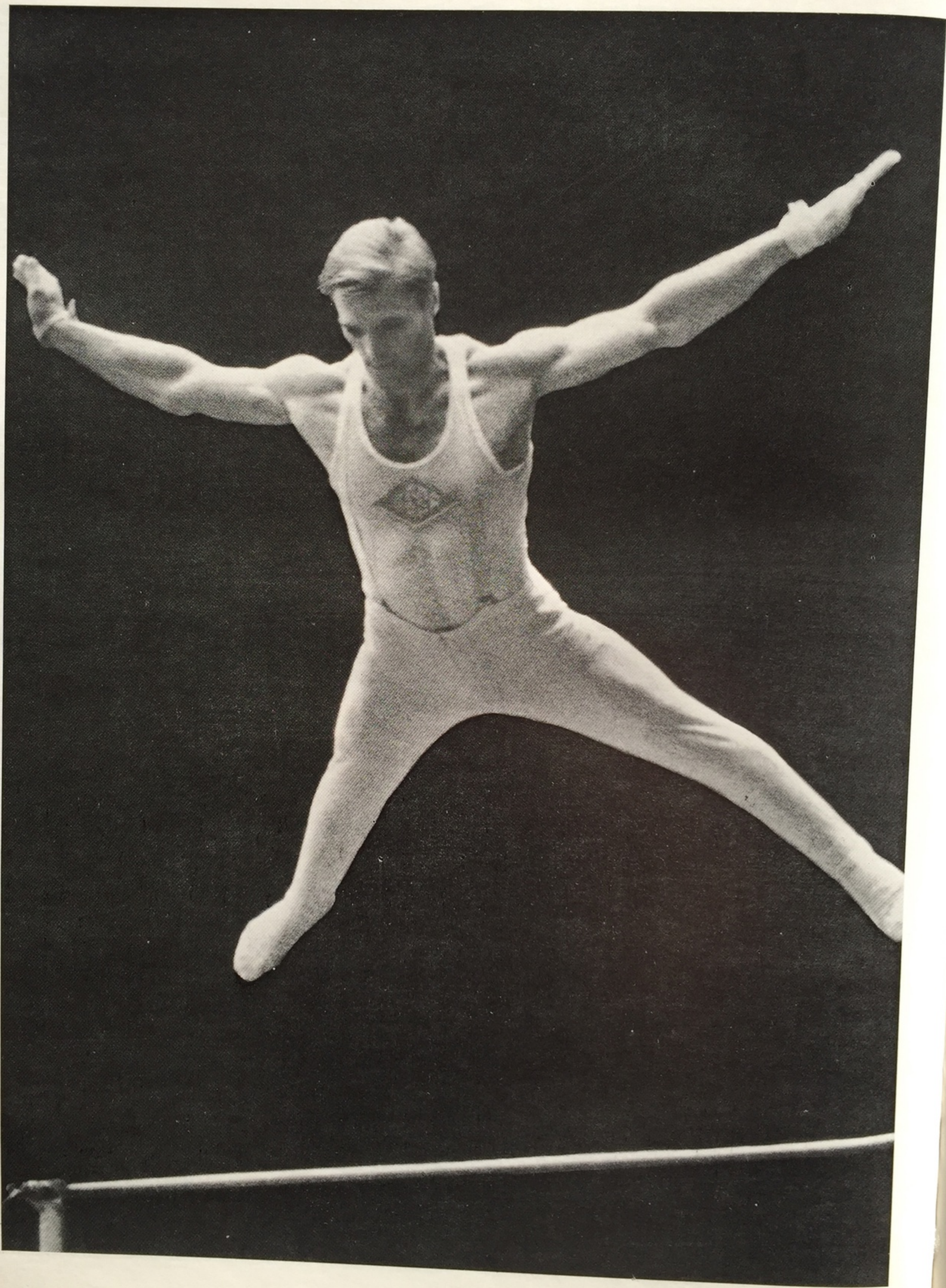
И в том же самом номере — рассказ о первом международном выступлении сборной СССР на рабочей Олимпиаде в Антверпене в 1937 году.

Четыре первых места заняли наши мужчины. Чемпионом стал Николай Серый, вслед за ним были — не забудем эти имена — Михаил Дмитриев, Андро Джорджадзе, Михаил Касьяник.

О Сером надо сказать особо. Поражительный был спортсмен — новатор, искатель. Наш ветеран Владимир Беляков вспоминает о нем так:

«К снаряду Серый выходил легкой пружинистой походкой, высоко поднимая голову. От всей его фигуры веяло здоровьем, силой, жизнерадостностью. Смотреть на него было так приятно, что еще задолго до того, как он начинал упражнение, по залу прокатывался гул восхищения. Его упражнения на всех снарядах отличались темпераментностью, быстрой сменой ритма движений. Логически связанные между собой элементы выполнялись точно и мягко,

бе

нь

ти

зв

бо

но

вск

и к

вы

яте

но-

в А

эпи

Кра

на п

в Лу

ных

триб

танс

стый

ской

обра

точн

сто п

ний ф

Непо

Н

Олим

выгля

шесть

градс

Тышк

ва, Ан

кова,

денко.

Уд

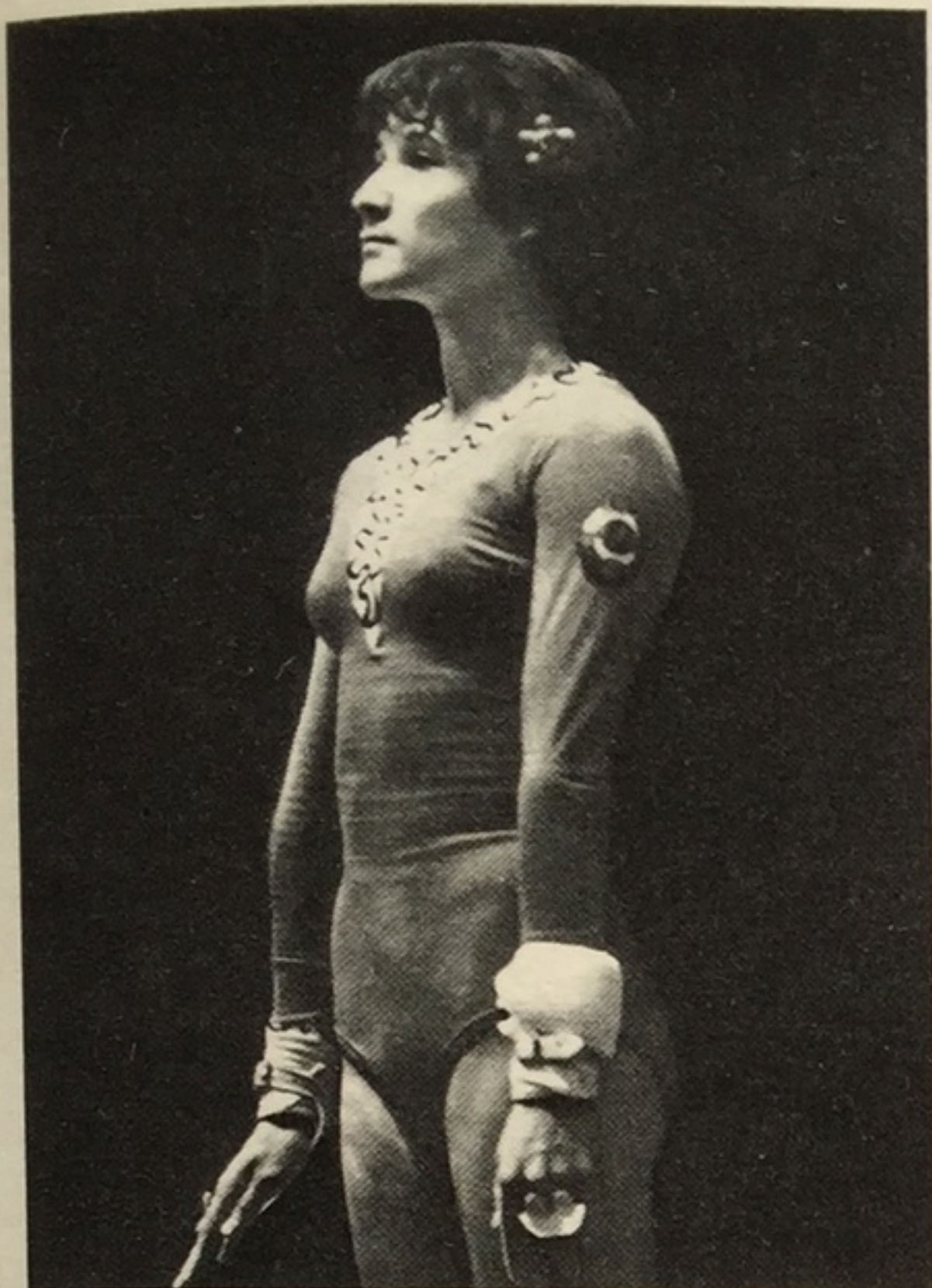
вой. Д

фасов

фабри

сына, а

лет, ув

без напряжения и видимых усилий».

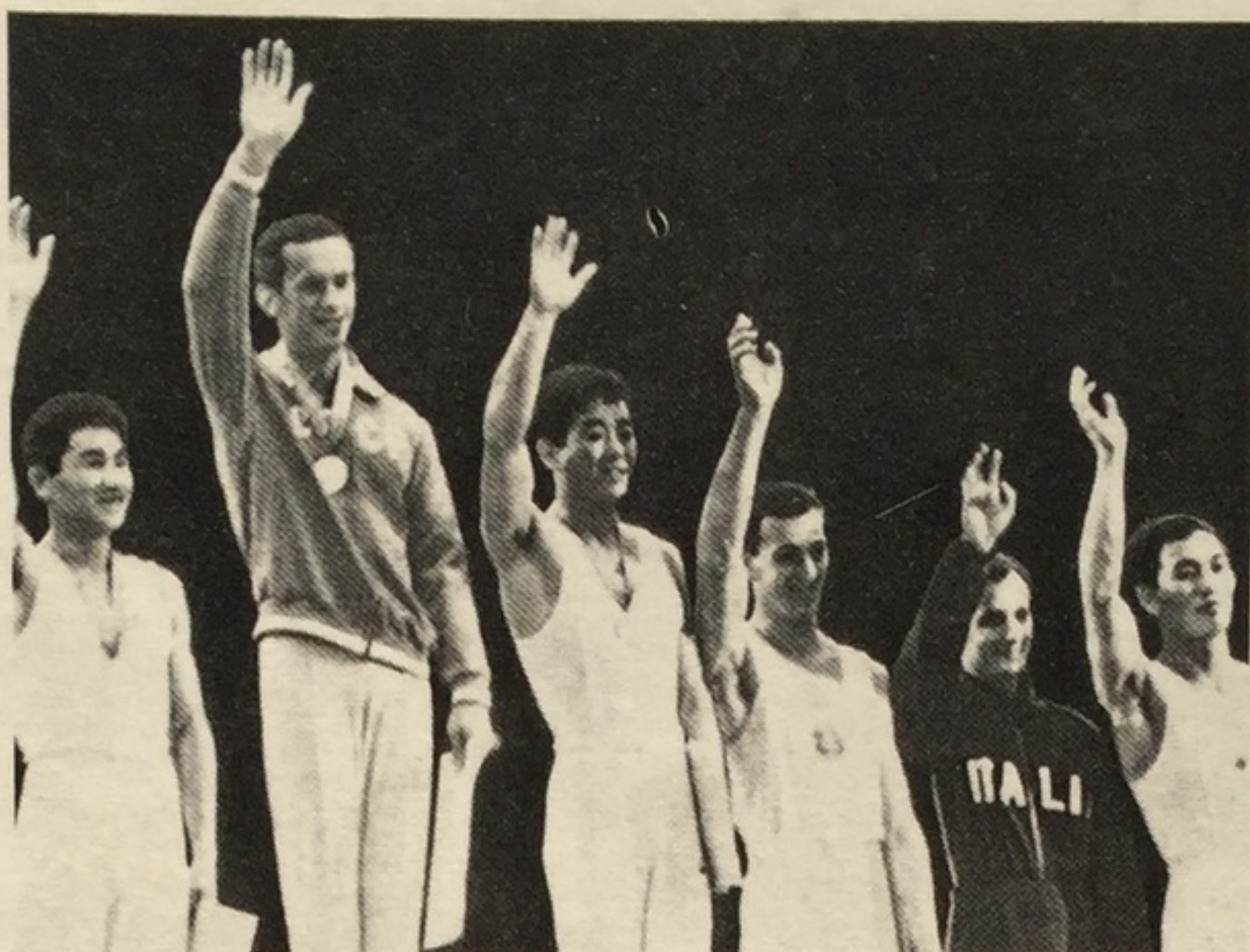
Он тяготел к артистизму, в вольных упражнениях предпочитал тематические композиции, давая им названия — «ГТО», например, «Освобождение», «За мир». В финале одной из комбинаций он неожиданно скидывал вверх красный флаг.

Не случайно Серый прославился и как режиссер-постановщик массовых спортивных действ. Причем деятельность эту он начал очень рано — в 24 года. Прежде чем победить в Антверпене, уже отрепетировал эпизод выступления лесгафтовцев на Красной площади.

Я не застал Николая Павловича на помосте, помню его после войны, в Лужниках, на одной из генеральных репетиций. В центре Западной трибуны он высился как на капитанском мостике, сухой, мускулистый, элегантный, и с мейерхольдовской страстью вещал в микрофон, обращаясь напротив, вдаль, на Восточную: «Четырнадцатый ряд фона, сто пятнадцатое место, опустите синий флажок, поднимите красный!» Непостижимо...

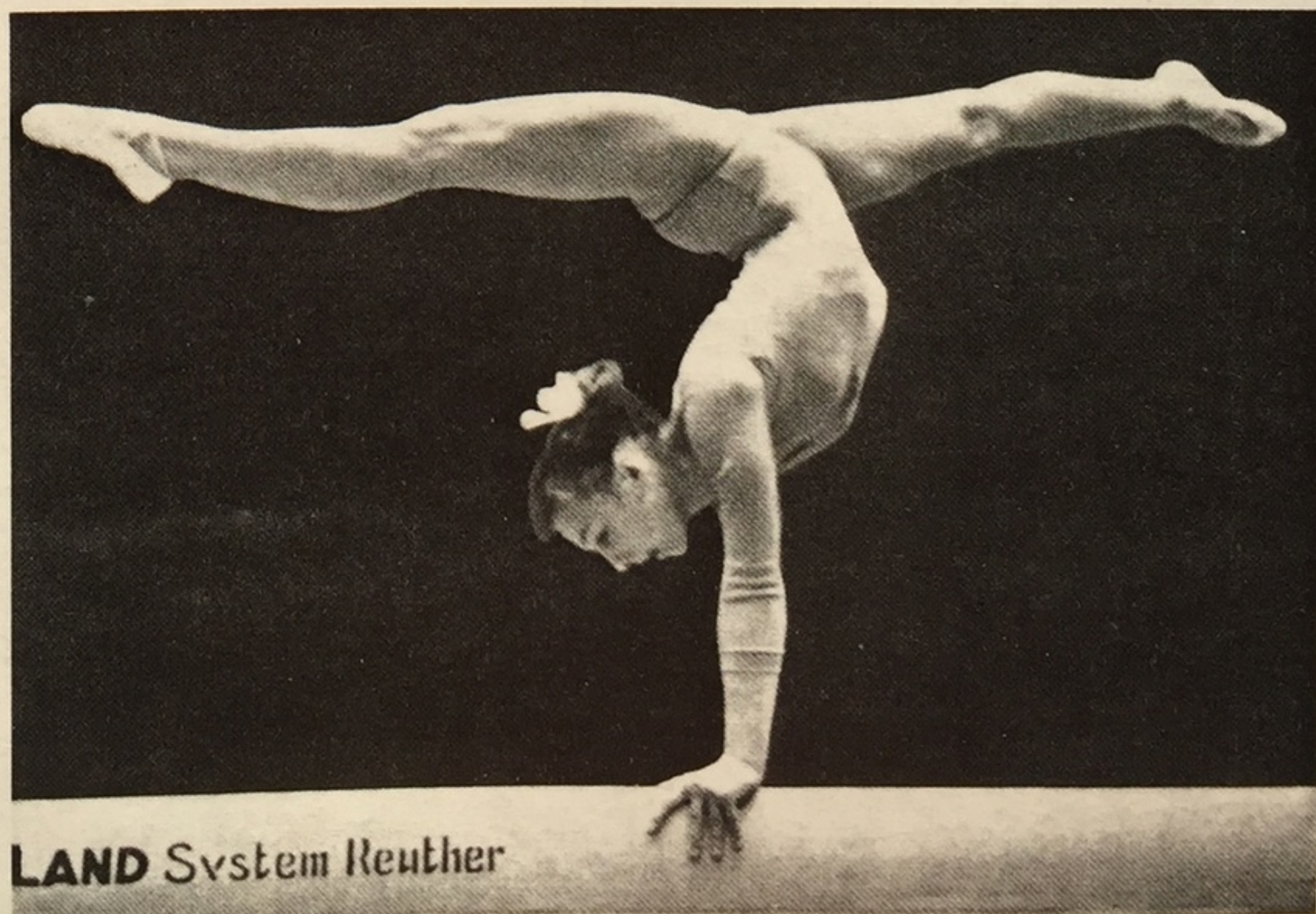
Но вернемся к событиям рабочей Олимпиады. Женская сборная СССР выглядела там еще внушительней: шесть первых мест. Победила ленинградская преподавательница Мария Тышко, за ней были Варвара Голубева, Антонина Зайцева, Евдокия Боккова, Мария Гордеева, Таисия Деменко.

Удивительная судьба Дуси Бокковой. Девочка из сиротского приюта, фасовщица на Киевской конфетной фабрике, она вышла замуж, родила сына, а когда ему исполнилось пять лет, увлеклась гимнастикой и спустя

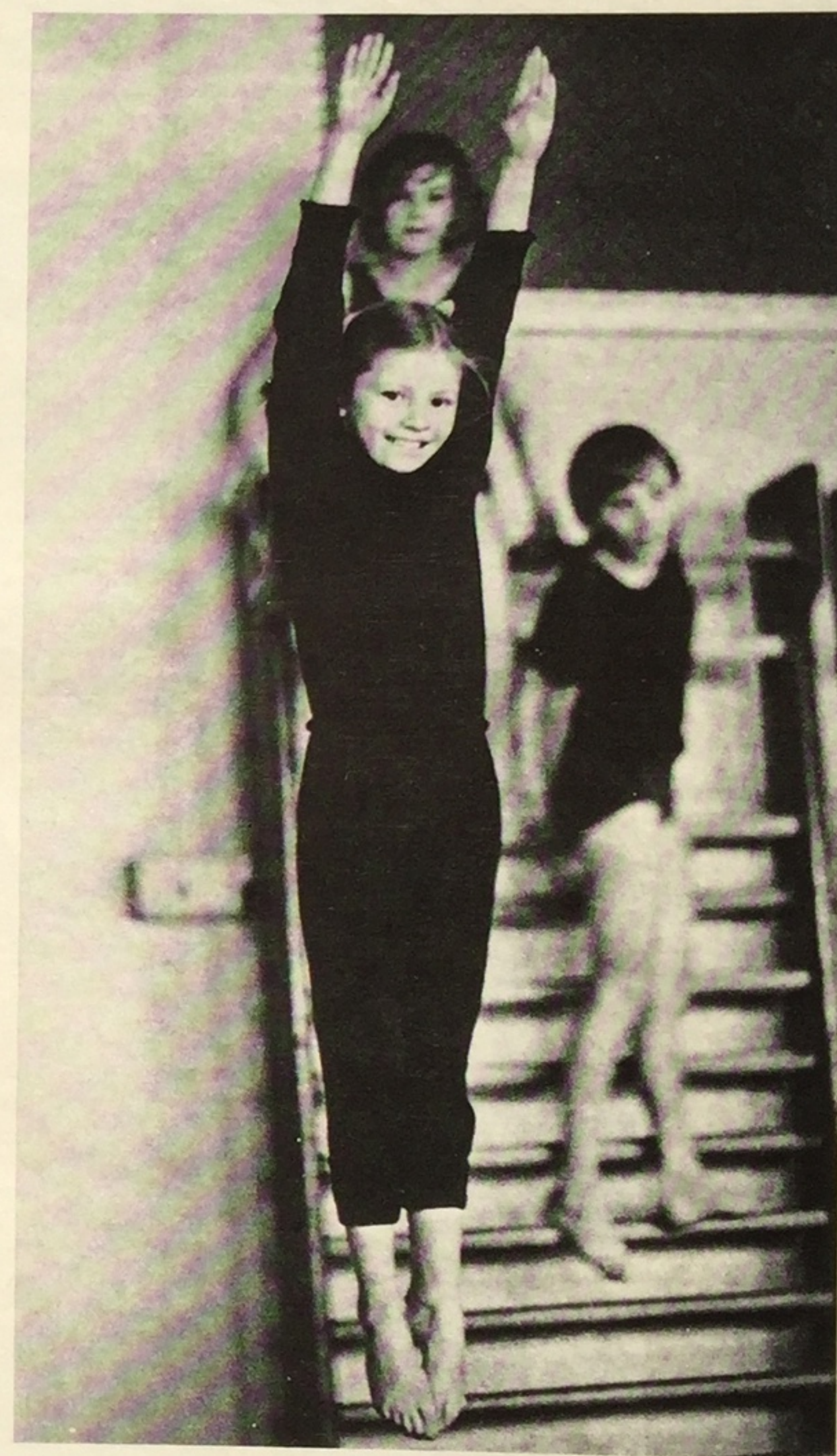

1976 год. «Одному из участников Олимпиады придется, видимо, на аэродроме заплатить за «перевес багажа». Тяжелая, но приятная ноша у молодого студента Николая Андрианова — четыре золотых, две серебряных и бронзовая награда». «Газетт» (Канада).

1979 год. «Форт-Уэрт (США). Спустя 20 лет мужская сборная СССР вернула себе первенство на мировом помосте». ТАСС.

LAND System Reuther

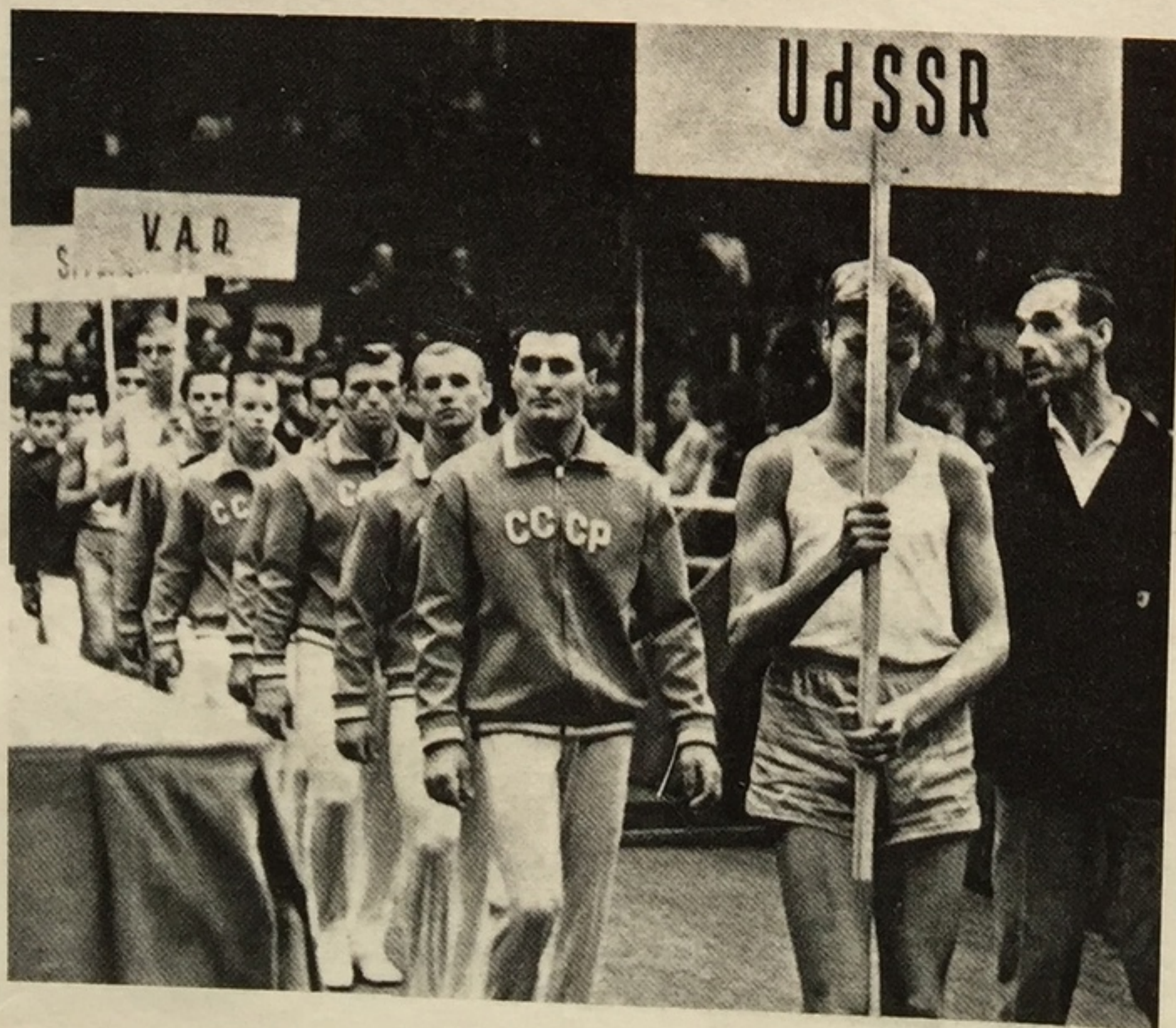
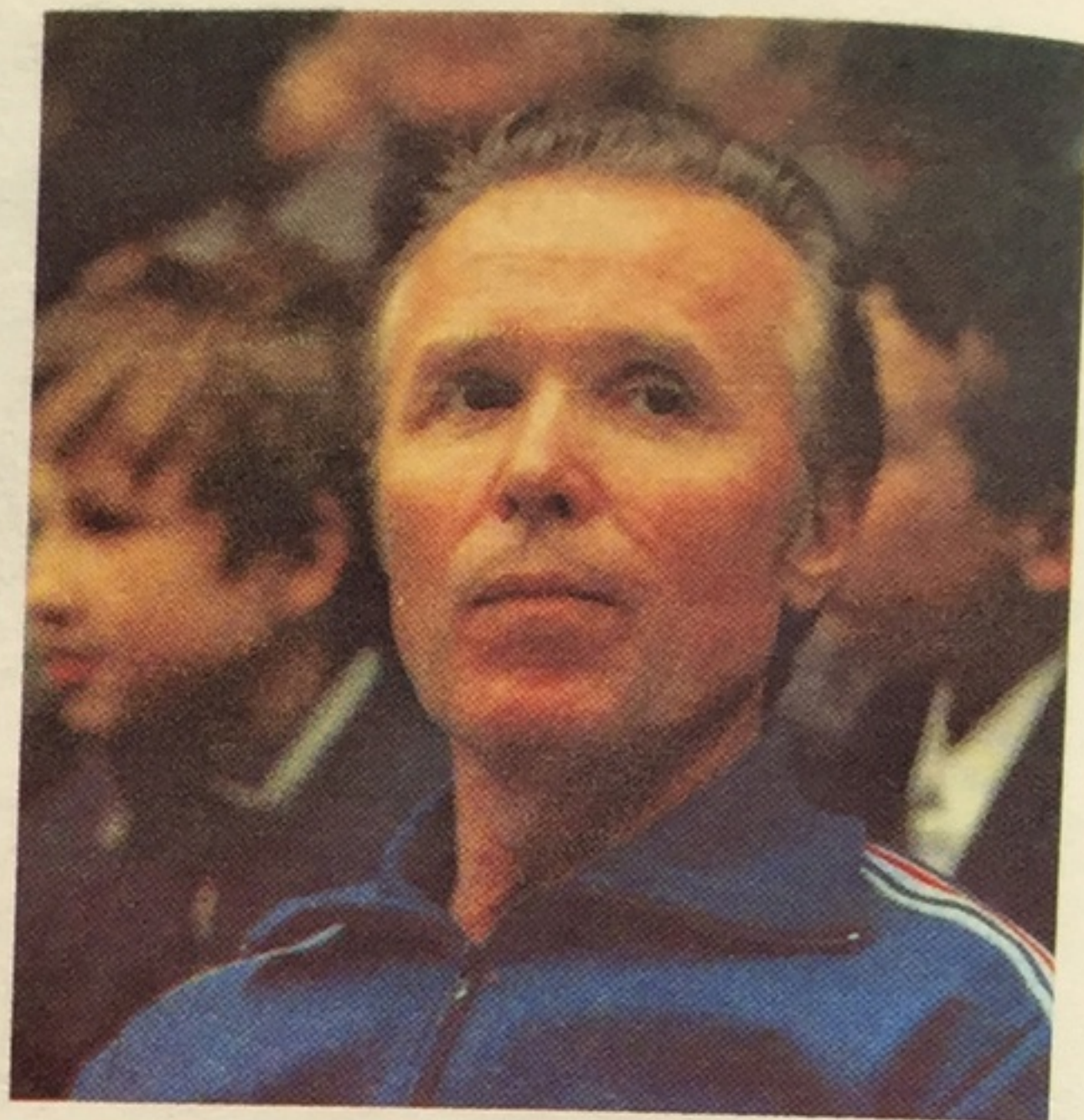

еще пять лет стала чемпионкой СССР. Она первая в нашей стране сделала на перекладине (тогда и на этом снаряде женщины состязались) большой оборот. Вот вам тоже характер, рожденный тем трудовым, боевым, оптимистическим временем.

Перелистнем еще страницу памяти и спросим себя — судьбы скольких талантливых гимнастов пересекла огненной чертой Великая Отечественная?

1980 год. «Русские выступали на Олимпиаде в Москве с амбицией, точностью, силой и мастерством. Будь здесь японцы или многообещающая сборная США, они не могли бы поколебать позиции этой превосходной команды». Агентство ЮПИ (США).

Черноглазая смешливая девочка из Евпатории Муся Гороховская училась в Ленинграде в институте имени Лесгафта и осваивала мастерские комбинации. Строгий юноша из Мариуполя Витя Чукарин только-только закончил техникум в Киеве и выполнил норму мастера. Застенчивый школьник из Еревана Грант Шагинян победил на всесоюзных соревнованиях мальчиков. Накануне...

В дни ленинградской блокады Мария Гороховская была медсестрой в госпитале, ночами дежурила на крышах, тушила зажигалки во время бомбежек. Чуть живую от голода, ее эвакуировали по Дороге жизни, и, едва окрепнув, она в Акмолинской области пошла работать полеводом...

Воевал, потом мучился в фашистском концлагере Виктор Чукарин, и, когда вернулся, мать его не узнала...

1980 год. «Отношение австралийских спортсменов к участию в московской Олимпиаде выразила тренер австралийских гимнасток Ширли Томпсон: «...У нас не было никаких колебаний, ехать ли в Москву. Московская Олимпиада стала знаменательным этапом в развитии нашей гимнастики. Наше участие в Играх способствовало небывалому росту популярности этого вида спорта в Австралии — сейчас мы получаем сотни писем от родителей, дети которых хотят заниматься гимнастикой». «Советский спорт».

1980 год. «Ведущие американские гимнасты Рон Гилмор и Марция Фредерик осудили бойкот московской Олимпиады, объявленный администрацией Картера, который лишил американских гимнастов возможности принять участие в выдающемся празднике молодежи всего мира. «Ничто не в состоянии заменить Олимпийские игры», — сказал Р. Гилмор в ответ на приглашение принять участие в так называемых «альтернативных соревнованиях» в городе Хартфорде. «Разве могут соревнования называться международными, если в них не принимают участия гимнастки из Советского Союза и Румынии?» — сказала М. Фредерик». ТАСС.

Лейтенант Грант Шагинян, командир стрелкового взвода, в бою у предгорий Кавказа был ранен пулевой очередью навыворот пониже колена. Выйдя из госпиталя, он пришел в спортивный зал, попытался сделать комбинацию на коне — нога не разгибалась...

Я называю имена победителей первой нашей Олимпиады — в Хельсинки — абсолютных чемпионов Горюховской и Чукарина, серебряного призера Шагиняна. Считаю долгом перечислить всех, кто стоял на пьедестале 24 июля 1952 года, спустя одиннадцать лет один месяц и два дня после начала войны: Мария Горюховская, Нина Бочарова, Галина Урбанович, Медея Джугели, Екатерина Калинчук, Галина Шамрай, Галина Минаичева, Пелагея Данилова, Виктор Чукарин, Грант Шагинян, Валентин Муратов, Евгений Корольков, Владимир Беляков, Дмитрий Леонкин, Иосиф Бердиев, Михаил Пе-

1980 год. «Демонстрация грации, силы и красоты», «Великолепное мастерство королей гимнастики», «Пример для наших спортсменов» — вот некоторые из восторженных оценок, которыми бразильская нечисть отпечатавала в Сан-Паулу советских гимнастов. Известный тренер Эркулано Феррейро Сантос заявил, что турне советских гимнастов, несомненно, послужит популяризации этого вида спорта в Бразилии». ТАСС.

1980 год. «Более двух часов выступали советские гимнасты на арене 25-тысячного дворца «Эв Калдин» в Боготе Колумбия. Более двух часов в зале собирались аплодисменты. В конце выступления, в едином порыве скандировать «Москва» и «наибо». ТАСС.

1981 год. «Победителем международных соревнований по гимнастике на призы газеты «Московские новости» стал Юрий Королев из знаменитой владимирской школы». ТАСС.

1981 год. «Когда Александр Ткачев победил на первенстве Европы, Королев подошел к нему: «Покажи медаль». Подержал, повертел: «Такая и у меня будет». «Советский спорт».

рельман. В этот никогда не забываемый день они представляли на помосте зала Мессухали всю советскую гимнастику, включая тех, кто не дошел, не дожидаясь конца войны чья память будет жить вечно.

Мы невольно ведем отсчет от этого дня. Что было раньше, кажется нам предисторией. Такое сознание естественно, ибо в те первые послевоенные годы страна, еще не до конца залечившая раны, тем не

менее вложила в развитие спорта неисчерпаемость духовных ресурсов, силу — физическую и нравственную — своей молодежи, для которой особым стимулом стало высокое романтическое убеждение, что если мы в такой битве победили, то в спорте стыд нам не побеждать. Страна и гимнастика дала частицу материального и морального потенциала, который позднее создал плотины на великих реках и великий Байконур.

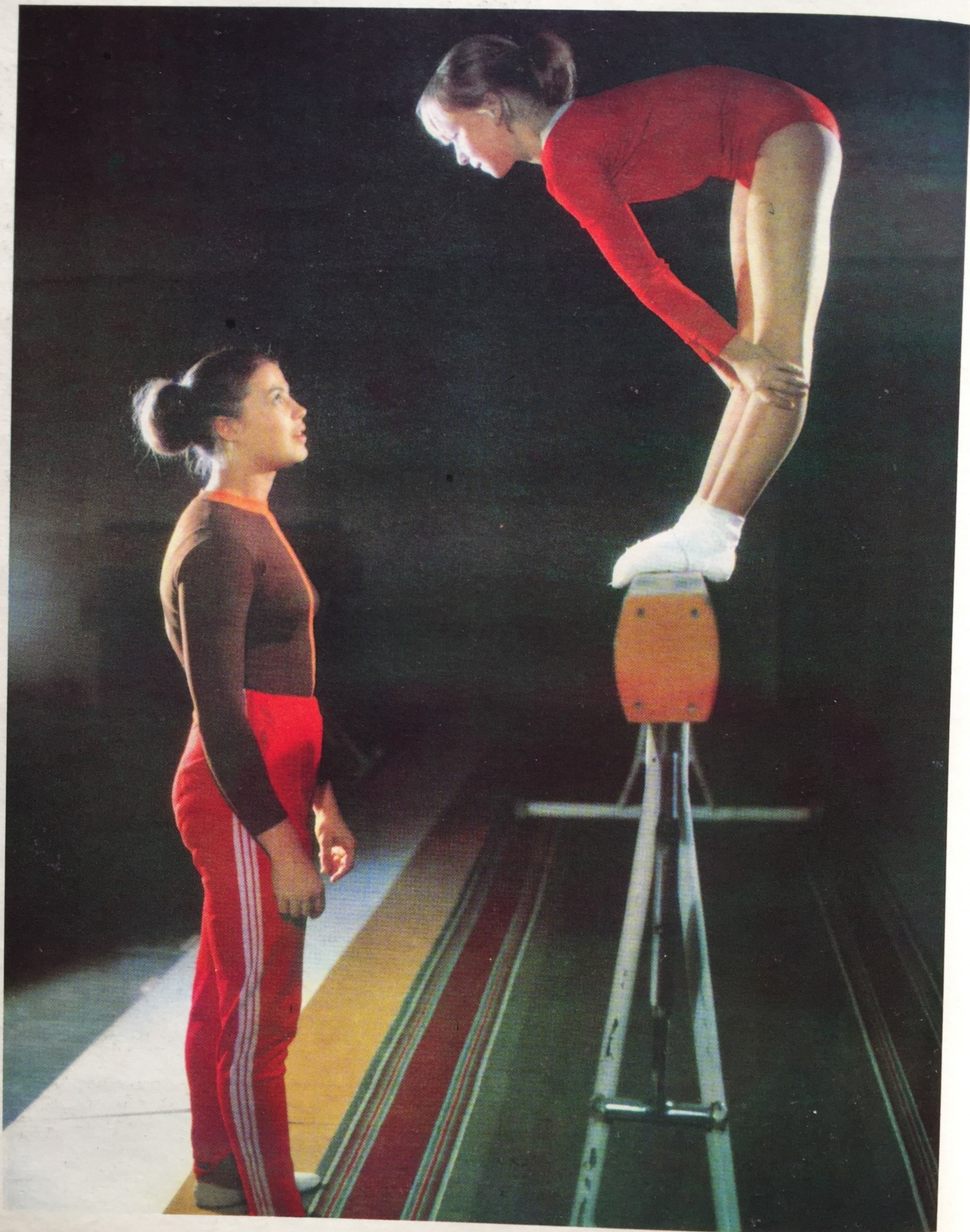

...В 1952, олимпийском году будущему чемпиону Михаилу Воронину было семь лет, и он гонял во дворе золотанный мяч. Он не помнил войны, но голодное время осенило и его серым крылом. Недавно я видел на помосте его тринадцатилетнего сына Диму — ладного, стройного, изящного, как в его годы отец. Он занимается в великолепном комплексе «Динамо», с детства видя свет,

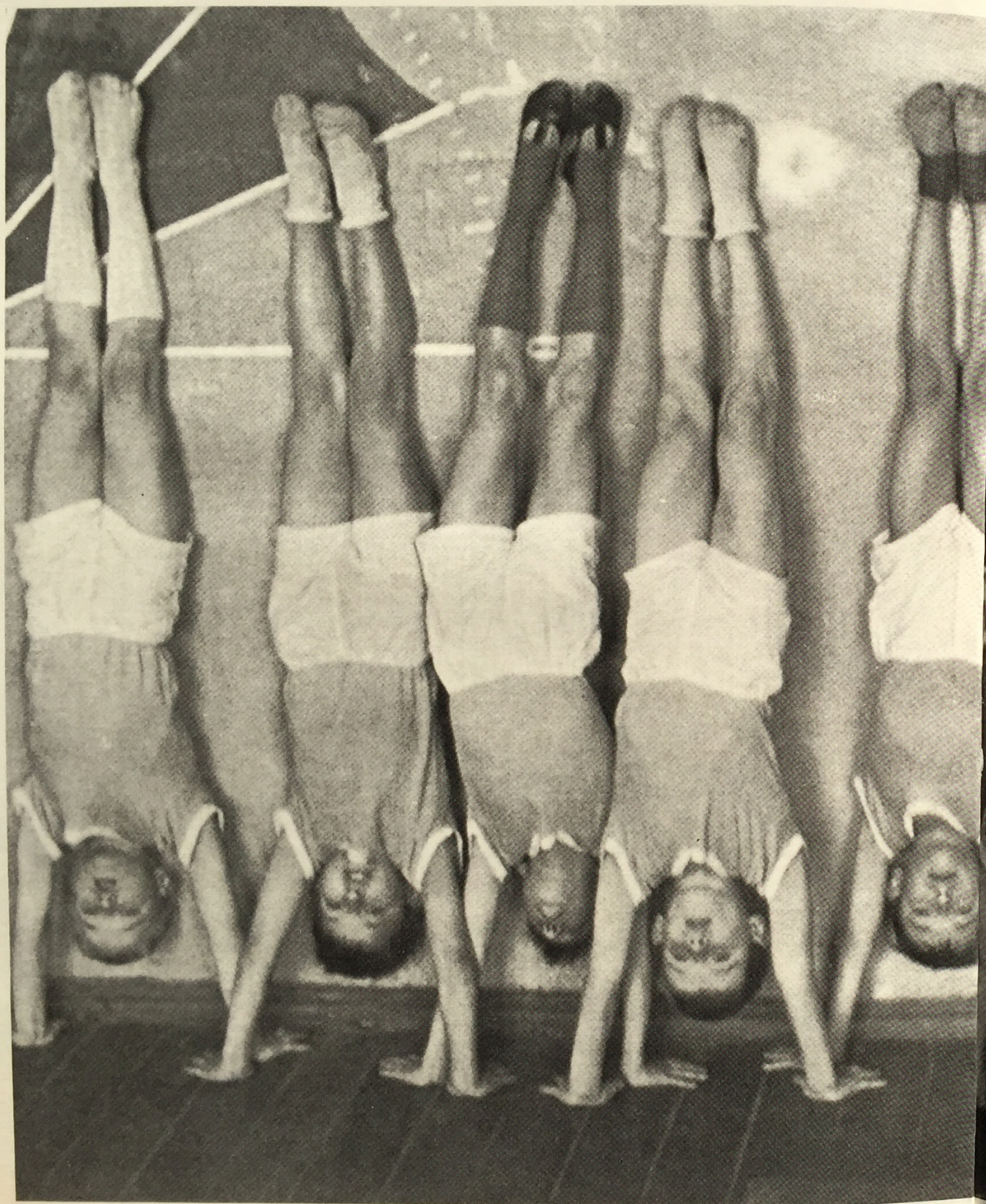
уют, тепло. Как все его сверстники и те, что моложе, — вроде щербатой «цуцухары».

Сказанное выше — чтобы они помнили, ибо им нести дальше трудную эстафету наших побед.

Formal

Борьба и победа

Борьба и победа

В эту короткую новеллу хочу уложить целую жизнь. Действие происходит в стройном серо-голубом городе, близ которого сражались некогда французские маршалы с прусскими, а теперь мирно стоят бок о бок, зеленея от патины, на пьедесталах. Во французском городе, похожем и на немецкий, и на голландский мельницами и каналами, вдоль которых гулял советник Гёте, любовался Страсбургским собором и кушал страсбургский пирог.

Здесь, в Страсбурге, сражается сегодня за победу Андрианов Николай двадцати шести лет.

До чего же этот курносый много причинил волнений друзьям, поклонникам, тренеру, создавая себе трудности, чтобы потом доблестно их преодолевать! Отставать и догонять, похоже, любимое его занятие. Дебютируя на Олимпиаде в Мюнхене, он упал с коня и при этом был лучшим среди наших — четвертым.

На первенстве мира в Варне испортил соскок с перекладины — простенькую обязательную разножку: «Думал, — потом говорил, — плечо поставил, а на самом деле не поставил». В вольных не дождал «спичаг» — детский элемент. А потом два дня вел отчаянную гонку за японцем Касамацу — едва не догнал — и остался вторым. А когда на Олимпиаде в Монреале ни разу нигде не ошибся, без разговоров вышел в абсолютные чемпионы. И в Страсбург приехал в этом качестве. Подтверждать приехал, доказывать.

Но в первый же день, в первом же подходе свалился с коня. Отмахал махи и перед соскоком подумал — в своем стиле: «Все, привет, я дома». И упал, чуть не черканув по кожаному крупу вздернутым носом. И как ни старался, выше пятого места в тот день и не достиг.

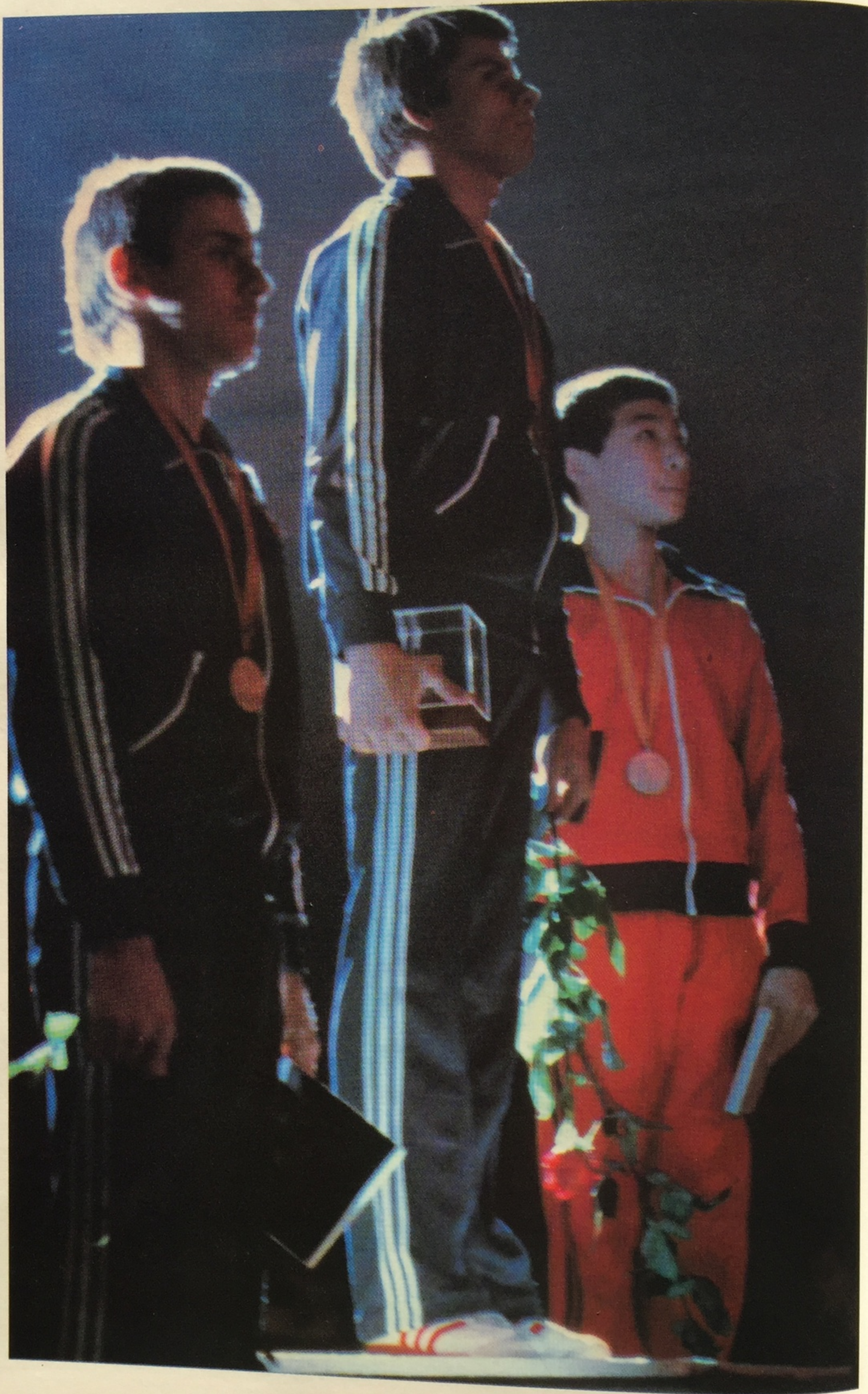
Во второй день поднапрягся — вышел в лидеры. Оставался третий,

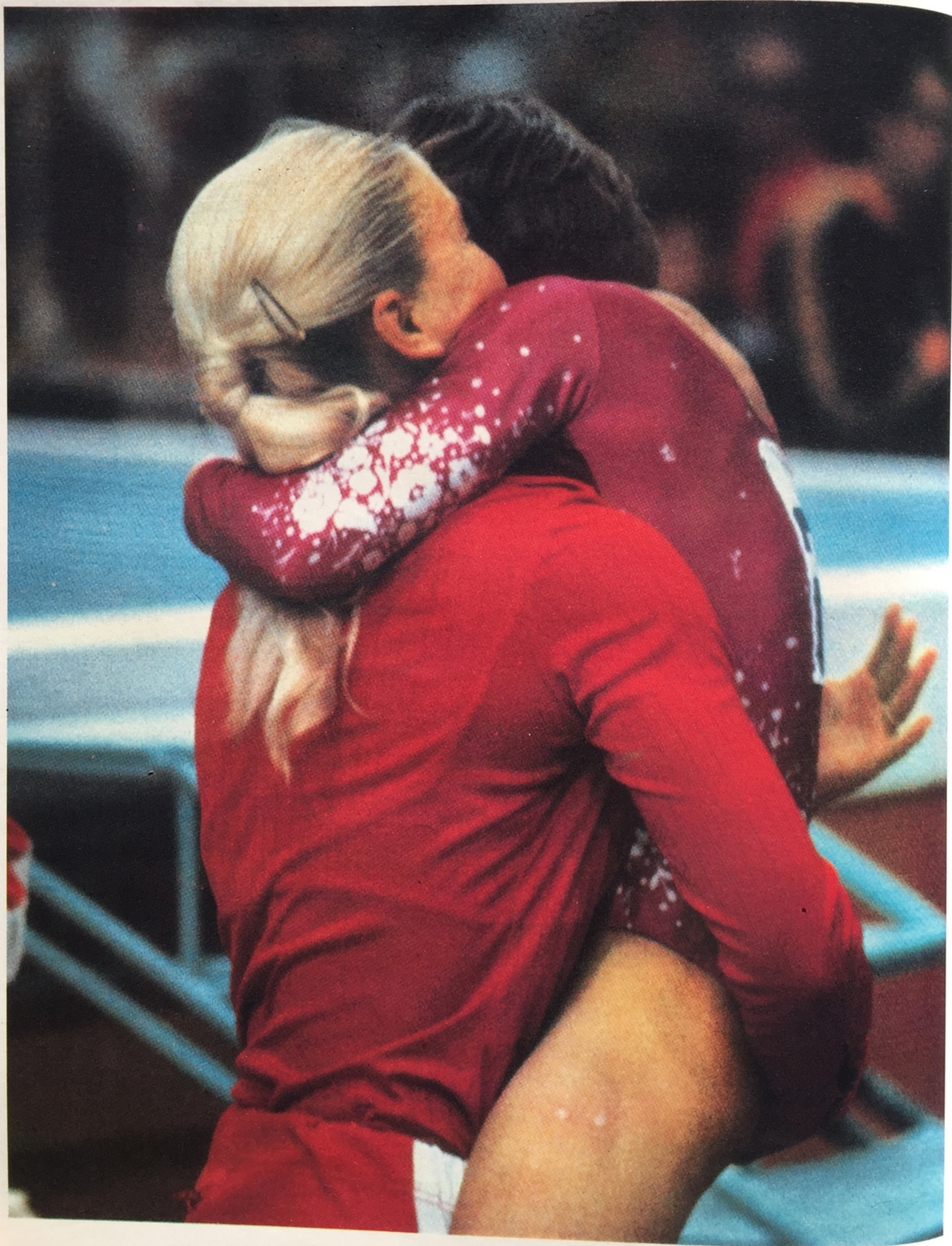
1981 год. «Юная москвичка Ольга Бичерова, не имевшая ни опыта, ни авторитета, на чемпионате Европы выступила неудачно — 23 место». «Советский спорт».

1981 год. «19-летний студент пединститута из г. Владимира Юрий Королев стал самым молодым в истории гимнастики абсолютным чемпионом мира». ТАСС.

1981 год. «Вдохновенная, радостная, Ольга Бичерова разбежалась и улетела еще дальше, а доскок получился наотменнейший. 10 баллов — и титул абсолютной чемпионки мира!» «Советский спорт».

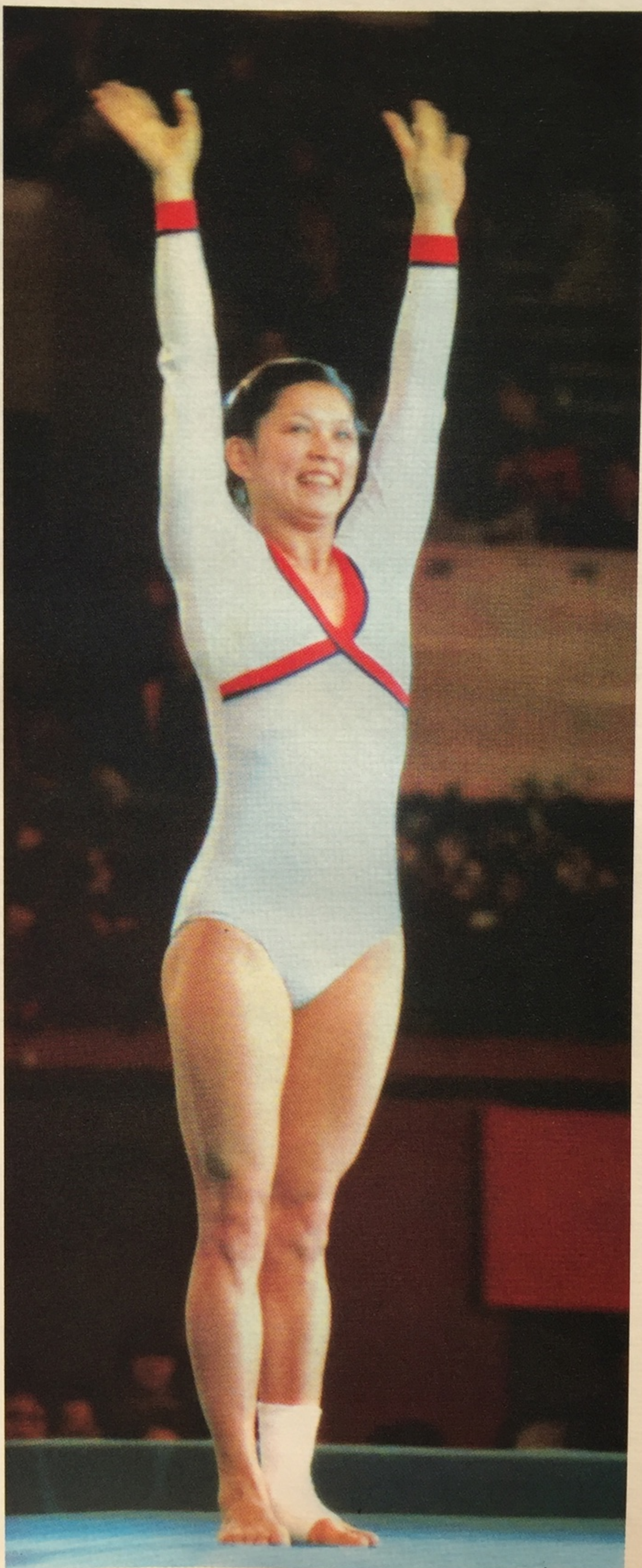

решающий. Совсем немного отставали японцы — чемпион мира-70 Эйдо Кенмоцу, крепыш с ражей шеей, о котором Николай говорил: «Он как лось», и рослый непроницаемый Сигеру Касамацу, чемпион-74.

Синеет ясный вечер, возле Дворца старухи цветочницы продают странные голубые гвоздики — того же цвета, что васильки, продаваемые другими старухами в родном Владимире у Золотых ворот. Выясняется, впрочем, что гвоздики для посинения ставят в чернила, и это Колю смешит.

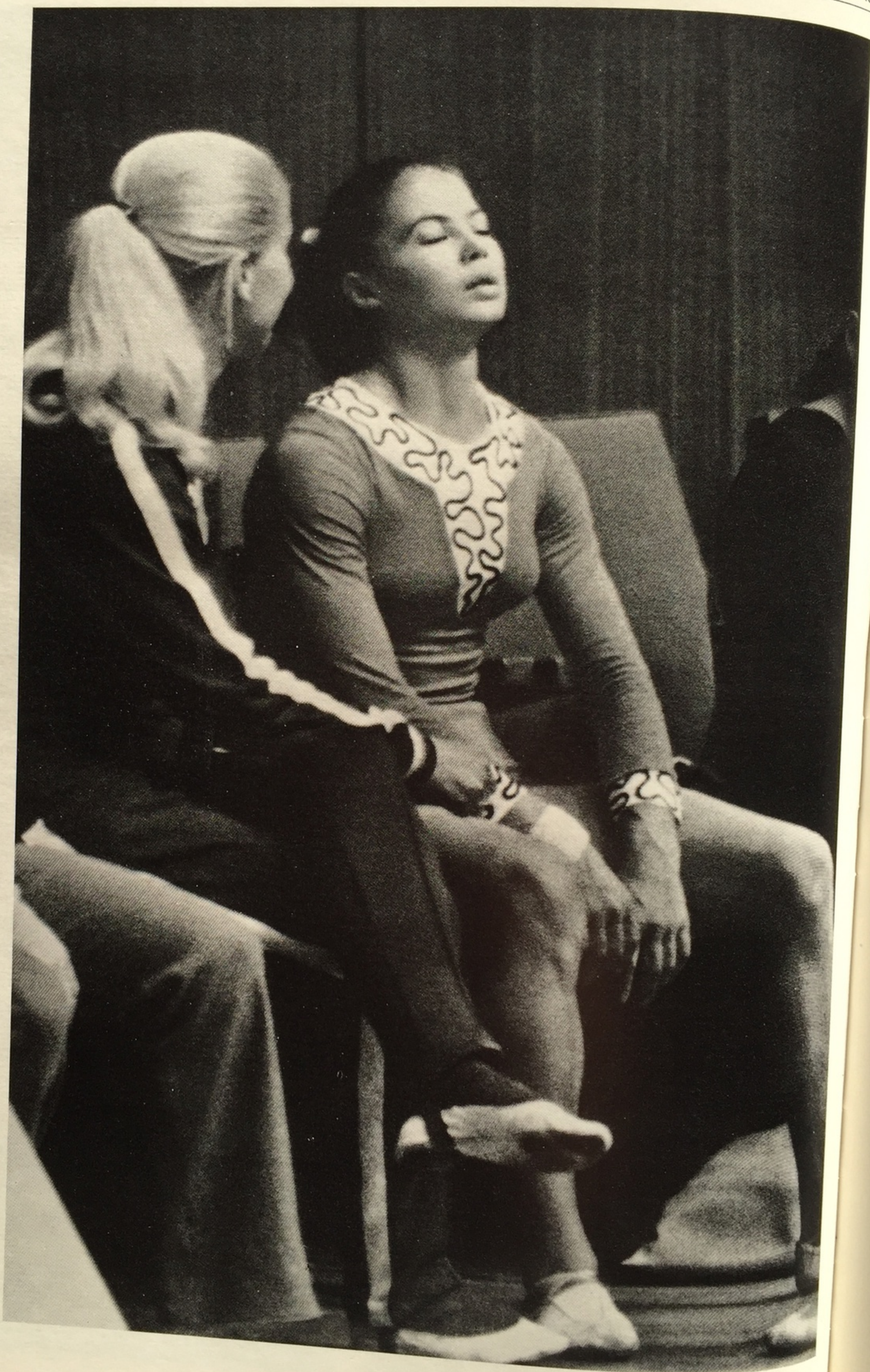
Он входит в зал, шум которого два дня назад его нервировал. Он говорит себе: «Николай Ефимыч, никакого шума нет, упрись и работай». Идя на разминку, украдкой гладит по боку коня: «Чтобы не брыкался».

Размялся полегче, опасаясь перенапрячься. Сам удивился, что совсем не отключен от окружающего, что

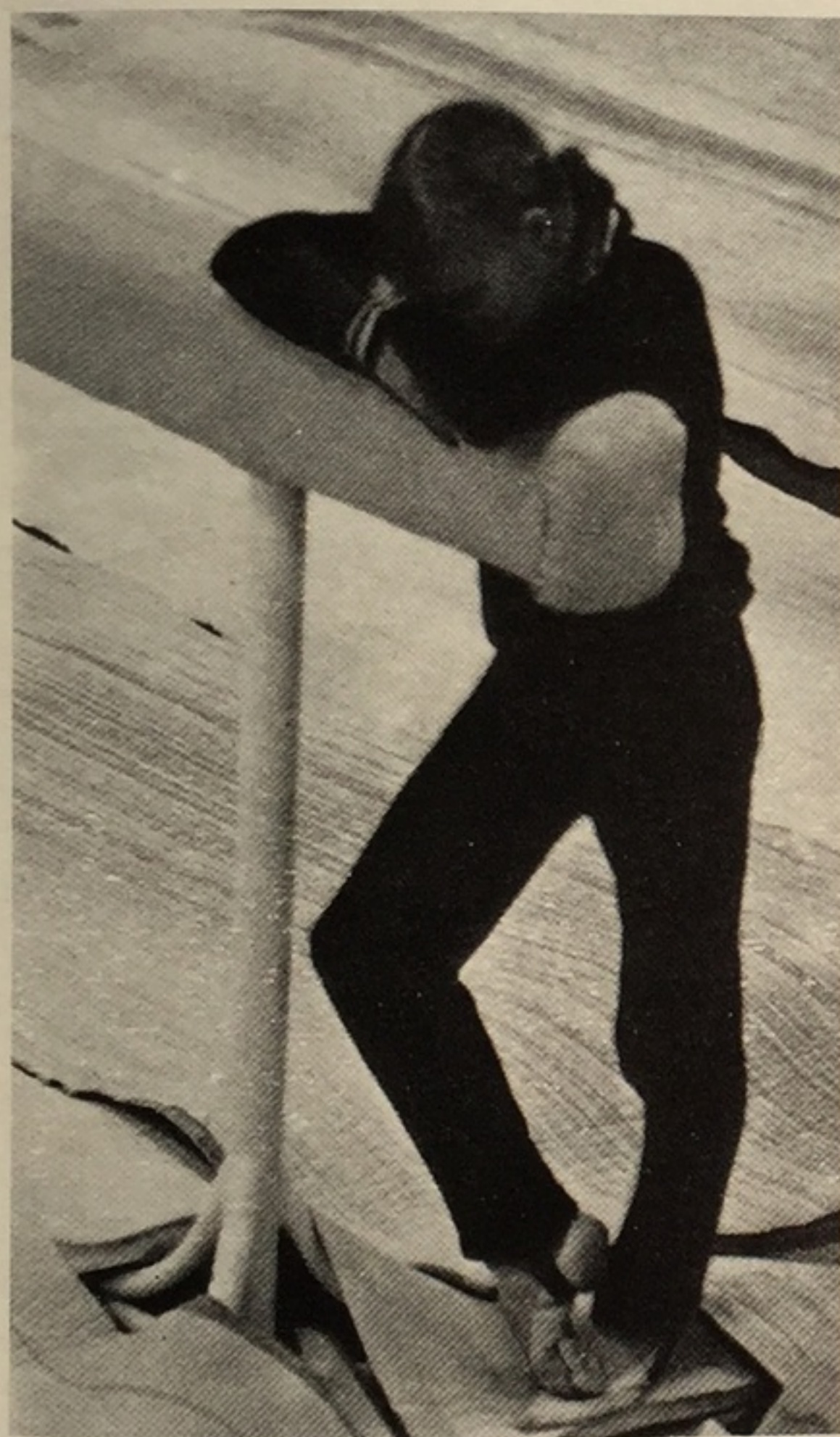

1982 год. «Самозабвенный труд не пропал даром. Ростовская студентка Наталья Юрченко на турнире «Московские новости» показала усложненную программу и заслуженно победила. Есть такая примета: если весной получится что-то хорошо, весь год удача не покинет тебя. Давайте поверим в эту добрую примету!» «Советский спорт».

1982 год. «Международный турнир «Рига-82» выиграла ростовчанка Наталья Юрченко». «Советский спорт».

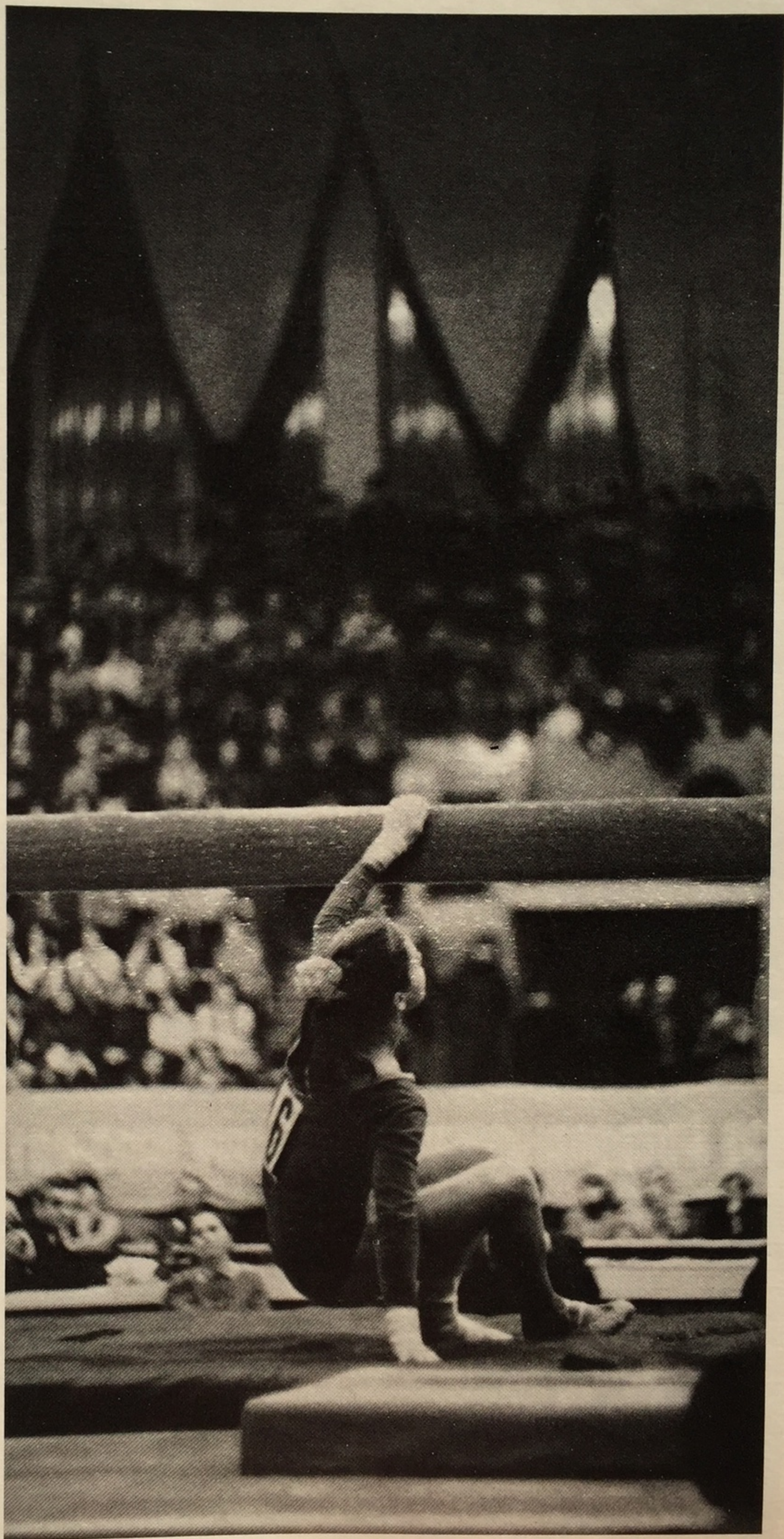

все
спор
назв
лал
реш
комб
соск
я ее
Я
нети
не по
завед
нейш
ти мь
комб
начал
выраж

все видит вокруг, и что ему так спокойно и весело. На прыжке, что называется, «врубил». И ручкой сделал публике. И пошел на брус, решив для надежности выбросить из комбинации «вертушку» — только о соскоке и думать. «А без «вертушки» я ее и во сне сделаю».

Яркая индивидуальность всегда нетипична, но этот просто ни на кого не похож. В гимнастике, например, заведено перед выходом внимательнейшим образом прокрутить в памяти мысленную запись предстоящей комбинации, а он вообразит себе начало и потом, по собственному выражению, «врубает автопилот».

1982 год. «Ленинград». Здесь окончились состязания на Кубок СССР по спортивной гимнастике. Впервые Кубок завоевала 17-летняя Наталья Юрченко («Динамо», Ростов-на-Дону)». ТАСС.

1982 год. «Звание чемпионки СССР впервые досталось студентке из Ростова-на-Дону Наталье Юрченко (тренер В. Растроцкий)». ТАСС.

1982 год. «Загреб. Две советских гимнастки — Ольга Бичерова из Москвы и Наталья Юрченко из Ростова-на-Дону — поделили победу на розыгрыше Кубка мира». ТАСС.

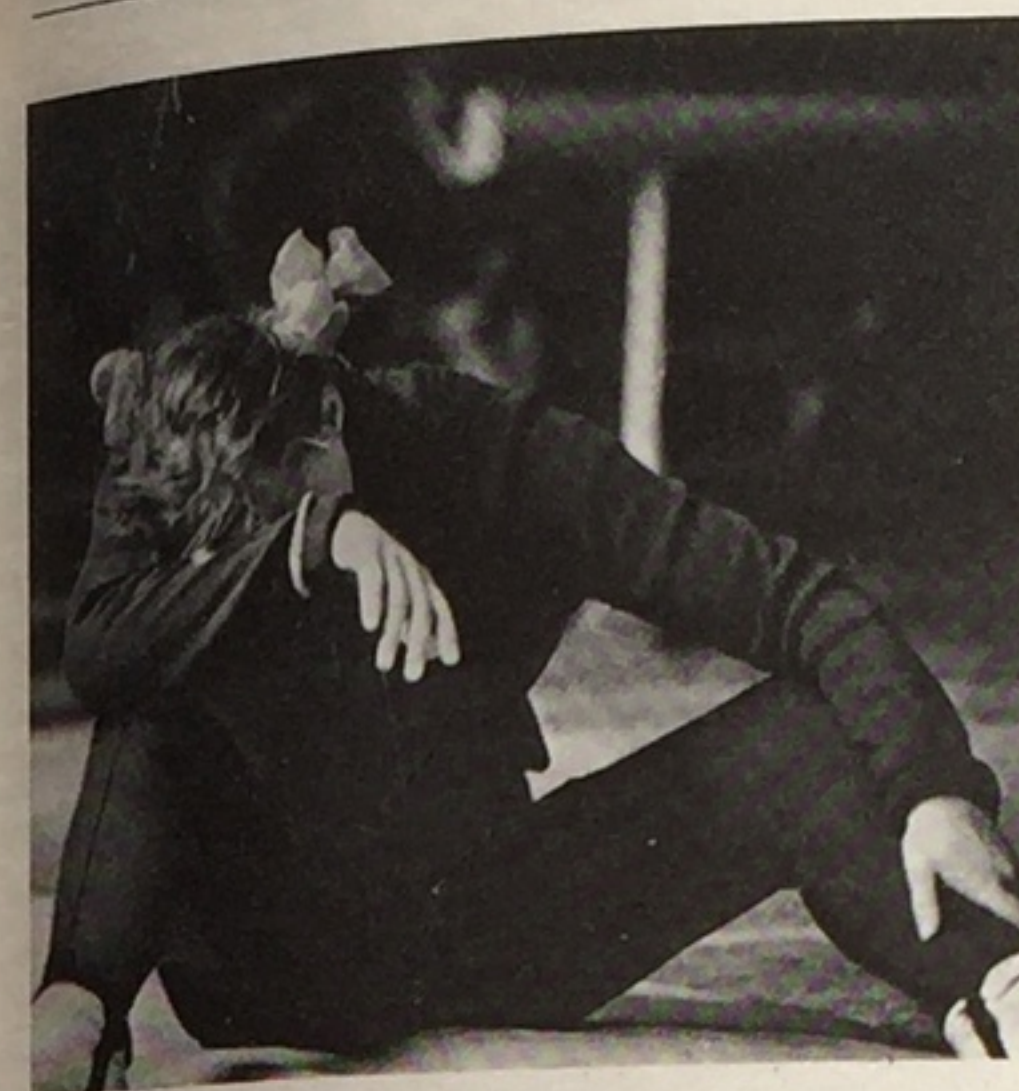
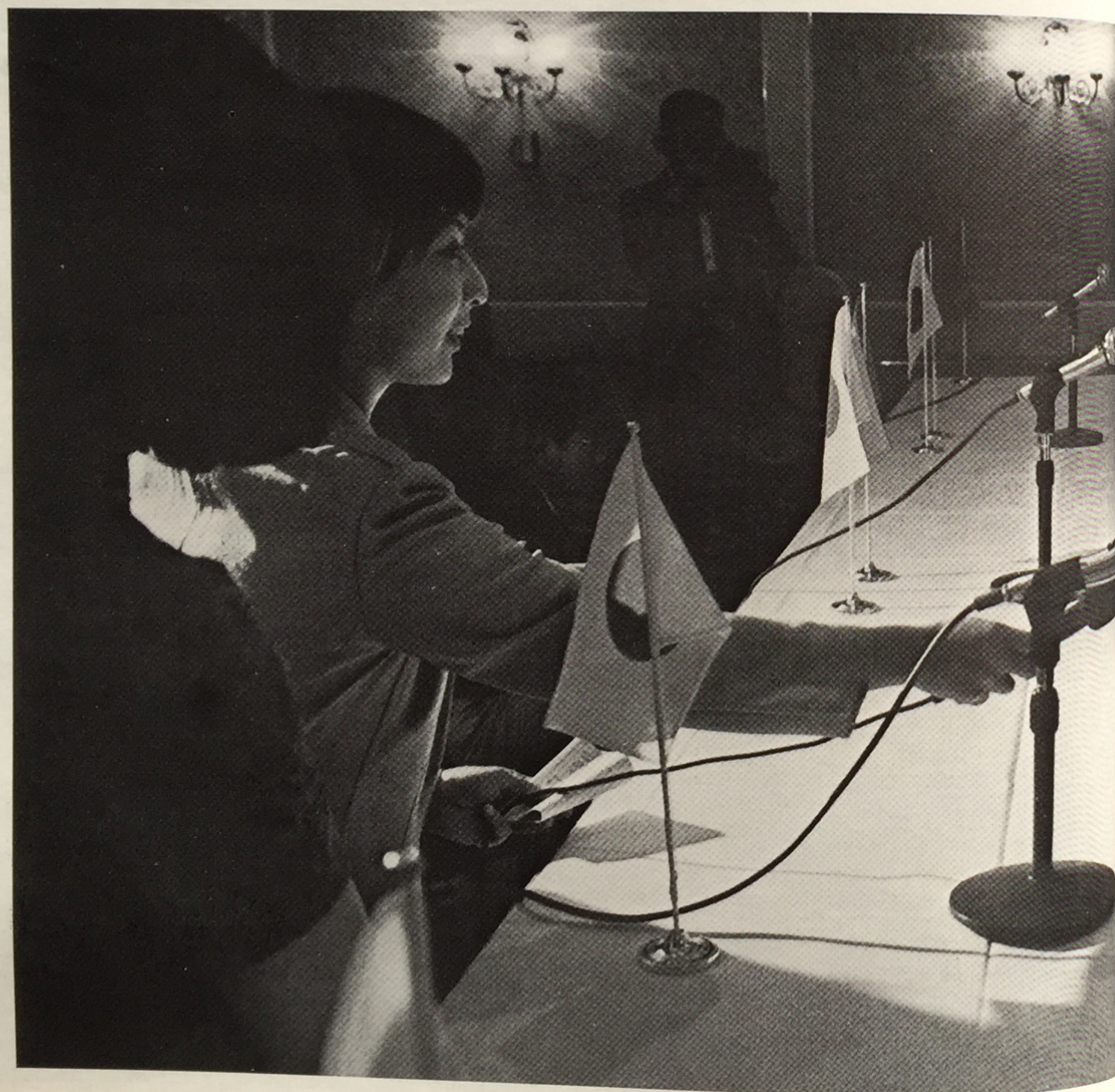
Помню его мальчиком — узкого и четкого, как складной ножик, и в глазах — то лукавство пацана по уличной кличке «Гаврош», грозы знаменитых владимирских вишневых садов, то наивность совершенная. Когда он впервые стартовал среди взрослых, кто-то с трибуны громко и ехидно заметил во время его выступления: «А спичага-то и не было», и это его сбило. Леонид Аркаев, ныне тренер сборной, тогда ему сказал, взрослый — мальчику: «Привыкай, мало ли что? Бывает, что «упади» кричат». «Так то ж, — он задохнулся, — небось, за границей?» Аркаев прыснул: «А ты заграничные языки знаешь?»

В детстве он, безотцовщина, жил в семье у своего тренера Николая Григорьевича Толкачева. Однажды явился с синяком — подрался. Другой пацан обозвал его приемышем. «Я знаю почему, — гордо сказал он. — Потому что я приемы классные знаю, ему со мной не совладать».

...Конь. По жребью ему выходить первым. Он просит Аркаева быстренько свести ручки снаряда. «Чтобы как только гонг отзвучит, я

уже за них держался. Чтобы сделать быстренько».

Закончил — все в норме. Подумал: «Так, теперь у меня кольца. Первый снаряд. Потом прыжок, брус, перекладина, вольные, конь...»

Вы недоумеваете? Но это у него такой секрет — воображать, что впереди вдвое больше снарядов, чем на самом деле. Чтобы не расслабиться.

Сел, погрузился в себя, пытаясь совладать с неизученным, но самым, может быть, важным видом многоборья, который условно можно именовать «переход от снаряда к снаряду».

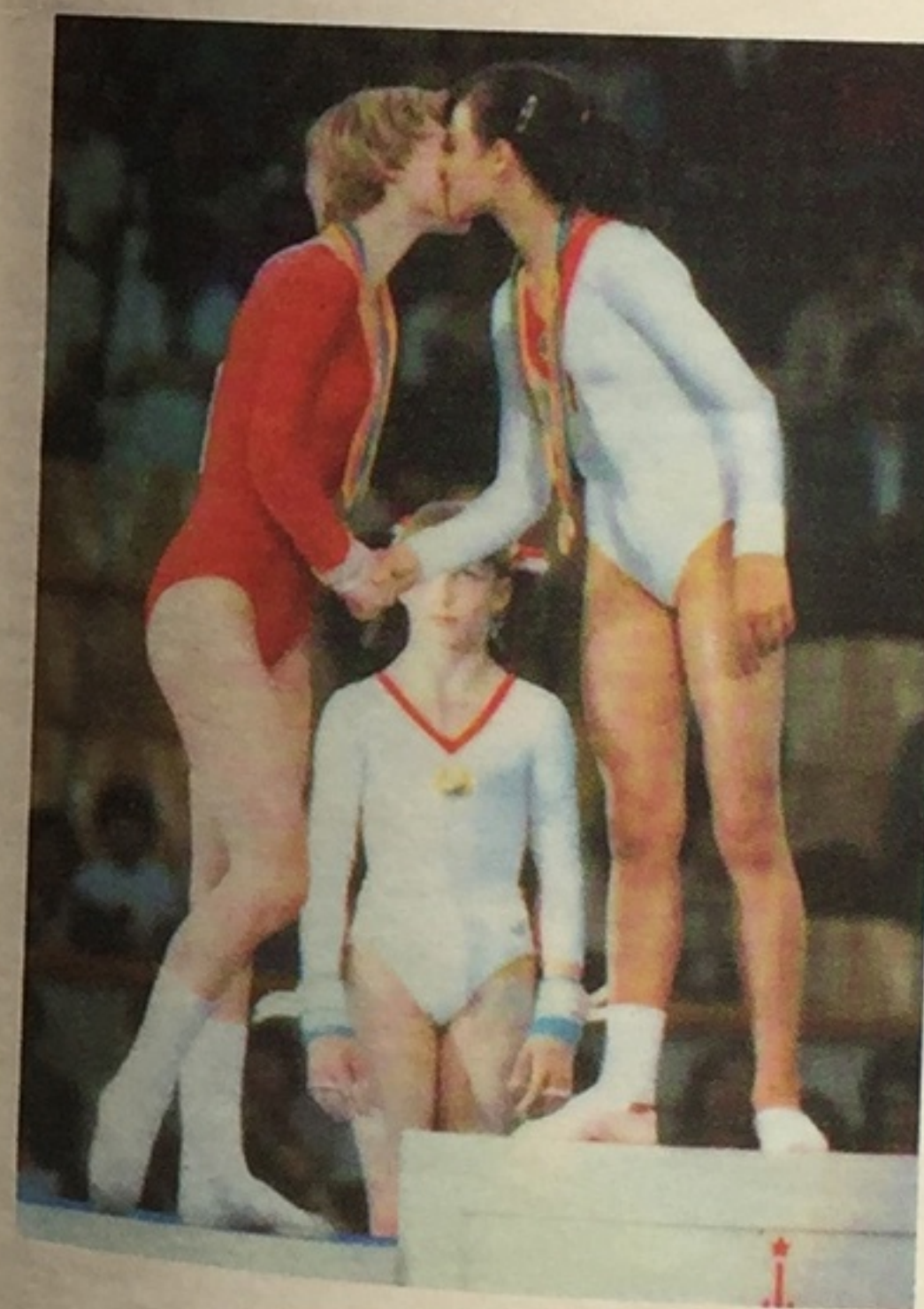
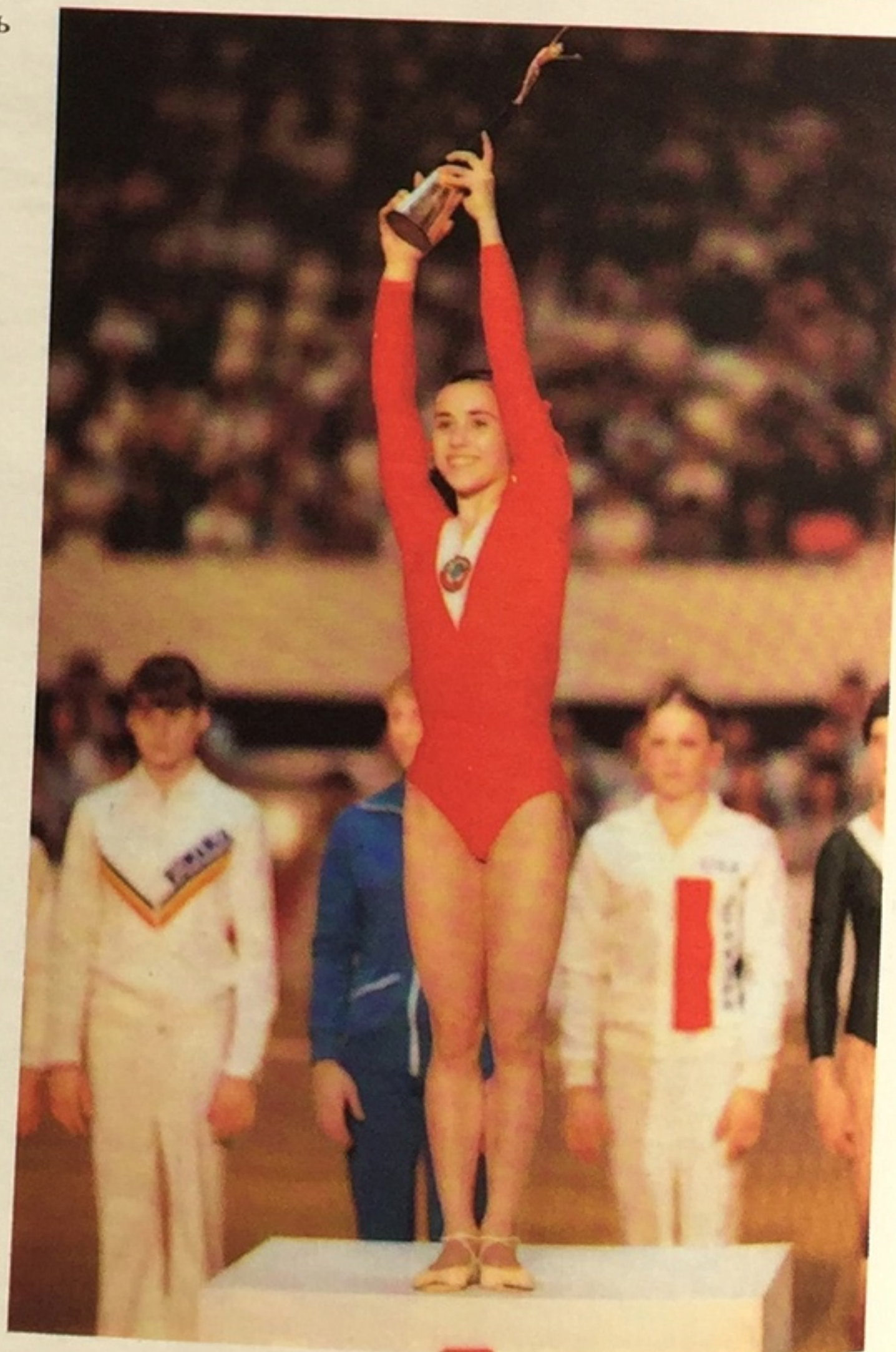
Гимнастика — это конгломерат видов, для успеха на которых нужен очень разный характер физической и психической деятельности — порой диаметрально противоположный. Ведь кольца и прыжок, следующие друг за другом, это все равно что штанга и спринтерский бег. И надо отключиться от одного, переключиться, перенастроиться на другой, и все в какие-то пять-десять минут.

Тут необходимо спокойствие Шахлина, сосредоточенность Туршечевой...

Колина же быстроглазая натура — шапку об пол, была не была. Потому и доставлял он всем и себе столько неприятностей.

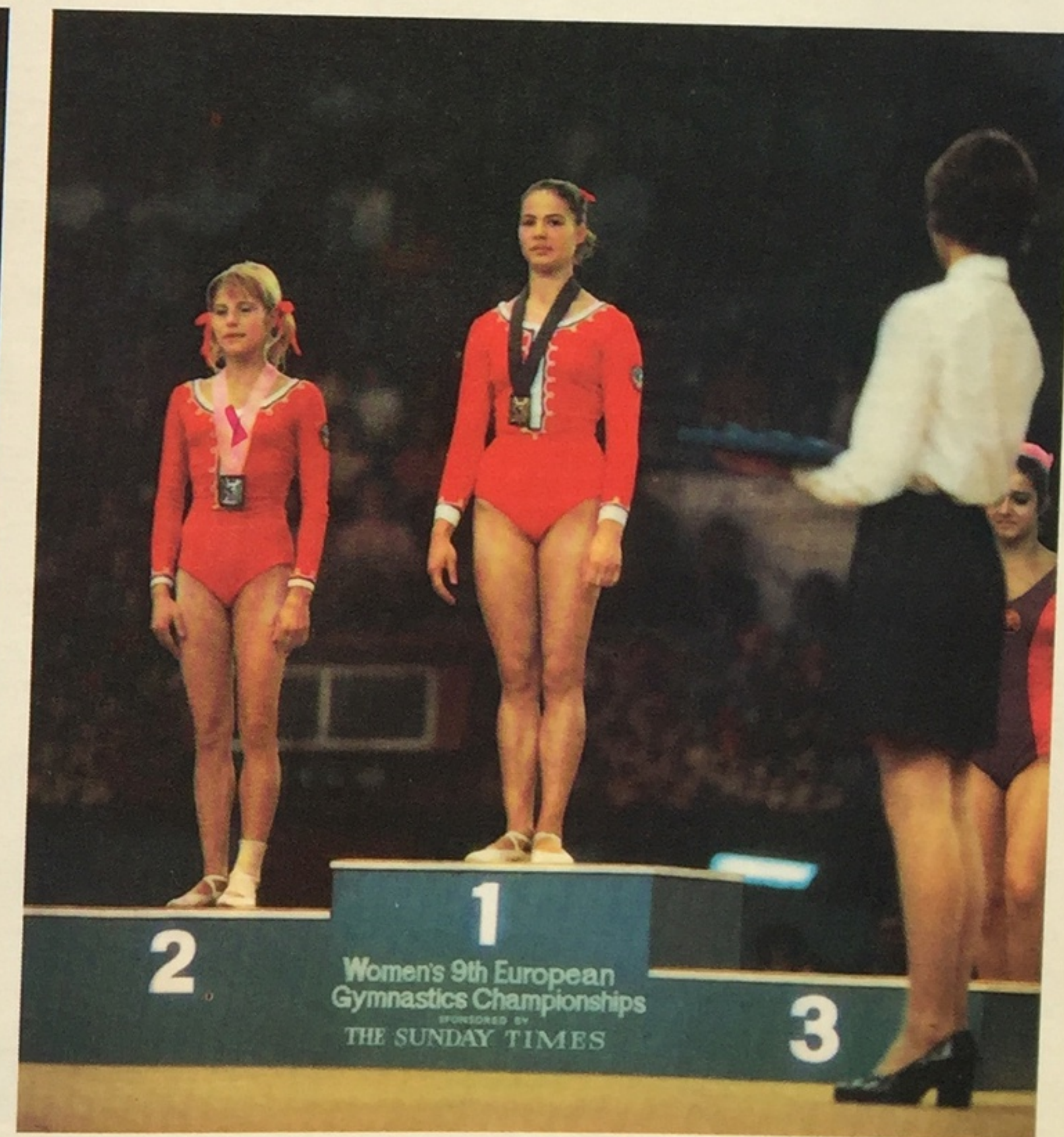
В этом его душа. Его крест.

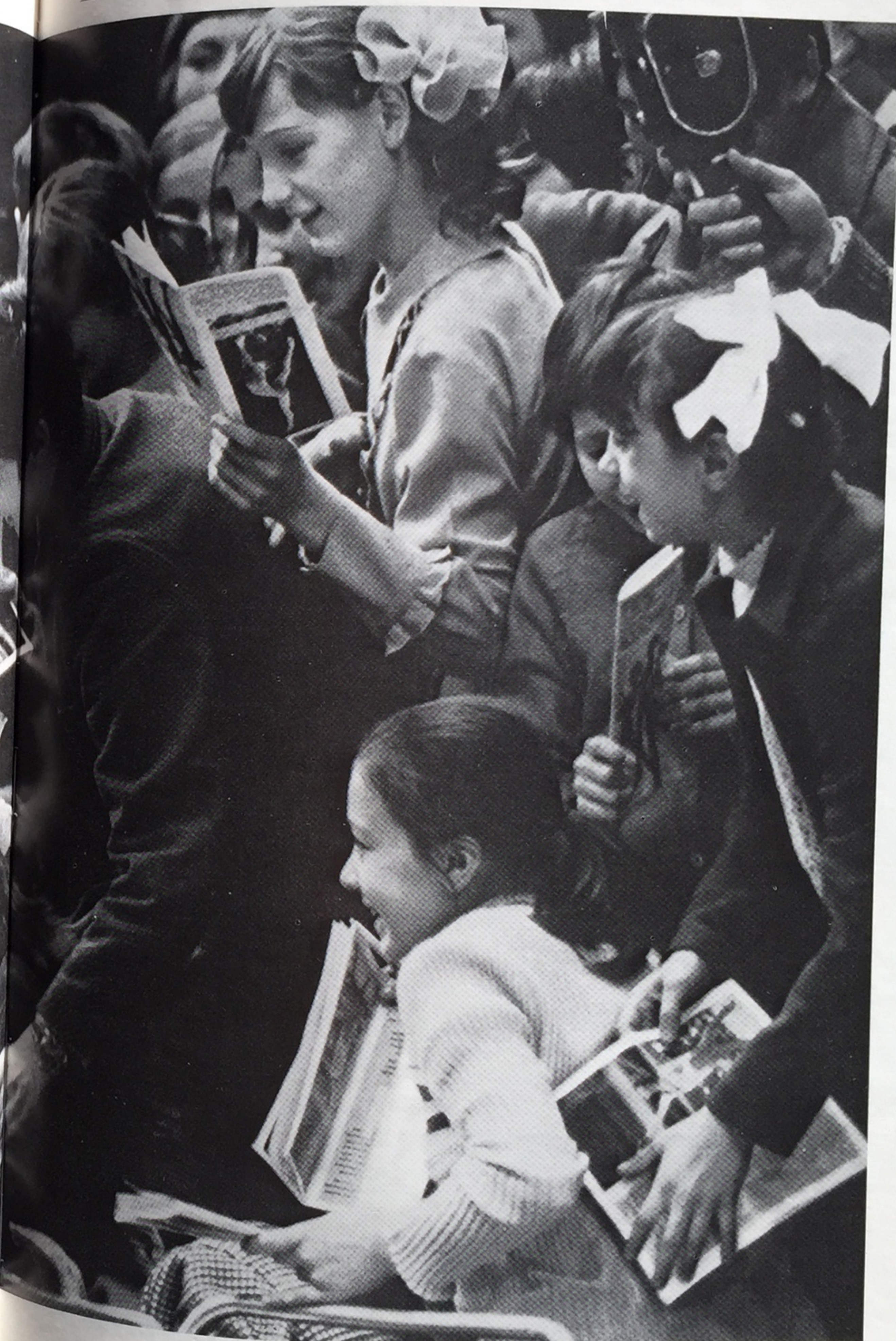
Но в этом и его знамя, его роль.

Задорный, бесстрашный, неунывающий, идущий вперед очертя голову, он был в нашей гимнастике горнистом, протрубившим атаку поколения, которое спустя двадцать лет одолело неодолимых японцев.

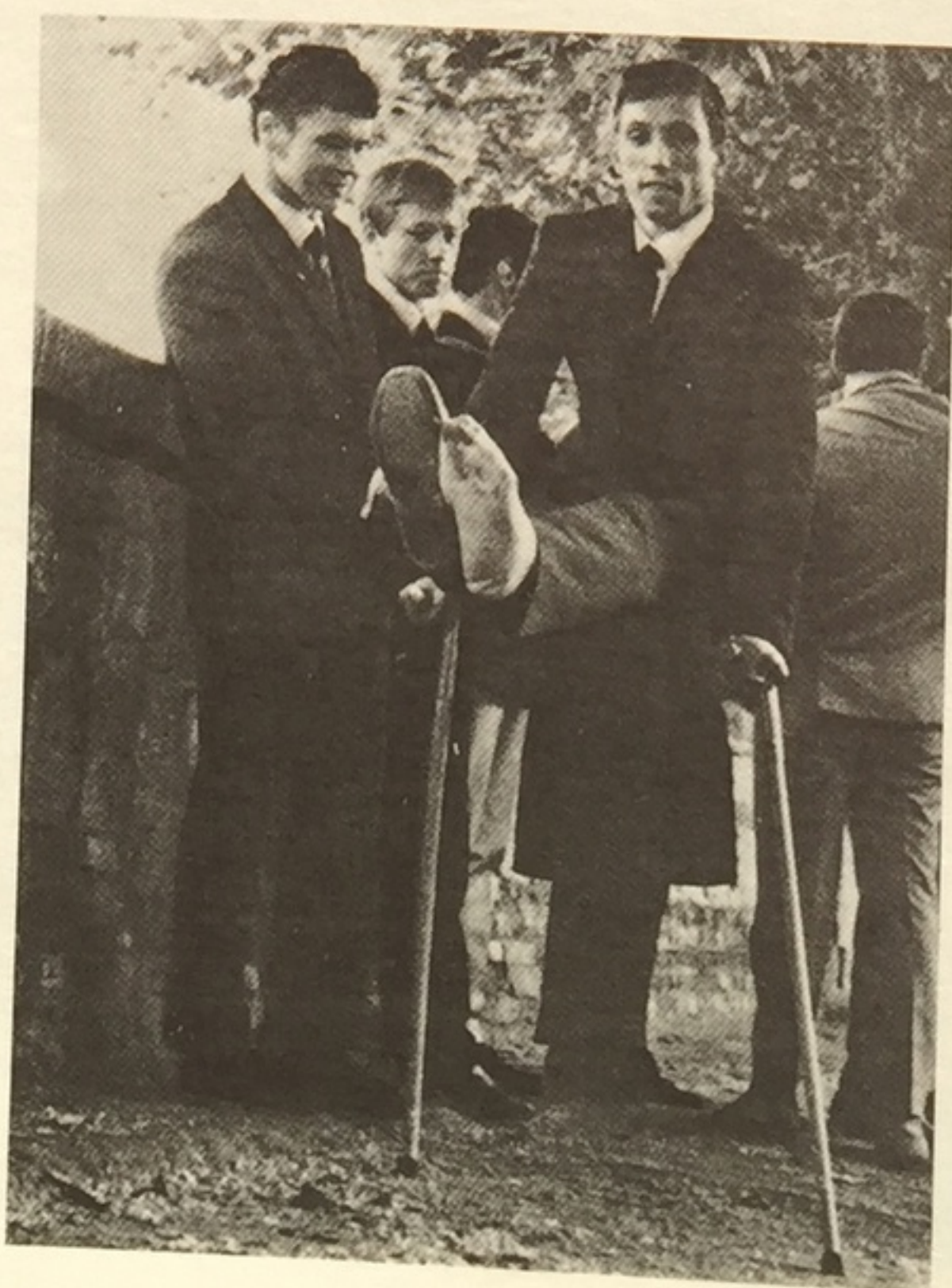
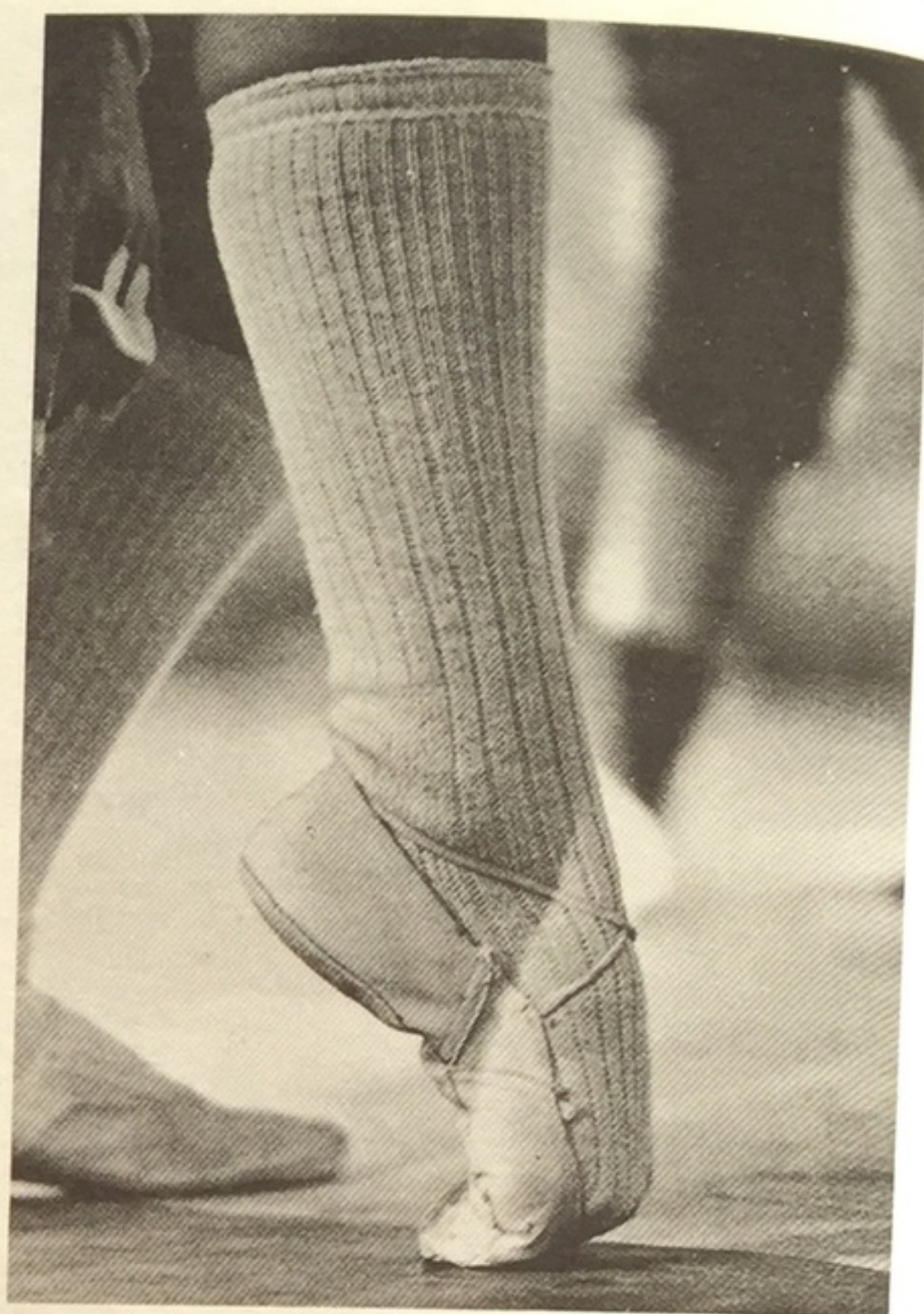
Я отвлекся от того, чем все кончилось в Страсбурге? Да чем кончилось — выиграл. Тогда — выиграл. Но впереди было еще одно первенство мира, еще

1982 год. «Анкара. Прекрасно выступил на первенстве Европы среди юношей, собравшем спортсменов из 22 стран, московский школьник Дмитрий Билозерцев. К титулу абсолютного победителя он прибавил еще шесть медалей, пять из которых — золотые». ТАСС.

1983 год. «Нью-Йорк. Львовский гимнаст Степан Марцинкив и Владимир Артемов из Владимира поделили в многоборье «серебро» на международном турнире за Кубок США. А победил хозяин состязаний — Питер Видмар». ТАСС.

одна Олимпиада, и на пьедестал как чемпион он уже не выходил.

Выходил — как капитан чемпионов.

Впрочем, сложенная из поражений и побед, такая жизнь — вся победа.

1983 год. «16-летний московский школьник Дмитрий Билозерчев, ученик армейского тренера Александра Александрова, стал десятым по счету и самым молодым в истории соревнований победителем международного гимнастического турнира на призы газеты «Московские новости». На втором и третьем местах также советские гимнасты — Степан Марцинкив и Владимир Артемов». «Советский спорт».

1983 год. «16-летний московский школьник Дмитрий Билозерчев стал абсолютным чемпионом Спартакиады народов СССР, самым молодым в истории отечественной гимнастики».

1983 год. «16-летний московский школьник Дмитрий Билозерцев здесь, в Будапеште, на первенстве мира по гимнастике, стал абсолютным чемпионом — самым молодым в истории мировой гимнастики. В командном первенстве мужская сборная СССР уступила 0,15 балла команде КНР. Среди женщин не было равных Наталье Юрченко и команде Советского Союза». «Советский спорт».

ГИМНАСТИКЕ

НЕМЦЕ

Попытка создать портретную галерею сильнейших наших мастеров наталкивается на сложность выбора. Руководствоваться ли титулами? Верен ли этот критерий? Но иные, ни разу не бывшие абсолютными чемпионами Европы, мира, олимпийских игр, запомнились больше, ибо сыграли более яркую роль, войдя, что называется, в легенды,— Кучинская, например, Корбут. Иные же просто благодаря нравственным качествам создавали климат сборной страны, помогая ей побеждать.

В пору, когда блистала Латынина, рядом с ней неизменно сиял тихий ровный свет Полины Астаховой, украинки, названной «русской березкой». Ее лирический почерк выражал глубину и задушевность натуры. Она больше всех из поколения была в команде — была для младших опорой, исповедницей. И ныне заслуги Полины Григорьевны как выводящего тренера, умение ободрить, успокоить, просто приласкать совсем юную спортсменку неоценимы. И в ту же пору — латынинскую — в нашем созвездии особенно были заметны таланты экспрессивной, нервной Тамары Маниной, упорной, самоотверженной в работе Софьи Муратовой, изысканной и столь остроумно-язвительной в жизни Лидии Ивановой...

А как нам представить конец 60-х годов без непостижимой, сверхчеловеческой природной грации Зинаиды Ворониной и ру-

мяного, бойкого, лукавого обаяния Ольги Карасевой?

В пору «после Турищевой» (о Людмиле я говорил и еще буду говорить) взошла звезда Нелли Ким. И долго побеждала и страдала, мужественно и убедительно одолевала вроде бы возникавшее недоверие к ней и собственные сомнения эта неукротимая воительница. А некий моральный мостик между поколениями проложила, тропу протоптала неутомимыми ножками маленькая Маша Филатова, неся в большом сердце добро и чистоту.

В мужской сборной мы видим плечом к плечу с Чукариным мягкого, тонкого, аристократичного по манере Валентина Муратова. Рядом с Шахлиным и Титовым — Валерия Кердемелиди, красивого, как герой классической драмы, и велеречиво остроумного, как герой классической комедии. Чуть раньше Воронина встал в строй Сергей Диомидов, чья скромность не может заслонить от нас заслуг новатора, обогатившего золотой фонд мировой гимнастики. А чуть позже — Виктор Клименко, неутомимый изобретатель, Кулибин помоста, которому материалом для экспериментов служило собственное тело...

В этой книге я старался упомянуть как можно больше имен. Но пусть простят неназванные — их мастерство, их радости и боли легли в фундамент побед, и, значит, все они — в памяти.

Вик

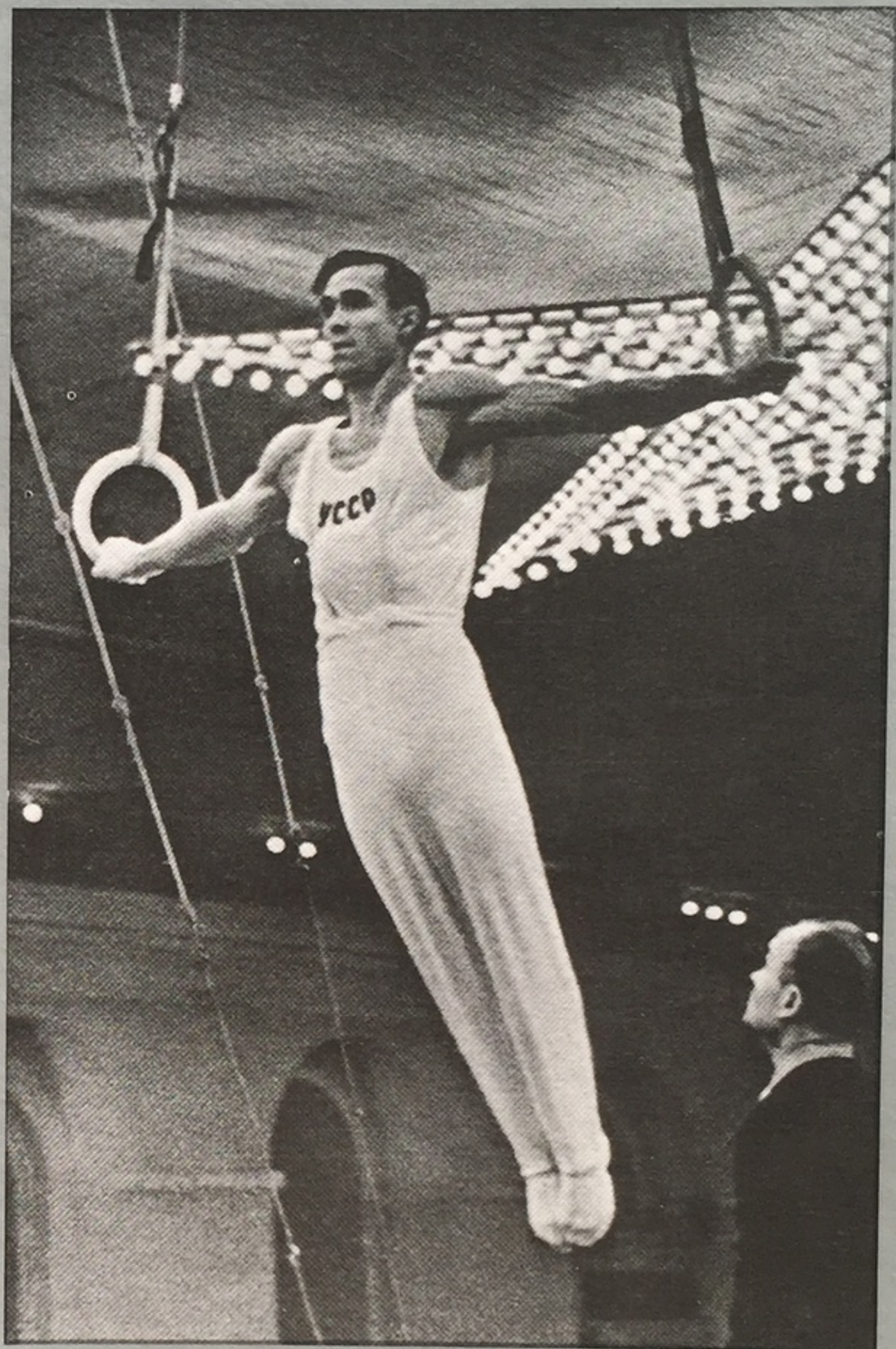
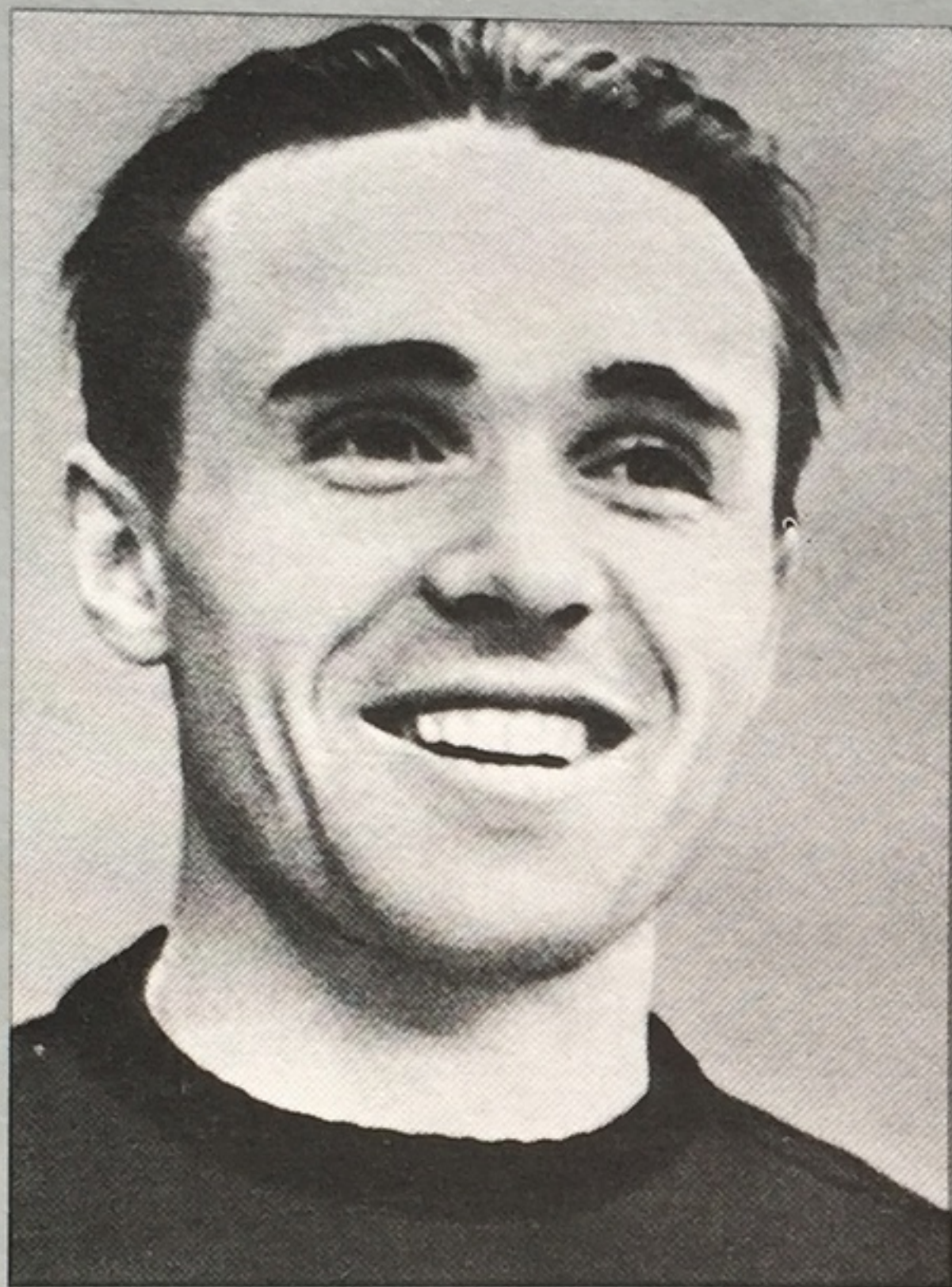
Абсолютный олимпийский чемпион 1956 г. Абсолютный чемпион 1954 г.

Он все р
нашему абсо
возглавлять
истории был
ем большего
В сороко
физкультуры
сорок перво
плен. Барак
куртка с ном
затолкали в
чудом спас а
уполь, верну
И после в
Чукарин поб
два года — на
спустя — на С
кое мозг отка
ся, понадобил
чтобы без ног
Седой чел
вет во Львов
мелькать в ло
тает тень. Но
собственное и
теля, стало пр
ию — вечным
ка: Чукарин.

Виктор Чукарин

Абсолютный
олимпийский
чемпион 1952 и
1956 гг.

Абсолютный
чемпион мира
1954 г.

Он все равно вошел бы в историю. Первому нашему абсолютному олимпийскому чемпиону дано возглавлять список лучших за все времена. Но истории было угодно сделать его жизнь воплощением большего подвига.

В сороковом году студент Киевского техникума физкультуры стал мастером спорта. В военном сорок первом — красноармейцем. Раненый, попал в плен. Барак на берегу Северного моря, полосатая куртка с номером 10491. В сорок пятом лагерников затолкали в трюм баржи и повезли топить. Их чудом спас английский сторожевик. Домой, в Мариуполь, вернулся живой скелет.

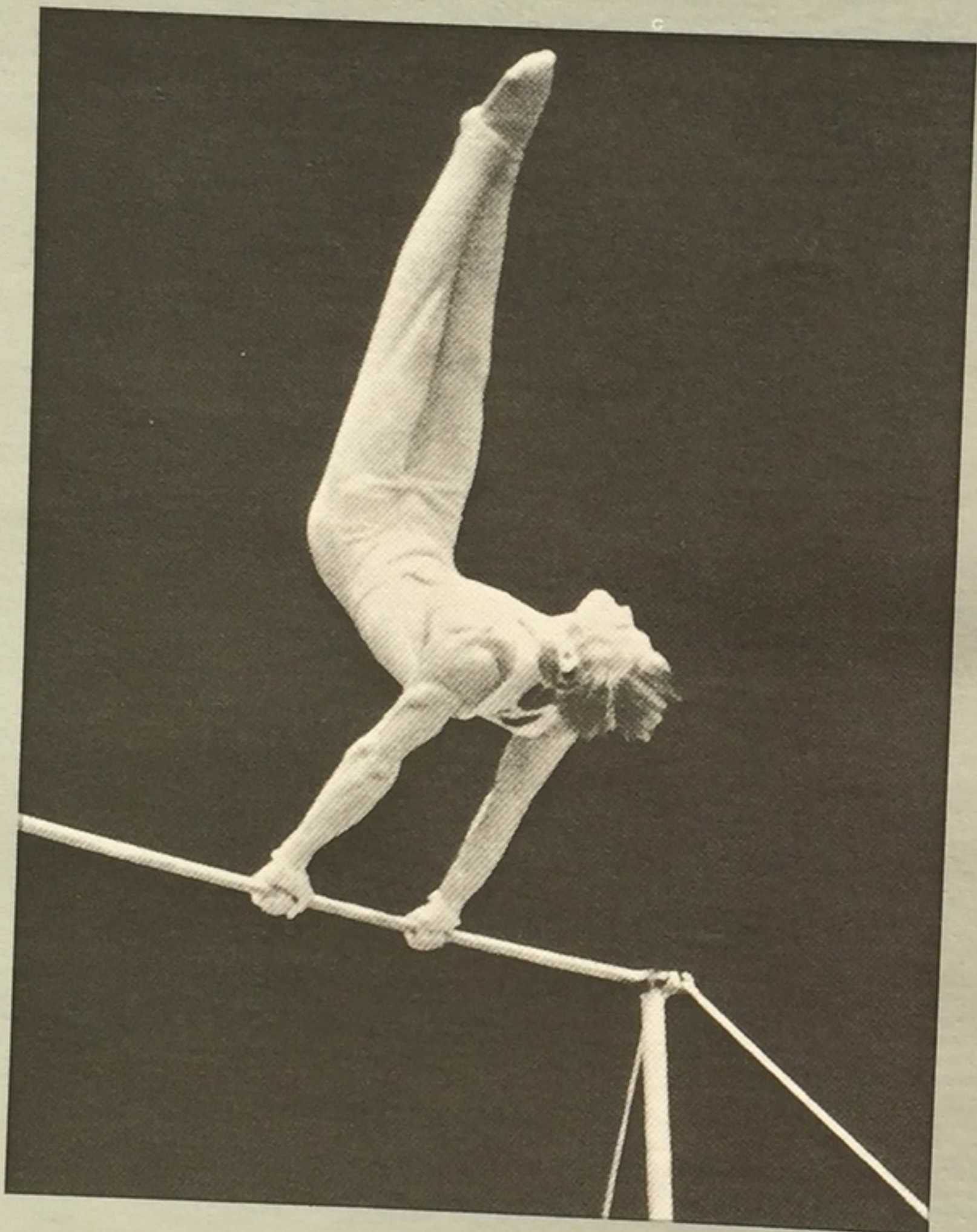
И после всего этого, в тридцать один год Чукарин победил на помосте в Хельсинки. Спустя два года — на первенстве мира в Риме. Еще два года спустя — на Олимпиаде в Мельбурне. Постичь такое мозг отказывается. Труда, чтобы этого добиться, понадобилось не меньше, чем Маресьеву — чтобы без ног водить самолет.

Седой человек по имени Виктор Иванович живет во Львове, преподает в инфизкульте. Не любит мелькать в ложах для почетных гостей, предпочитает тень. Но ему словно уже и не принадлежит его собственное имя, оно как бы отделилось от обладателя, стало примером мужества и укором малодушию — вечным, пока существует на свете гимнастика: Чукарин.

Борис Шахлин

Абсолютный
олимпийский
чемпион 1960 г.
Абсолютный
чемпион мира
1958 г.

Абсолютный
чемпион Европы
1955 г.

Отчетливо в памяти: он стоит у снаряда, склонив твердое литое лицо с продольными складками, лаконично врубленными в щеки. И косая пшеничная прядь на лбу тоже вроде бы из металла.

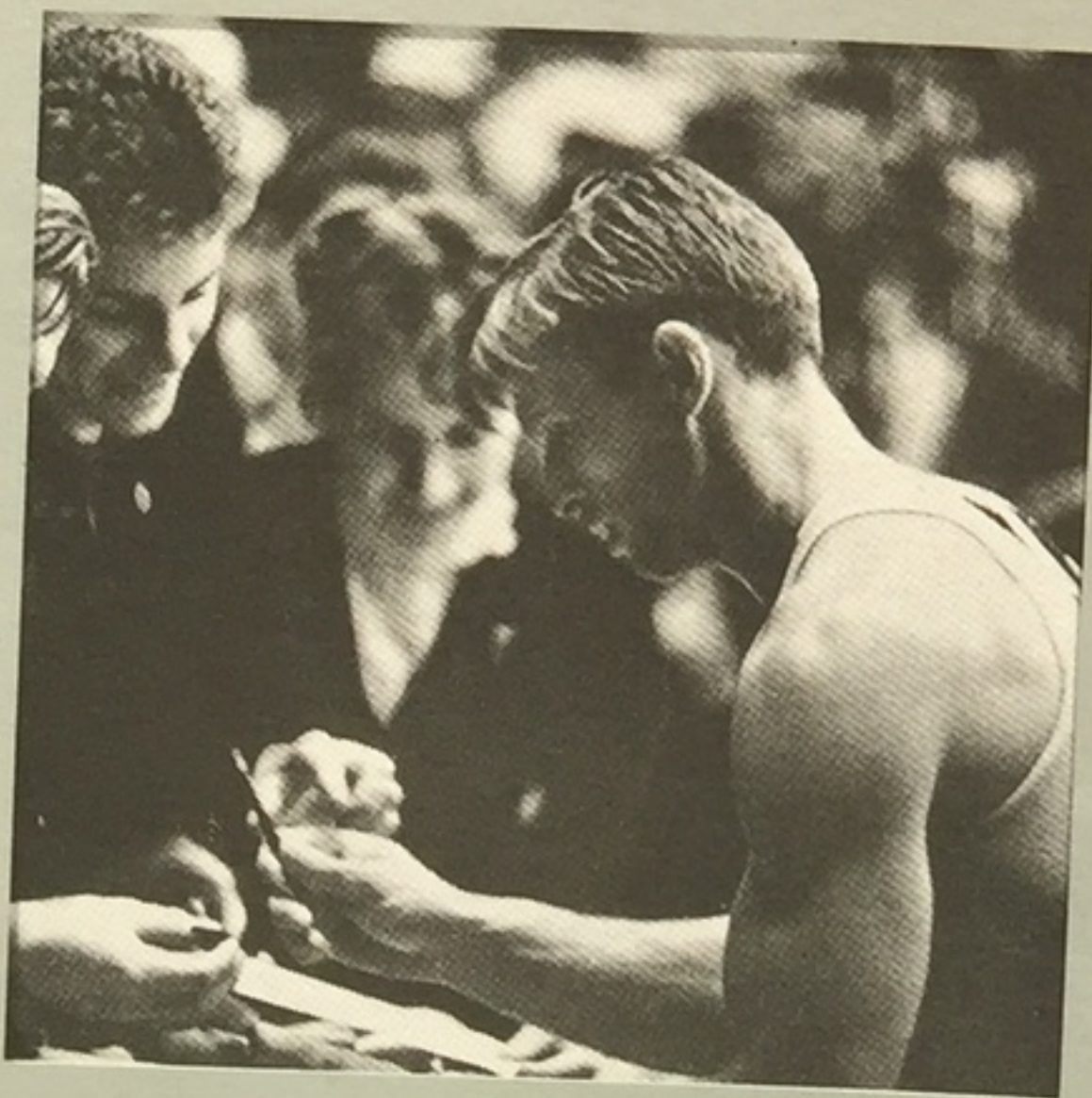
Лицо и фигура у него такие, какие любил избирать натурой Шадр, запечатлевая образы пролетариев-борцов.

Его звали «железным». Не больно изобретательное прозвище — и до, и после в «железных» ходили многие, но ни к кому оно не прилепилось надолго, а его только так и помнят — железный Шахлин.

Он стоит у снаряда, ничего не видя и не слыша, словно в прострации. Совершенное живое самопрограммирующее устройство. Гений самонастроения. В мозгу лишь то, что предстоит. Окружающего нет, есть снаряд и комбинация.

Даже не верится, когда встречаешь сейчас в компании Бориса Анфимовича, Борю, свойского, широкого, шутника и жизнелюба, что перед тобой тот Шахлин.

Но когда его видишь за пультом арбитра крупнейших турниров мира, погруженного в дело, для которого надо в миг разобрать по деталям и вновь собрать, и взвесить в уме, и оценить живое течение комбинации, когда закинута вверх то же сосредоточенное твердое лицо шадровой, мухинской лепки, то перед тобой железный Шахлин.

Сп
называ
Дел
любой

Лариса Латынина

Абсолютная
олимпийская
чемпионка 1956 и
1960 гг.

Абсолютная
чемпионка мира
1958 и 1962 гг.

Абсолютная
чемпионка Европы
1957 и 1961 гг.

Спортсменка до мозга костей. Спортсменка, что называется, милостью божьей.

Дело не в медалях, которых у нее больше, чем у любой другой гимнастки мира. Дело в ее характере.

«Гимнастический образ Латыниной воплощал в себе мажор, бодрость, жизнерадостность, победный оптимизм. Если хотите, ее прославленная улыбка не принадлежит только ей: она символ вечной молодости и вечного поступательного движения нашего спорта». Эти строчки я написал в день, когда ее провожали с помоста, поздней осенью 1966 года. Она включила их в автобиографическую книжку, как иное, восторженно сказанное о ней — без ложной скромности. В этом тоже характер.

Если бы об этом не было в книжке, мы бы и так догадались, что в двуединстве Одетта — Одиллия из гениального балета ей ближе по духу черный лебедь. Не потому, что воплощает зло, а что порывист, стремителен, полон сил, уверен в себе. В двуединстве, прославившем нашу гимнастику, Одеттой была Астахова, золотоволосое воплощение грациозной печали. Но недаром, когда однажды в жизни ей было суждено стать абсолютной олимпийской чемпионкой, она не выдержала единоборства с Латыниной — просто, кажется мне, властного волевого тока, излучаемого соперницей, не выдержала — и упала с бревна за шаг до победы.

Если бы об этом не было в книжке, мы бы и так догадались, что Латыниной мила коррида — не кровавостью, но праздничностью, тем, что каждый миг жизни на арене ее героя тореро сверх меры ярок и насыщен. Ей тоже претит умеренность.

Известен эпизод, когда аккомпаниатор сборной Евсей Веврик написал музыкальный этюд, а хореограф Феликс Морель поставил вольное упражнение по заказу Латыниной, выраженному лишь в одном жесте руки, вскинутой в некоем победоносном «Эвоэ». В этом тоже она. Упражнение она мне показала лет двадцать спустя, давно покинув спорт — в изысканном туалете была, как всегда, в туфельках на высоких каблуках, но я подзадорил, и она не выдержала, станцевала. И в этом она тоже.

Латынина во всем Латынина. А жизнь не всегда ее лелеяла — порой била, и больно. Только она никогда боли не выказывала: высоко несла вздернутый носик и нерушимую улыбку, подтянутая, общительная, светская, в курсе литературных и театральных дел.

Назло ветрам. Несдающаяся.

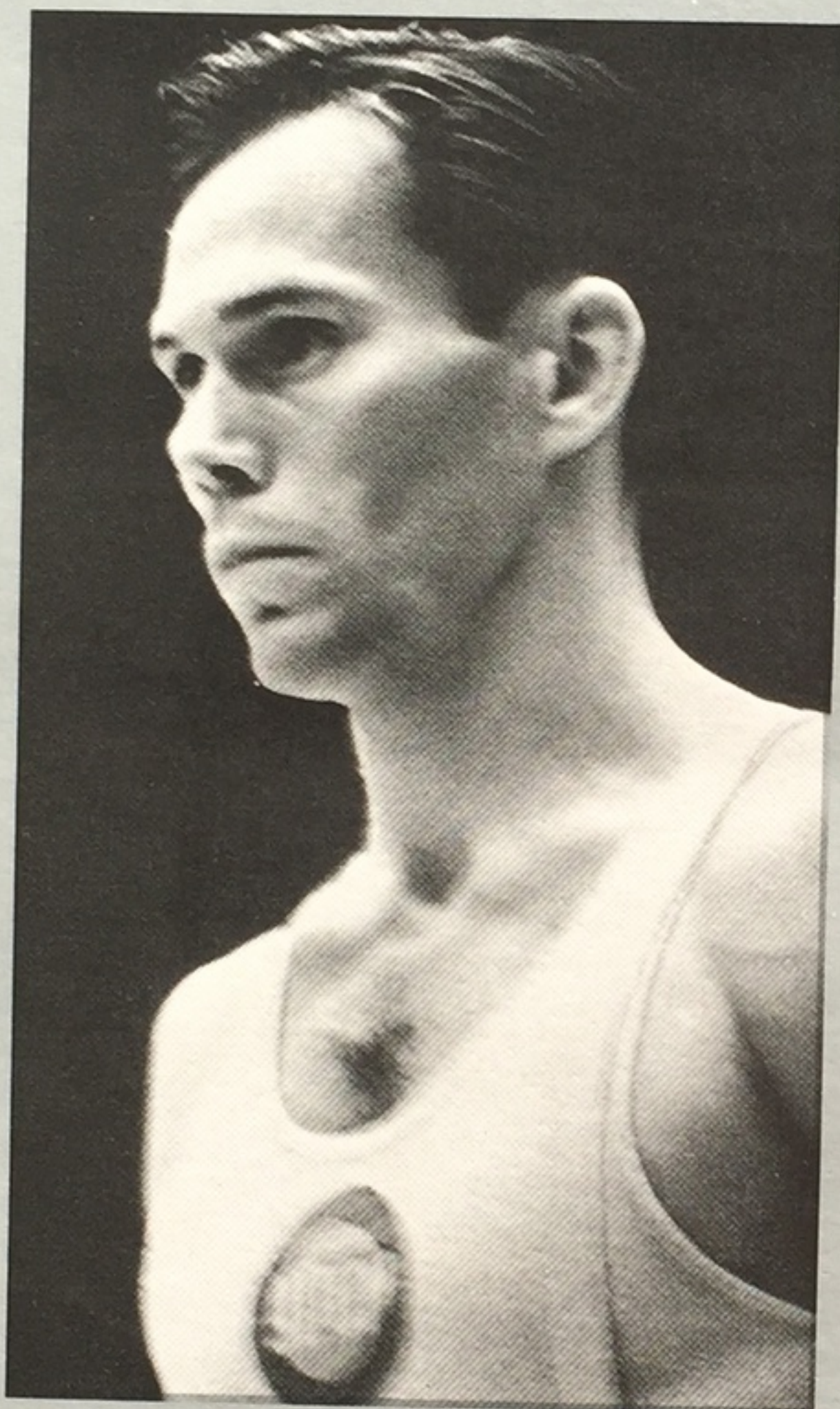
По-разному можно относиться к Ларисе Семеновне, к ее взглядам и поступкам.

Перед Латыниной нельзя не поклоняться.

Юрий Титов

Абсолютный
чемпион мира
1962 г.

Абсолютный
чемпион Европы
1959 г.

Не прошло и десяти лет, как Титов покинул помост и возглавил Международную федерацию гимнастики в качестве президента. На этом посту ему свойственны энергия и чувство нового, динамизм, стратегическая несгибаемость и тактическая гибкость, контактность и обаяние. Наблюдать, как он ведет заседания конгресса или пресс-конференции, интересно и приятно: реплики — что фехтовальные уколы, английский язык бесстрашно боек и остроумен — даже при не оксфордском произношении.

Черты зрелости прорастают из юности. В пятьдесят шестом на Спартакиаде народов СССР молодой украинский гимнаст Юра Титов упал с коня. Попросил вторую попытку. Но хлынул дождь, а дело было на открытой площадке, и все спрятались под козырек трибуны. Юра нервничал, никак не мог успокоиться. К нему подошел тренер команды Александр Семенович Мишаков, лукавый мудрец, которого уже тогда звали «дедом», и посоветовал: «А ты делай комбинацию и пой, и буде усе добре».

Идя на подход, Юра замурлыкал про себя какую-то мелодию, попал в ритм, и все пошло. Так и жизнь его в спорте стала песней.

Он готовился в том году к Олимпиаде, специалистам казалось, что он перебарщивает с нагрузками. Но он верил, что за кажущимся пределом — беспредельность сил. В Мельбурне недавний школьник, которому не успели вручить мастерский значок, стал третьим за Чукариным и Оно — титанами. И в нынешнем качестве он побуждает гимнастику шагать через пределы в беспредельность. Он помогает распространять сферу влияния на новые и новые страны и континенты, выполняя программу МОК «Олимпийская солидарность».

Когда он выступал в последний раз — в шестьдесят шестом на чемпионате мира — героиней была Кучинская. Иностранцы хотели взять у нее интервью — не нашлось переводчика. «Давайте я», —

сказал он, веря, что и это у него пойдет. До сих пор идет, как видим.

Недавно он избран вице-президентом Международной ассоциации федераций летних видов спорта. Бывалый советский спортивный дипломат и тут не подведет.

Наталья Кучинская

Чемпионка мира
1966 г.
Чемпионка
Олимпийских игр
1968 г.

Когда я думаю о ней, «печаль моя светла,— звучат во мне строки,— печаль моя полна тобою».

Она и сама любила стихи — признавалась, что, выступая на бревне, про себя декламировала Пушкина. Да простят пушкиноведы, если, перефразируя его гениальную мысль, я скажу, что из наслаждений жизни для Наташи одной гимнастике поэзия уступала, но и гимнастика была поэзией. И ясный, гармонический ее мир в сплетении клонящихся под ветром деревьев Летнего сада, целомудрии мраморных его статуй, перламутре белых ночей родного Ленинграда жаждал выразить себя движением.

Планета полюбила ее после одного простого эпизода. В 1966 году на мировом чемпионате в Дортмунде, когда разыгрывалось первенство на отдельных снарядах, она выиграла у абсолютной чемпионки — Веры Чаславской — сперва на брусках, потом на бревне. Медалистки пошли круг почета по залу. Счастливая Наташа мчалась вперед, а ее взрослая, гордая, уязвленная соперница нарочно слегка придержала шаг. Девочка летела одна, смешная, трогательная, зал начал смеяться этому, а она себя не помнила, пока не уткнулась лбом в стенку.

Обернулась, растерянная...

И пронзила сердца публики. Искренностью, трепетностью, восторгом, смущением.

«Большая ты актриса», — сказал ей потом Воронин. Но она не была актрисой. Никогда не была — ничего не играла, не изображала. Она предстала залу ребенком, своим для каждого. Ребенком с обнаженным сердцем. Люди смеялись, утирая слезы растроганности, кричали, тянулись к ней, бросая цветы, сувениры, какие-то брелоки и авторучки, лишь бы что-нибудь подарить, и рукоплескали стоя, в едином порыве, сделавшим их самих светлей и чище в этот миг любви.

Шквал популярности обрушился дома на Наташу. Почтальоны мешками несли ей письма. На улицах ей не давали прохода. Обрывали телефон, требуя встреч, выступлений, интервью по радио, по телевидению. Она растерялась. Все почему-то возжаждали распахнуть для себя ее душу, а она, таясь, сделалась нервной и замкнутой, и гимнастика стала не в радость. Ища эту потерянную радость, она заметалась подстреленной птицей из города в город, от тренера к тренеру, обижая наставников внезапной неблагодарностью расставаний и сама от этого казнясь.

Но в стране все равно не было никого сильнее. За ней стояла ее репутация: не она выигрывала — ей проигрывали.

На Олимпиаде в Мексике марьячес пели ей серенады, художники писали портреты, ее звали «невеста Мехико», а она печально ощущала, что это все предназначено не ей нынешней, а той, прежней, которую она не могла себе вернуть. Упав с брусев, сказала: «Так мне и надо».

Потом ее звезда скатилась с небосклона так незаметно, как когда-то ослепительно возшла.

Много-много лет спустя, уже став хореографом, она мне сказала:

— Я не знала какого-то секрета. Секрета владения собой. Распределения сил. Умеренности. Потому-то все так горько у меня получилось.

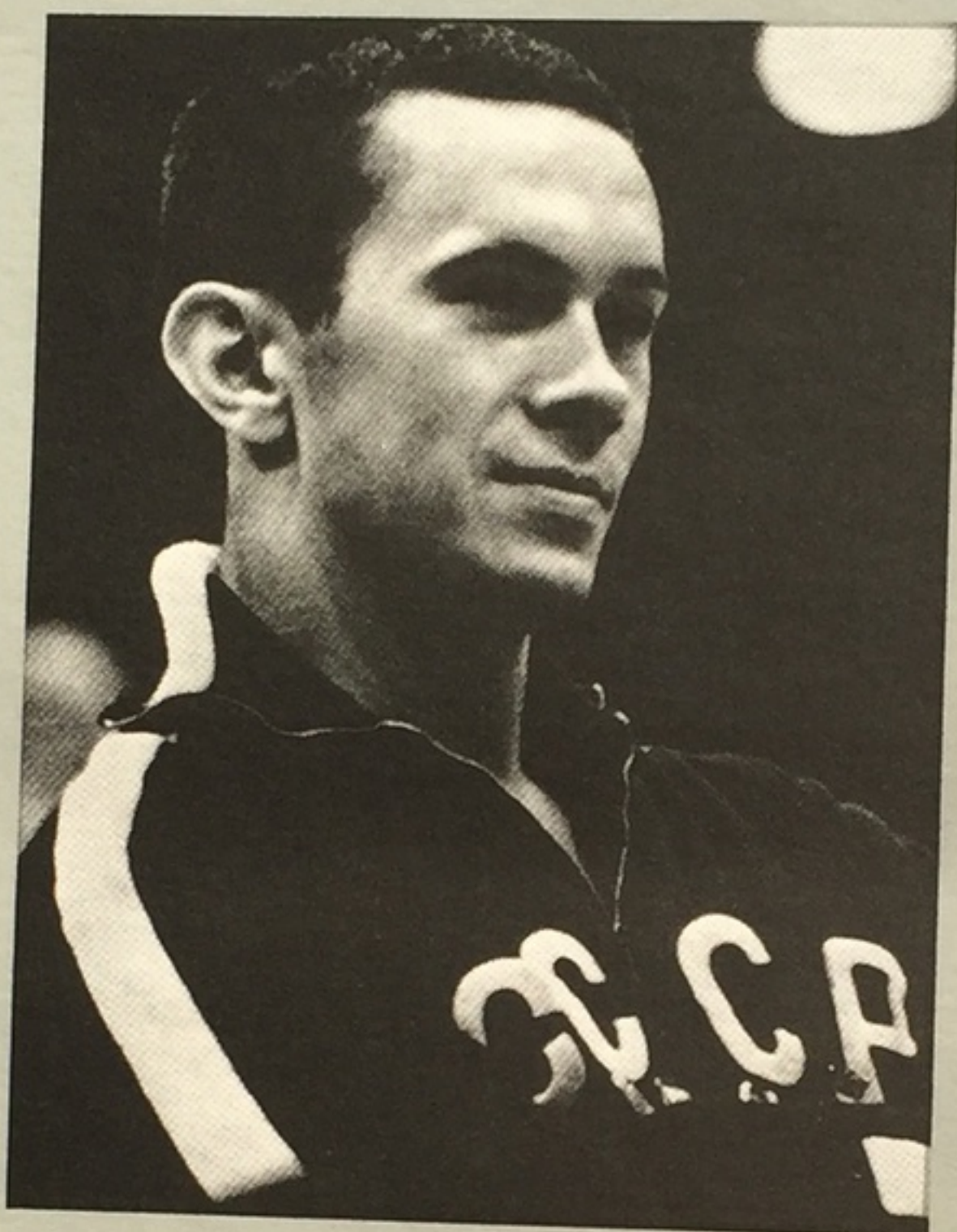
— Наверное, ты права, — ответил я. — Но, может быть, тот день в Дортмунде, тот миг восторга и очищения для тысяч людей стоил всех твоих страданий. Может, настал он потому, что короткую песню спела ты во весь голос, не щадя себя. Голос сорвался, но мелодия в душах по-прежнему звучит. Разве не так?

— Может быть, — задумчиво ответила она.

Михаил Воронин

Абсолютный
чемпион мира
1966 г.

Абсолютный
чемпион Европы
1967 и 1969 гг.

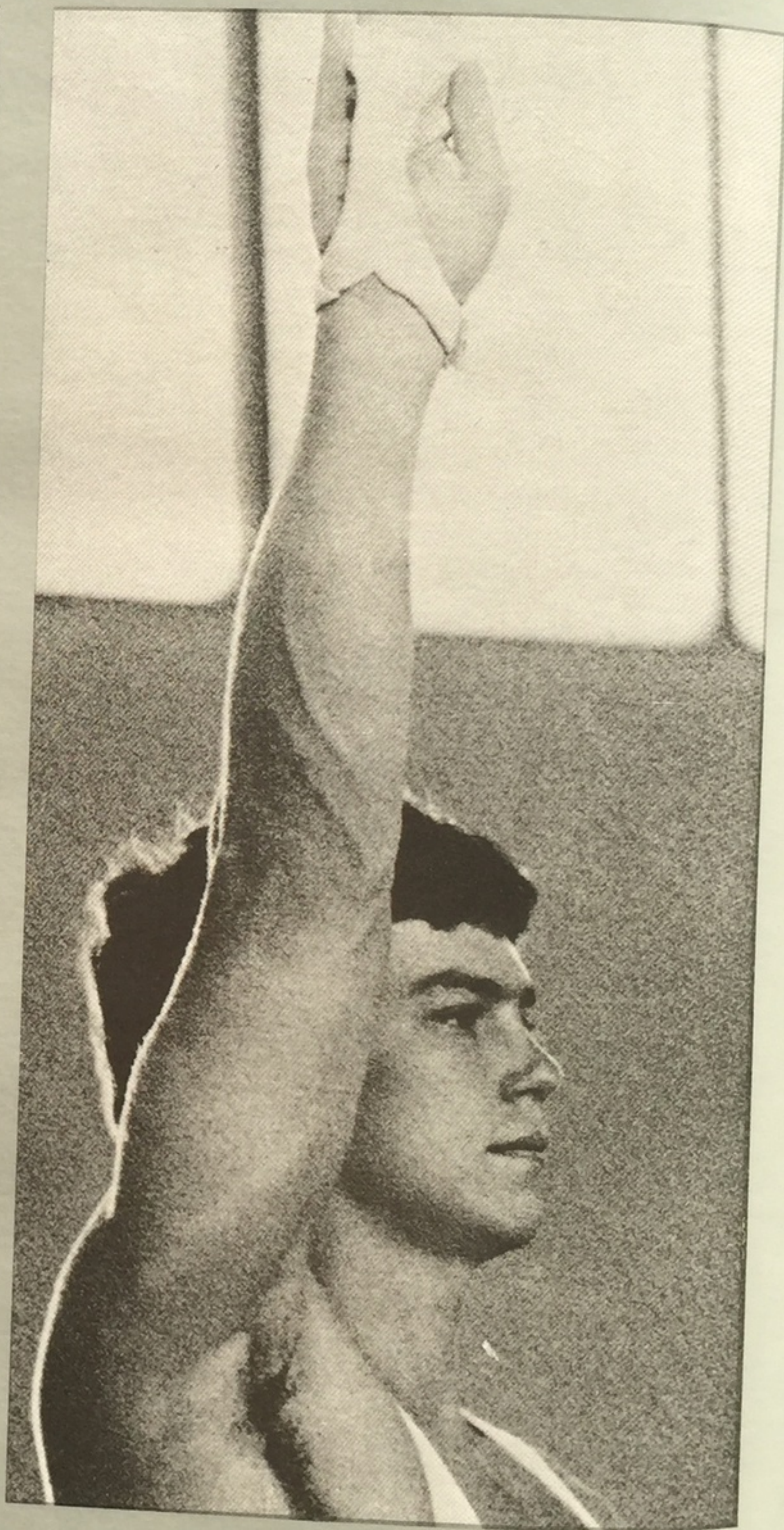
Когда умирал Петр Федорович Корчагин, хороший тренер и хороший человек из гимнастического города Воронежа, он позвал к себе Михаила Яковлевича Воронина и сказал: «Одно прошу — моего парня возьми себе». Речь шла об ученике Корчагина Саше Ткачеве.

Как судить, почему он так завещал? В качестве действующего тренера Воронин был не очень опытен. Но думается мне, что привлек Корчагина спортивный путь Михаила — тернистый. Став абсолютным чемпионом мира в двадцать лет, он счел недостойным себя где бы то ни было более проигрывать, а чтобы оставаться на вершине, следовало обновлять репертуар, чему препятствовали бесчисленные микротравмы. Путь страдания — есть путь познания, может быть, это имел в виду Корчагин, а может, и то, что и его ученик, повредив в юности голеностоп, при соскоках испытывает болезненный укол, стараясь, чтобы этого не заметили. Умеющие терпеть друг друга поймут.

Саша Ткачев наделен непомерным богатством — его мышцы словно начинены порохом. В его манере выступать заключено невыразимое обаяние, приводящее в восторг не только рядовых зрителей, но и специалистов всего мира — в не меньший, чем сверхсложная программа. Но титулов у него не столько, сколько могло бы быть по таланту. Он критичен к себе так, что самоанализ доходит до самоуничтожения.

Александр Ткачев

Абсолютный
чемпион Европы
1981 г.

Чего уж больше: спрошенный на пресс-конференции, трудно ли делать головоломный «перелет Ткачева», опустил девичьи ресницы и молвил: «Легко, надо только за перекладину ухватиться».

Воронин и сердится на него за это, и любит — как все мы. Такого нельзя не любить.

Людмила Турищева

Абсолютная
олимпийская
чемпионка 1972 г.
Абсолютная
чемпионка мира

1970 и 1974 гг.
Абсолютная
чемпионка Европы
1971 и 1973 гг.

В Леселидзе на летнем сборе она взяла за правило по утрам купаться в любую погоду. В то утро моросил прохладный дождь, вздувал валы, как паруса, тугой ветер. Корбут — вечная конкурентка — сказала ей: «А ну, посмотрим, как ты влезешь в воду».

Она подошла к кромке пляжа. У тренера Владислава Растороцкого, творца ее характера, и то защемило опасением сердце. Турищева сдвинула крутые брови, упрямо склонила голову и решительно шагнула в пену прибоя. Через минуту ее шапочка мелькала вдалеке — она плыла саженками навстречу приливу. И тут послышался искренний возглас Корбута: «Попробуй выиграй у такой!».

О том, как беспрекословно она была послушна тренерской воле, можно рассказывать поучительные притчи. Помню, он сделал ей суровое внушение по поводу лишнего чебурека, съеденного в день отдыха — в свой день рождения! У нее были некоторые нелады с весом. И она со слезами на глазах говорила мне тогда: «Прав Владислав Степанович, это я виновата, что вчера расслабилась. Ни к чему вообще отдыхать, только выбиваешься из колеи».

Но когда тренер вслух размышлял, что-де времени для занятий все же не хватает, она и только она могла сказать: «А почему надо спать до семи? Давайте вставать в пять тридцать, а в шесть начинать тренировку».

Попробуй, действительно, выиграй у такой!

Честолюбие — нормальная черта чемпионского характера — было мало присуще ей. Может быть, главный секрет заключался в том, что Растороцкий сумел усилить и даже в какой-то мере заменить чувство самоутверждения в ней иным — ощущением общественной важности спортивного дела. Дорога к свершению была единственно возможной дорогой, а свершение словно бы не принадлежало ей, возносило, но не заносило, поскольку она добивалась успехов не сама по себе, а словно от имени и по поручению.

Она рано почувствовала себя человеком, чьи слова и поступки принадлежат не только ему одному. Думается, тяготы, на которые она шла, добиваясь в школе и институте только отличных оценок, связаны тоже не с честолюбием, не с инерцией, владеющей иными зубрилами-пятерочниками, приходящими в ужас от угрозы просто хорошей отметки. Она была убеждена, что Турищева в жизни обязана быть равна Турищевой на пьедестале спорта — равна, не ниже.

...Годы спустя, выйдя замуж за Валерия Борзова, выдающегося спринтера, родив дочь, судья международной категории, член технического комитета Международной федерации, Турищева со скромной гордостью и бескомпромиссностью говорила мне, что считала бы зазорным, если бы с девочкой возились бабушки и дедушки. Только сама, только сама.

Ольга Корбут

Чемпионка
Олимпийских игр
1972 и 1976 гг.
Чемпионка мира
1974 г.

Летом шестьдесят девятого в Ереване шла Спартакиада школьников. На тренировке падала и падала с брусьев невзрачная крохотная девочка — ключицы-ножики, мочальные волосенки торчком. Стояла жара, мокрые руки скользили по жердям, она их беспрестанно пудрила магнезией, потом вытирала лицо — оно стало белой клоунской маской. Тренер невозмутимо покачивался на стуле и тихо приговаривал: «Опять мимо? Давай еще десять раз». Маску прорезали струйки пота и слез.

Кто знал, что возникает знаменитый элемент, много позже окрещенный (по аналогии с «петлей Нестерова» — смертельным номером, проделанным на аэроплане-этажерке бесстрашным русским авиатором) «петлей Корбут»? Кто знал, что «петля» породит дебаты, запреты и — под влиянием протестов общественности — разрешение? Что рождается

та самая окрещенная Ренальдом Кнышем «акробатика на снарядах», что грядет новая эпоха?

Три года спустя на Олимпиаде в Мюнхене хрупкое существо с челкой до бровей раскинуло руки, птичкой взлетело, сотворило нечто непостижимое уму, а судьи, чопорные дамы в седых перманентах, измерили чудо в баллах и обидели ребенка. Лишили вожаемой игрушки — золотого кругляша. Ребенок разрыдался в голос, и телетехник-звукотехник ловким микрофоном многократно усилил этот голос, камера укрупнила гримасу детского рева. Плач Корбут огласил мир. И единым сердцем мир испытал жалость и гнев — как смели обидеть ребенка?

Была безвестная гимнастка из Гродно. Стала — дитя человечества.

Далее — невероятное. Вихрь славы, смерч моды. Прически а ля Корбут, косынки, сумки, безрукавки с ее портретами. Заокеанские девочки создают объединения и заказывают в типографиях конверты с грифом «О. К. фэн клуб» — клуб фанатиков Ольги Корбут. Она едет в международное турне, города оклеены афишами, на них одно слово: «Ольга». Нью-Йорк, многоярусный зал «Мэдисон сквер-гарден». Звучат многоэтажные титулы чемпионов, трибуны рукоплещут. Внезапно гаснет свет, прожектор озаряет выход из-за кулис. «Леди и джентльмены — Ольга Корбут!» Без титулов. Рев, шквал, самум.

В небе фейерверк — огненное «Ольга». В небе спутник, специально запущенный, чтобы транслировать из СССР в Соединенные Штаты интервью с нею — четверть часа.

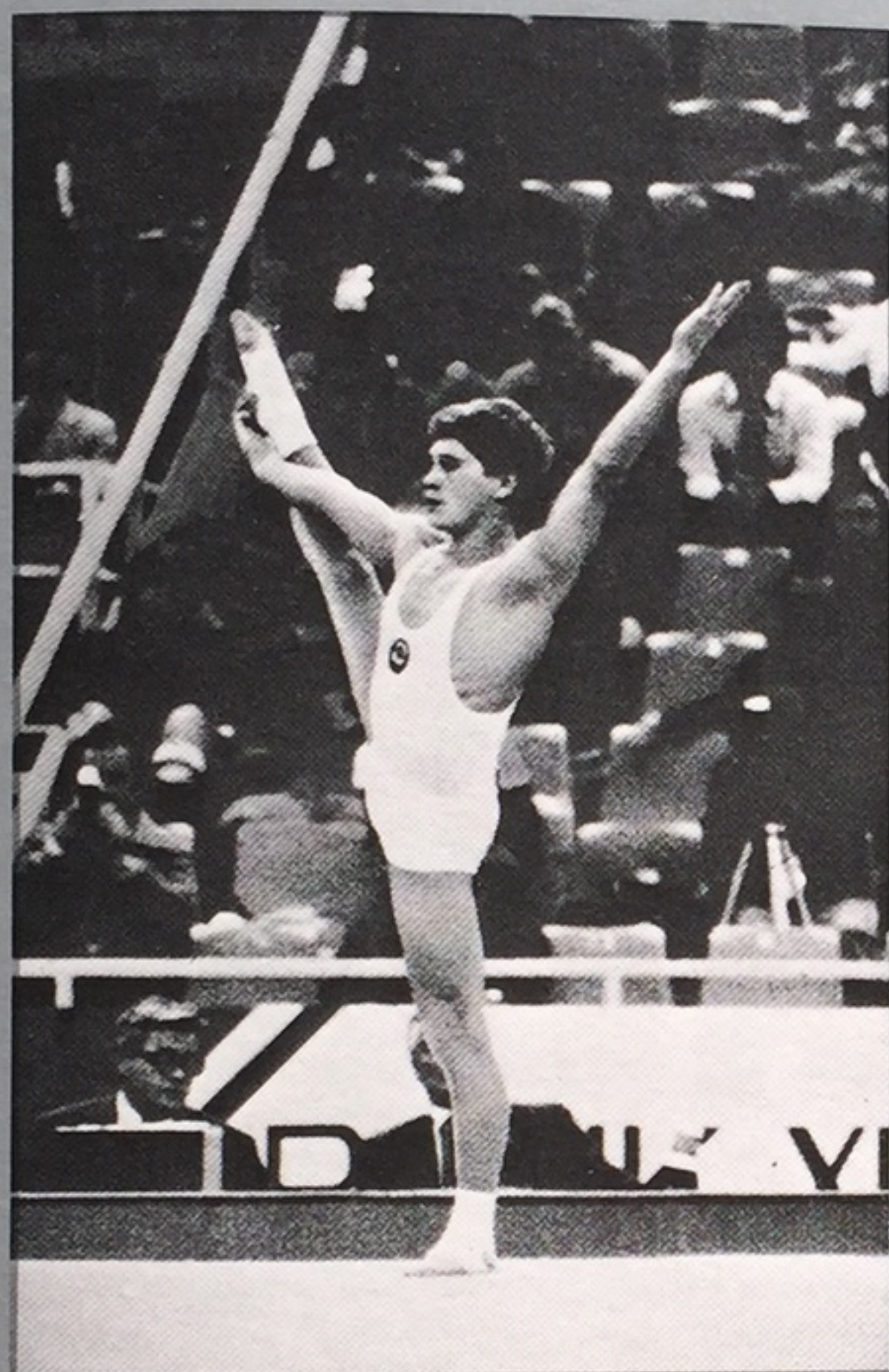
Она входит в Белый дом и на Даунинг-стрит, президент и премьер жмут ей ручку, стараясь выглядеть фотогеничнее на этом снимке, который станет оружием в их предвыборной борьбе. Она входит в каждый дом, и мы гордимся самым юным и не дипломатичным представителем нашей дипломатии, чьи верительные грамоты — отвага и обаяние.

Наделенная даром совершенной естественности сценического поведения, она шагает по помостам, небрежно помахивая ручкой обожающей ее публике — тонкая, звонкая, ладная, складная, и все ей нипочем.

Шагает, оттягивая носочки, прямиком в историю, которой лишь это предстоит запомнить, забыв, что всю коротенькую спортивную жизнь Ольга пылала на костре жажды хоть раз победить упорную Турищеву. И не смогла.

Юрий Королев

Абсолютный
чемпион мира
1981 г.

Город Владимир славен величавым Успенским собором на крутом откосе над Клязьмой, Золотыми воротами, могучими заводами и редкостной вишней. От Золотых ворот на троллейбусе минут двадцать до невидного кирпичного зданьяца, которым Владимир тоже славен. Там гимнастическая школа, где выросли Николай Андрианов и Юрий Королев.

Основатель школы Николай Григорьевич Толкачев в пору, когда превосходство японцев в мировой мужской гимнастике казалось незыблемым, горделиво провозгласил: «Догнать и перегнать». А во времена оны сказано бе, что, де, «не летать человекам на небеси, аки птицам». Но пришел дерзкий мужичонка — волосы что рожь, глаза что васильки, нос торчком (точь-в-точь Коля Андрианов) — смастерил крылья и взлетел с откоса. Крылья Андрианову сделал Толкачев, характер парень приложил собственный.

Дитятин, Маркелов, Ткачев, Макуц, Азарян, Акопян — они следом шли. И Королев, самый младший, тоже.

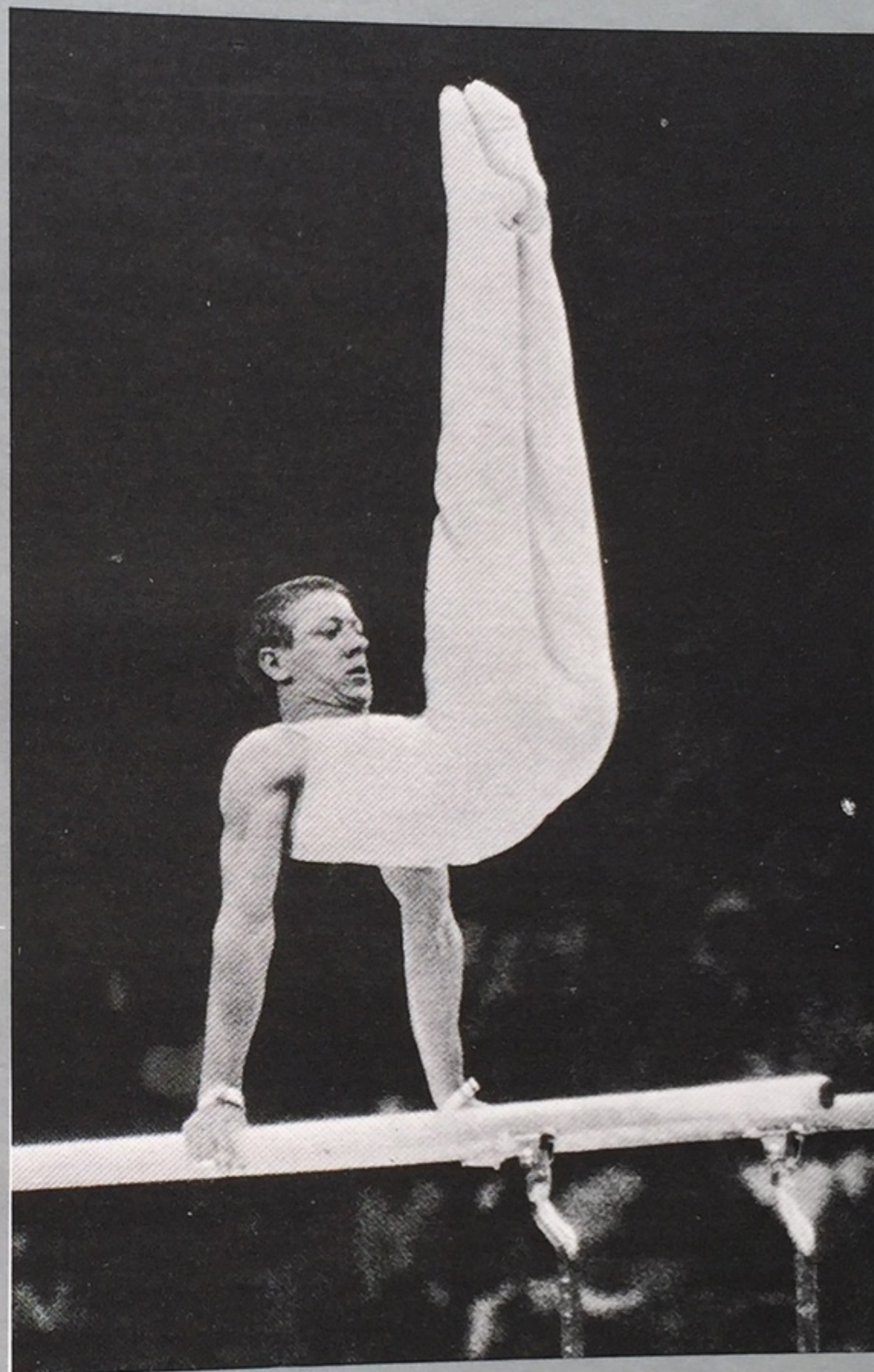
Андрей был их знаменосцем.

Толкачев писал когда-то в письме, изъясняясь присущим ему фельетонно-раешниковым слогом:

Николай Андрианов

Абсолютный
олимпийский
чемпион 1976 г.

Абсолютный
чемпион мира
1978 г.

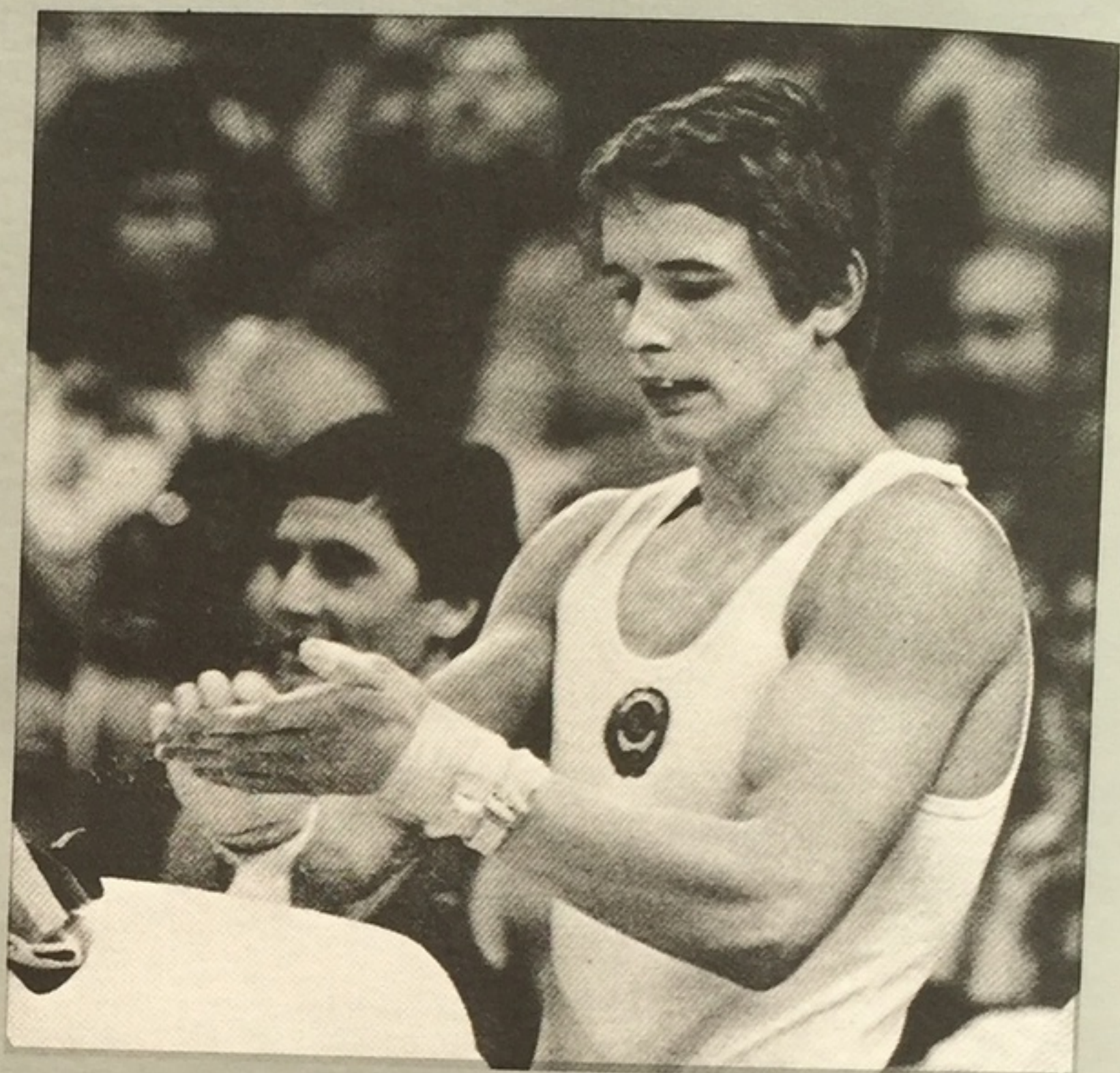
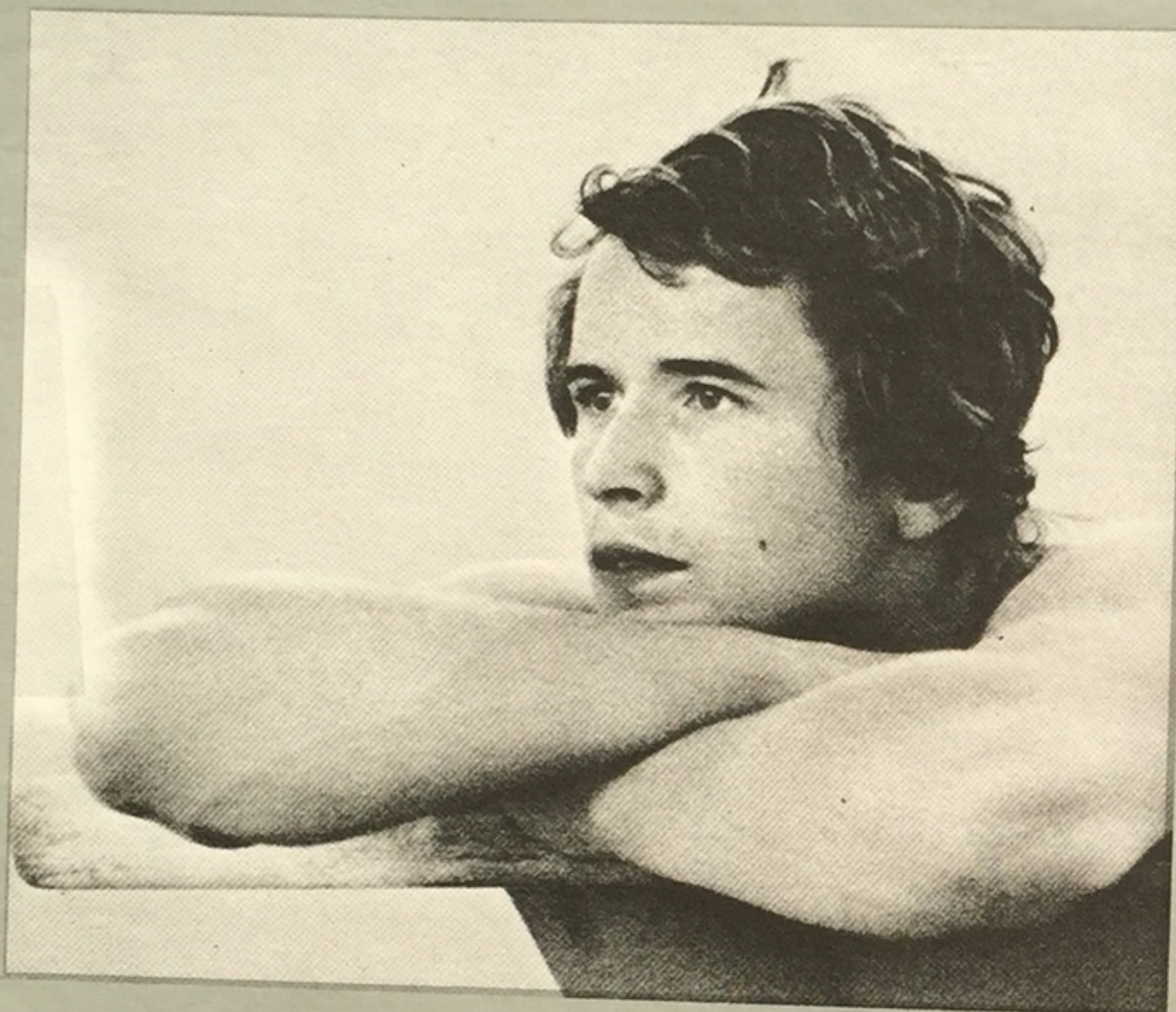
«При мысли о том, что когда-нибудь вся сборная будет заполнена владимирскими гимнастами, душа моя трепещет. Надеюсь, сей факт обойдется для нас без последствий». Году в семьдесят девятом сборная РСФСР состязалась в Лондоне со сборной Великобритании. Команда состояла из гимнастов Владимирской школы. И на левом фланге — по росту — стоял белоголовый и почти иконописный, как нестеровский отрок, лишь с необоримым лукавством в глазах — Королев Юра.

Еще два года спустя он стартовал на чемпионате Европы. Был вторым, а выиграл Ткачев. Королев сказал: «Дай посмотреть золотую». Подбросил кругляш на ладони: «Такая и у меня будет». Такой у него пока нет, но через несколько месяцев он получил другую, более увесистую — золотую медаль абсолютного чемпиона мира.

Александр Дитятин

Абсолютный
олимпийский
чемпион 1980 г.

Абсолютный
чемпион мира
1979 г.

Даже сейчас, когда мы привыкли к молодым, совсем юным чемпионам, победа 17-летнего Александра Дитятина в 1975 году на Спартакиаде народов СССР выглядит фактом необычным. Он тем более необычен, что за полтора года до того на Спартакиаде школьников строй ленинградской команды замыкал маленький щуплый мальчик с цыплячьей шеей, а потом вдруг вымахал на две головы, отяжелел и перестал справляться с весом — сосиской висел на кольцах. Я допытывался у его тренера Анатолия Ярмовского, как удалось быстро и безболезненно миновать сложный вираж, загнутый в Сашиной жизни матерью-природой, но неизменно вежливо-молчаливый Ярмовский улыбался и твердил одно: «Мы много работали».

Как бы то ни было, в 1975 году на помост вышел атлет не по-гимнастически высоченный, пока несколько хрупкий (это сейчас он даже чуть сутулится под броней мускулов, которые впору атлантам, поддерживающим портик какого-нибудь ленинградского дворца). Лицо же было столь наивно-детское, что дочь одной гимнастической знаменитости не без ехидцы заметила: «Родился, удивился и таким остался». Выигрывал он в тот сезон непререкаемо, но сомнения были — надолго ли хватит юнца?

Казалось, не надолго — в следующем году он, вроде бы, захандрил, и его кандидатура в олимпийскую сборную оказалась под большим вопросом. И

вот тут проявилось главное качество, сделавшее его таким, каков он есть. Нерушимая, несгибаемая, нержавеющая воля. Ничему не подвластная. Благодаря ей он и в Монреале, и дальше стал сначала вторым за Андриановым, потом сменил его на посту лидера.

Его главные победы отличались прежде всего непререкаемостью. Он не ошибался. Не терял ни доли балла — поистине живой непотопляемый ледокол. А строгой, скупой и чеканной манерой исполнения он похож на Чукарина.

Он замкнут и по внешней видимости безразличен к славе. Он делает дело, не отвлекаясь на мелочи. Он как бы от всех в сторонке, живущий самоуглубленной внутренней жизнью. Они с Ярмовским на тренировках похожи на молодого доцента и моложавого профессора, погруженных в свои мысли и лишь изредка обменивающихся одним им понятными терминами.

И лишь в те минуты появляется на лице Дитятина нечто трогательно-детское — помните: «Родился, удивился и таким остался», — когда в могучие объятия отца с ходу бросается его сын Алеша.

Впрочем, это бывает еще и тогда, когда Саша окапывает яблони на родительском садовом участке и отдыхает душой от многолетнего напряжения, лежащего на его плечах, точно портик на плечах атланта.

Ольга Бичерова

Абсолютная чемпионка мира 1981 г.

Абсолютная чемпионка Европы 1983 г.

Да, у нее сверхсложная программа. Да, ее стабильность отменна. Свою внешне неожиданную победу на том, московском первенстве мира она подтвердила и на Кубке мира, и на первенстве Европы. Но есть секрет, сделавший юную милую простушку лидером нашей и мировой гимнастики в начале 80-х годов. Орлов когда-то взял ее к себе в группу, прельстившись не силой и не гибкостью особой, но пытливостью взгляда. Ее мастерство не по-детски осознанно, и от тренера она ждет обоснованной постановки любой задачи. В этом, конечно, разгадка.

И больше — в том, что талантливый педагог Орлов сумел придать работе характер игры, забавы, увлекательность, сохраняющую те волоконца, которые больше всего накаляются, а порой перегорают, у сверстниц Ольги. Нервы.

Потому-то она так свежа. Потому и не знает сомнений, и турнир для нее не труд, не бой, а радость.

Вот такой внешне простой, но мало кому доступный и очень поучительный секрет.

Тренер Борис Орлов честно пытался ответить на вопрос, за счет чего одолела всех на первенстве мира самая юная (15 лет) и самая маленькая (137 сантиметров) его ученица. «Желание? Так и другие тоже желали... Подготовка? Так все самоотверженно готовились... А вот, может быть... Хотя это чисто субъективное... Для нее чемпионат был веселый праздник. Ее ничто не угнетало. Может быть, за счет этого?»

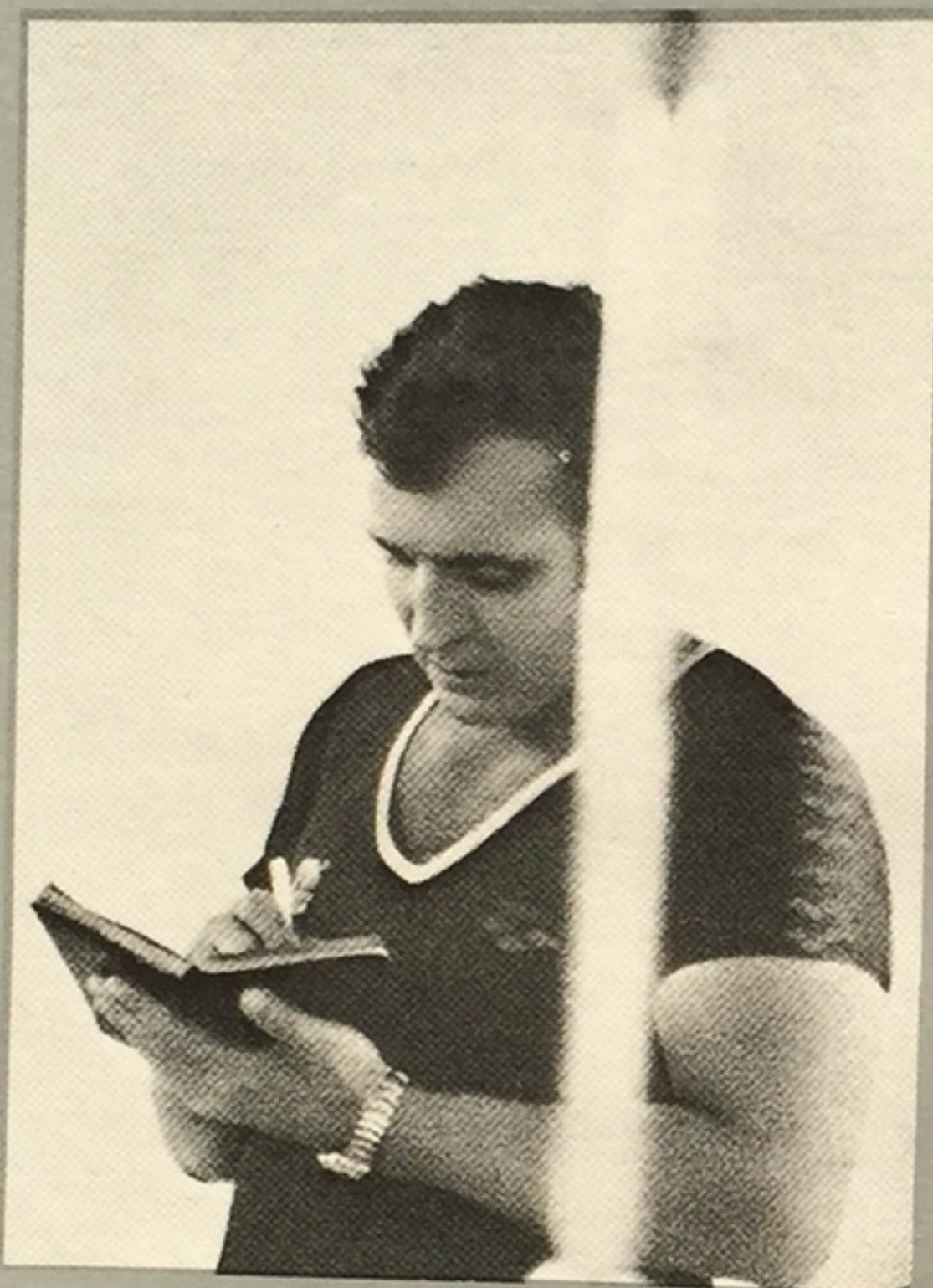
Я не сразу понял, насколько он прав. Понял, понаблюдав на тренировках. Какое удовольствие видеть этих двоих — Бориса Георгиевича и Олю, когда взрослый и ребенок то рассуждают серьезно, как взрослые, о тонкостях элементов, то шалят, озорничают, как дети! И маленькая Ольга невинно и победоносно кокетничает с наставником, и я говорю, что понимаю его трудности: на чудесное это существо, круглолицего эльфа из московской школы № 220, невозможно повысить голос, а он недоумевает: зачем повышать?

На сборах они собирают грибы, разговаривают о нраве собак, кошек и обо всем на свете. Орлов привозит ей из Москвы томик О' Генри, но она берется за него не раньше, чем выучит уроки. Мы едем в Подмоскowie на встречу со школьниками, Ольга по дороге решает задачу по геометрии, и, решив, с очаровательной непосредственностью говорит: «А расскажите что-нибудь смешное. Или, если хотите, я расскажу».

Леонид Аркаев

Старший тренер
мужской сборной
команды СССР —
олимпийского
чемпиона 1980 г.,
чемпиона мира 1979
и 1981 гг.

В Ленинграде, в Русском музее, есть картина художника Жилинского «Гимнасты» — групповой портрет сборной. Она ярка, жизнерадостна по краскам, только лица на ней — Шахлина и Титова, Лисицкого, Леонтьева, Кердемелиди и других — суровы. В центре композиции рослый, белокурый, голубоглазый атлет, натирающий большие руки магниезией, уставился на зрителя в упор мрачно, словно спрашивая: «Что глядите, что? Да, проиграли». Это Леонид Аркаев.

Он из поколения, встретившего поражение в Риме в шестидесятом, и жившего с ним, как с занозой в сердце, двадцать лет.

Он родился перед войной, в сороковом, а в сорок третьем погиб на фронте отец, московский слесарь. В семье было трое детей, мать работала вахтершей, жили скудно. Когда Лева — отец его звал не Лене́й, а Лево́й — пошел записываться в секцию коньков, то замерз в тощем пальтишке и вернулся. В гимнастику его взяли «по блату» — слишком был слаб. В зале было светло, просторно и радостно, и Лева старался как мог, чтобы не выгнали.

Он был в сборной, но немного свершил. Считает, что тогда недорабатывал. Сейчас учит, что когда трудно — «под завязку» — это вполне нормально, а «звезд», которые рядом, надо уважать, но не бояться желать их превзойти. Учит тому, чего не смог, не понял сам.

В семидесятом году, когда на чемпионате мира мы потерпели самое тяжелое поражение от японцев — ни одной золотой медали — он был там, в Любляне, уже туристом. Тогда и случился тот (ночь напролет) разговор между ним и Титовым, в котором дипломированный инженер предложил свой вариант выхода из прорыва — здравомысленный и логичный, «инженерский», как сказал Титов. Будучи уже тогда начальником отдела, он спросил Аркаева, кто должен осуществлять этот план. «Доверь мне», — безапелляционно ответил Аркаев.

«Ищи у соперника, где он силен, у себя — где ты слаб». Его интересовали темпы роста японцев. Взять одного из асов и посмотреть, как год от года меняется, усложняясь, его программа. Это дает возможность экстраполировать комбинации на будущее — приблизительно знать, когда с чем столкнешься. Анализ содержания программ позволяет понять, что наши удачливые конкуренты считают самым перспективным.

Вскоре он знал их гимнастику, как свою. А своих побуждал трудиться с опережением, рисковать. «Упадешь во время соревнований, мы лыко в строку не запишем, если ты ошибся на сверхтрудном элементе».

Не всем по душе его грубоватая прямота — он не золотит пилюль. Случается, что он неровен в отношениях. Иные считают, что у него есть любимчики, и это мнение недалеко от истины. Он способен просто влюбляться в тех, кто бесстрашно и беззаветно идет на изучение нового. Но Андрианов, Дитятин, Акопян — все его «фавориты» собственными ногами вышли в большие люди, и нынешний — Дима Билозерчев — вышел тоже.

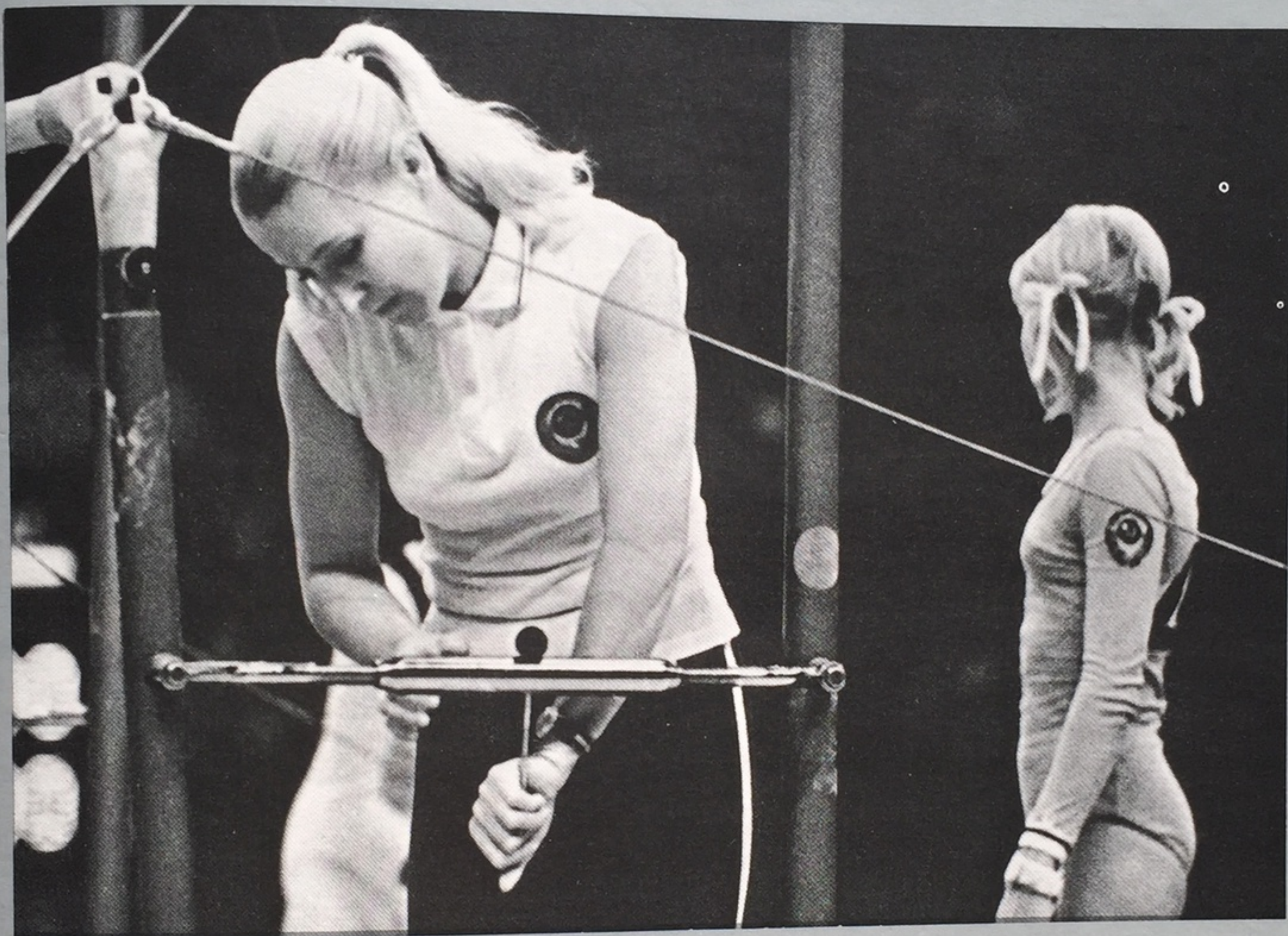
Этот старший тренер — пахарь, работяга. Это тренер без галстука. Он все делает сам — сам проводит разминки, сам ассистирует на снарядах, и на руках у него мозоли не от самопишущей ручки. Вместе с тем он сумел создать в сборной коллектив тренеров-единомышленников, в чем, пожалуй, его главная заслуга.

Мы ждали двадцать лет, он — половину жизни. И когда это случилось в Форт-Уэрте, он почувствовал, что очень устал. Как пахарь, прошедший плугом огромное поле.

Но еще он почувствовал, что уставать не имеет права. Впереди была Москва, Олимпиада, и еще Москва, чемпионат мира...

То, что сейчас уже позади. Там мы победили... Впереди иные поля. И его борозда продолжает-ся.

Тренеры

В тренировочном зале ты наделен силой и властью. У подножия помоста ощущаешь порой бессилие и беспомощность. Все, что мог, ты вложил в послушное тело, в послушную душу ученика, а сейчас, когда его черед подняться по ступенькам к снаряду, что можешь ты? Прикоснуться к плечу, шепнуть два слова — просто чтобы он знал, что ты — рядом.

Он на снаряде, ты видишь его ошибки ясней, чем судьи, и только по-детски надеешься — вдруг не заметят? Он делает все, чему ты его научил, а ошибки — оттого, что не научил, и мимолетно виня его («предупреждал, а он филонил»), ты подспудно клянешь и винишь все-таки себя. Однако ты знаешь, что именно сейчас нельзя держать в себе ни досады, ни боязни — ты веришь, что между ним и тобой натянута та незримая нить, по которой его боязнь и досаду принимать ты должен в себя, транслируя в ответ лишь уверенность и силу. Мысленно выполняя вместе с ним, на полсекунды перед ним, за него каждый элемент рожденной тобой комбинации, ты ведешь его, как несмышле-

ное дитя, за руку, и если он споткнется, обвинишь ты опять же себя.

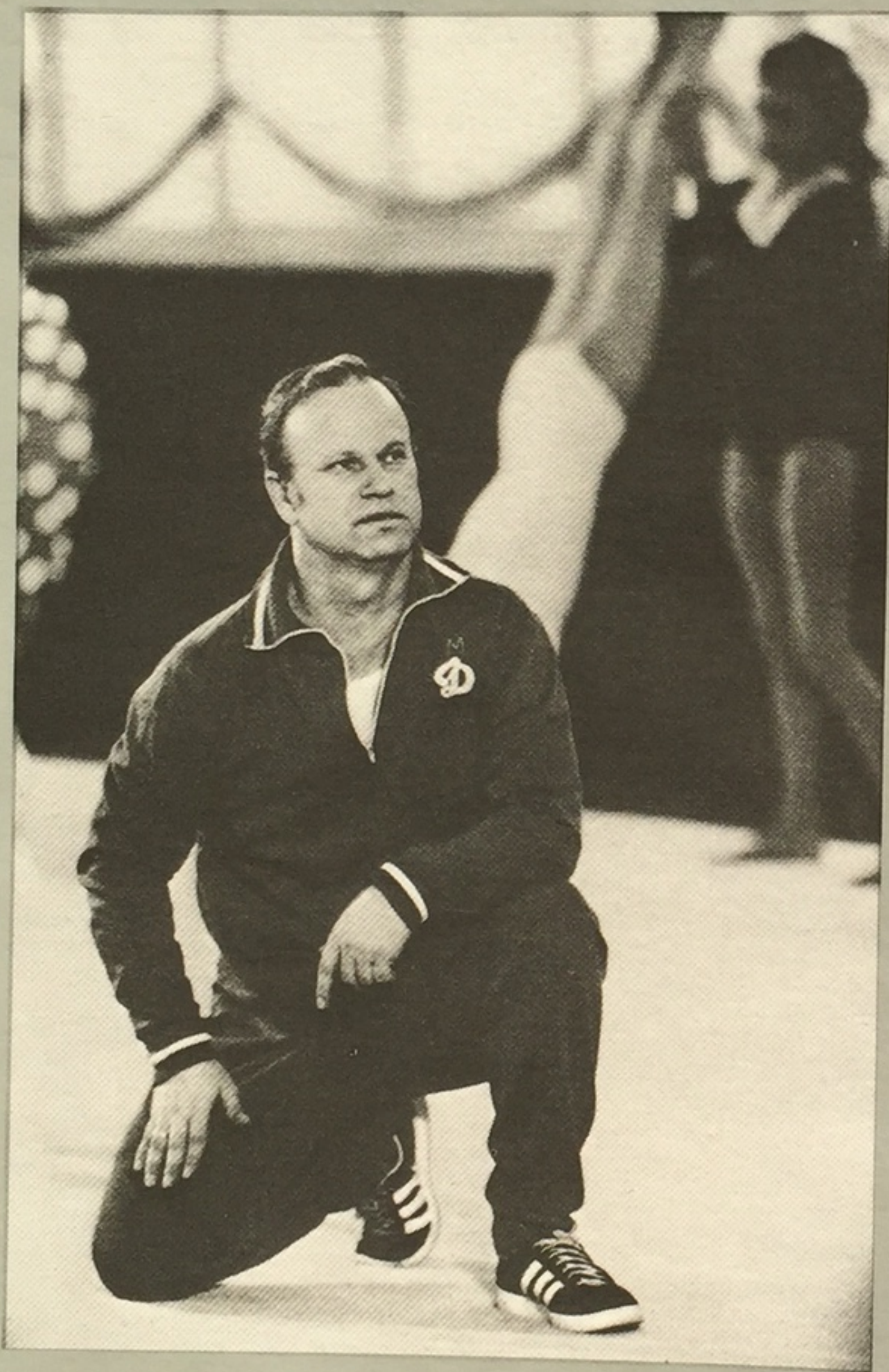
Тренеры сидят рано.

Когда Лена Давыдова сражалась в Москве за звание олимпийской чемпионки, ее тренер Геннадий Коршунов сидел на самом верху, под потолком лужниковского зала. Вспоминал ли тогда он самый черный и страшный миг своей жизни — как в Леселидзе на сборе она неудачно прыгнула с батута, ударилась спиной о бортик, ее скрутило — затылком к пяткам, и она зашлась криком? Он вез ее в Гагру, держа на руках, а она кричала, не переставая. В больнице сказали, что рентген будет только утром, и он всю ночь сидел у моря, думая: «Если что... заплыву подальше и не вернусь».

Вспоминал ли? Конечно, нет — до того ли ему было? Его сейчас бросало то в холод, то в жар, а он всеми силами старался хранить спокойствие, зная, что там, далеко внизу, Лена чувствует его присутствие. А сидящий с ним рядом Владислав Степанович Растороцкий то и дело дубасил по его колену пудовым кулаком — болел за него, как за

себя, за Ленку, как за свою Наташку, за которую уже переболел: она упала и отстала.

Мы с Растороцким давно дружим, и у меня спрашивают порой, в чем его тайна. Около двух десятков лет дает он пополнение сборной — Турищева, Шапошникова, Юрченко, Шишова. И земной шар объехал вдоль и поперек, а все, как был, медведище, чудак, герой всяческих забавных историй, имеющих хождение в тренерских кругах.

И нет в нем, милом моем Славе, ничего от наших великих. Ни кутузовской умудренности и спокойной веры в справедливость силы и силу справедливости, свойственной нашему патриарху Александру Семеновичу Мишакову, воспитавшему Латынину и Шахлина. Ни поэтической фантазии Владимира Александровича Смирнова, творца образа Астаховой. Ни высокого фанатизма, бетховенской страсти Юрия Эдуардовича Штукмана, создателя воронежской школы. Ни ледяной логики, аналитичности, остротой подобной скальпелю, присущей Константину Сергеевичу Каракашьянцу. Ни гениальной изобретательности Ренальда Ивановича Кныша.

А что есть? Во-первых, думаю я, сила. Двужильность, трехжильность. Да, сила потребна тре-

неру, чтобы страховать ученика. И только? Не только. Чтобы переносить то, о чем сказано выше, потребны не только бицепсы неохватные — характер. Сколько за двадцать лет сошло людей с круга, усталых, разочарованных, надорвавшихся физически, подточенных равнодушием, а Растороцкий держит темп в несусветной этой гонке, и все ему, похоже, нипочем.

Во-вторых, думаю я, его несет в этой гонке, как парус, святая вера в святость дела, которое он делает. Он может ночами напролет размышлять о жизни замечательных людей, описанной в одном из томиков любимой им серии «Жизнь замечательных людей», и примерять на себя их поступки, и безжалостно исчерчивать страницы этих книжек, указывая, что в них надо прочесть и запомнить ученицам. Он верит, что воля и страсть творят чудеса: «Бывают минуты, когда человек, прыгнув с самолета, без парашюта летит».

Энтузиазм — качество не только не очень часто встречающееся, но и уязвимое, способное пропасть без следа. Но Растороцкий со своими твердокаменными принципами и головокружительными идеалами защищен от разъедающего скепсиса, и, значит, его ученицы — тоже.

...Он грохнул кулаком по колену Коршунова: «Генаха, твоя взяла!», а стены Дворца спорта готовы были, кажется, обрушиться от оваций, когда ясноглазая Лена Давыдова, раскинув руки, застыла в финале вольных, и все всем стало ясно.

Она сбежала вниз, а зал грохотал, цветы летели по трибунам, как пена, сверху вниз, и потом снизу вверх — на помост. И Лена, сама не своя, взбежала на ковер снова — кланяться и благодарить, что, вообще-то говоря, в гимнастике не положено, но больно уж ей захотелось — от восторга.

Растороцкий обнял Коршунова, прижался головой к голове. Одна была совсем сивая, другая — с висками, которые, кажется, только сейчас припудрило.

Лица чемпионов, когда они на пьедестале почета, видит весь зал — в лучах прожекторов. Видит весь мир — крупным планом. По телевизору.

Ты вдали от пьедестала. Тебе сейчас не нужно литавр. Они звучат в тебе.

Нет, не так я сказал. В тебе иное — самоотреченная гордость учеником и бескорыстная любовь к нему.

Не стыдись слез, мой друг тренер. И счастья не стыдись — оно воздаяние за все, что ты претерпел, ведя ученика на этот пьедестал.

Великий советский спортивный педагог Виктор Ильич Алексеев говорил: «В тренерской профессии главное — терпение и знания, но терпение — главней».

Кого не видят зрители

Говорят, режиссер умирает в актере. Но умирая в нем сиюминутно, он имеет шанс остаться в истории. Большой театр второй уж век бережно хранит «Лебединое озеро» в постановке Мариуса Петипа — меняются Одетты и Одиллии, принцы и злые гении, а на афише напечатано, как на скрижалях высечено, имя русского француза с усиками в стрелку. Да что балет: сегодня и драма — воплощение идей постановщика в той же мере, в какой Шекспира или Чехова. И кинематограф — коль речь идет о его вершинах — являет зрителю не столько лики суперзвезд, сколько то лицо, которого нет на экране, но само оно — экран мыслей и чувств: Феллини, Бергмана, Александрова.

И лишь в одной области творчества режиссер умирает в актере безвременно и безвозвратно. В гимнастике. Речь идет о хореографе-постановщике вольных упражнений.

Имя исполнительницы гремит по планете. Скажем, Людмила Турищева. Имя тренера — кто не знает? — Владислав Растороцкий. Аида Селезнева — вы о такой слышали? Ну, химики могут сказать, что знают: перспективный ученый...

Между тем, не будь Селезневой, много бы утратила и слава Турищевой. Потому что в женском многоборье вольные представляют не просто один из четырех видов, но нечто неизмеримо большее. Какой бы ловкой, сильной и волевой ни была спортсменка, без ярких вольных она безлика. Этюд на ковре раскрывает характер, показывает способность творить. А Турищева в девичьи годы долго была просто безупречным живым мускулом, ее душа дремала. Только когда Селезнева, занимавшаяся постановочной деятельностью для удовольствия, в свободное время, задалась целью составить упражнение для замкнутой и стыдливой девочки и нашла решение, бывшее, точно выстрел, «в яблочко», мир был поражен и завоеван.

Решением был «Выходной марш» Дунаевского из фильма «Цирк». Его бравурные такты, его оптимистическая прямота и безыскусность пришлись совершенно под стать прямому и безыскусному характеру исполнительницы. Именно в тот момент в Турищевой появилась смелая раскованность, которая позднее позволила ей исполнить такие разные этюды на ковре, как «Девушка моей мечты» и, например, «Свободу Африке».

Мне повезло застать расцвет мастерства ташкентского хореографа Эллы Сумароковой, создавшей «театр одной актрисы» — Эльвиры Саади. Сумарокова и Саади подлинно нашли друг друга,

неуемные мечтательницы, фанатички, дьяволицы, по сто раз на дню ненавидевшие и обожавшие друг друга. Сумарокова поставила для Саади, о поразительной, газельей гибкости которой мог бы слагать свои газели великий Саади, балет ее жизни — в четырех упражнениях, как в четырех актах. Первый — это «Шурале» на музыку известного татарского композитора Яруллина, где девочка танцевала сказочную птицу с подбитым крылом. Второй — «Полишинель» Рахманинова — не забыть, как среди вихря акробатики маленький трагический шут срывал и не мог сорвать смеющуюся маску. Третий — «Шехеразада» Римского-Корсакова: более, чем кто-либо из гимнасток, склонная к перевоплощению, Эльвира изображала здесь и Шехеразаду, и шаха, и даже морские волны. Четвертый — «Половецкие пляски» Бородина, номер, по изысканности, пряности, страсти и неге Востока...

Люблю щедрый сочный дар москвички Лилии Соколовой, юмор и неожиданность ее выдумки. Тут она сродни известному театральному режиссеру Марку Захарову, рискнувшему занять в трагической, в сущности, роли чеховского Иванова первого нашего комика Евгения Леонова. Соколова же рискнула для Маши Филатовой, сибирского каленого орешка, поставить «Сегидилью», где Маша была если и пылкой испанкой, то не Дульцинеей, а Альдонсой, и не из Тобосо, а из села такого-то Тобосского района, и озорничала настолько, что просто прыгала по коврику на собственном мягком месте.

В зальчике детского сада, пустом в полуночную пору, пущенная сюда по знакомству, мытарится Селезнева. Бродит, глаза — лезвия, губы в нитку, страдальчески оттягивает назад со лба тяжелую гриву. Гимнастка комочком в углу — ждет. Веврик, муж Селезневой и соавтор лучших ее работ, робко предлагает: «Адочка, а может, так — прыжок, и упасть?» «Ай, оставь, ради бога, пусть она сама поимпровизирует, а ты поиграй — только чтоб мне аллегро, а не каша в пальцах». Девушка пляшет и вьется под музыку, Селезнева впиалась в нее взглядом: «Слушай, здесь надо быстро, но нежно. Ты собак любишь? Представь — щенок слева бежит и справа. Одного мимоходом погладь и другого. Стоп. Все не то». Идет в свою машину, включает зажигание. Поет, морщится. Едет на красный свет.

Соколова гневно молит со скамеечки — залиvisto, на весь зал: «Рас-крой-ся! Расцвети! Вся к солнцу!» Вскакивает, бежит на ковер показывать — внешность у нее основательная, я бы сказал, рубенсовская, темперамента — вперехлест... Три таких показа — валидол из сумочки: «Не щадите вы Лилию Николаевну, уморите Лилию Николаевну, что делать будете?» И внезапно, оглушительно: «Руки! Руки к ушам! К бантам! Нет! Смотри!» Вылетает на ковер.

...Если вы увидите, как среди уличной толпы некая стройная дама средних лет внезапно впадает в прострацию, закатывает очи, странно поводит ладонями, не торопитесь считать ее психически больной. Может, она — по Маяковскому — «прекрасно больна». Может, она — хореограф.

ББК 75.6
Г48

Гимн гимнастике: Альбом/Текст Токарева С. Н.;
Г48 Фото Сафронова В. И.—М.: Физкультура и спорт,
1984.— 192 с., ил.

Альбом рассказывает об одном из самых сложных и красивых видов спорта — спортивной гимнастике. В нем раскрываются ее основные качества, ее психология. Читатель познакомится как с миром соревнований, так и с подготовкой к ним, с тренировочным трудом, поиском новых элементов, историей гимнастики.
Для широкого круга читателей.

Г 4202000000-007
009(01)-84 91-84

ББК 75.6
7А1

© Издательство «Физкультура и спорт», 1984 г.

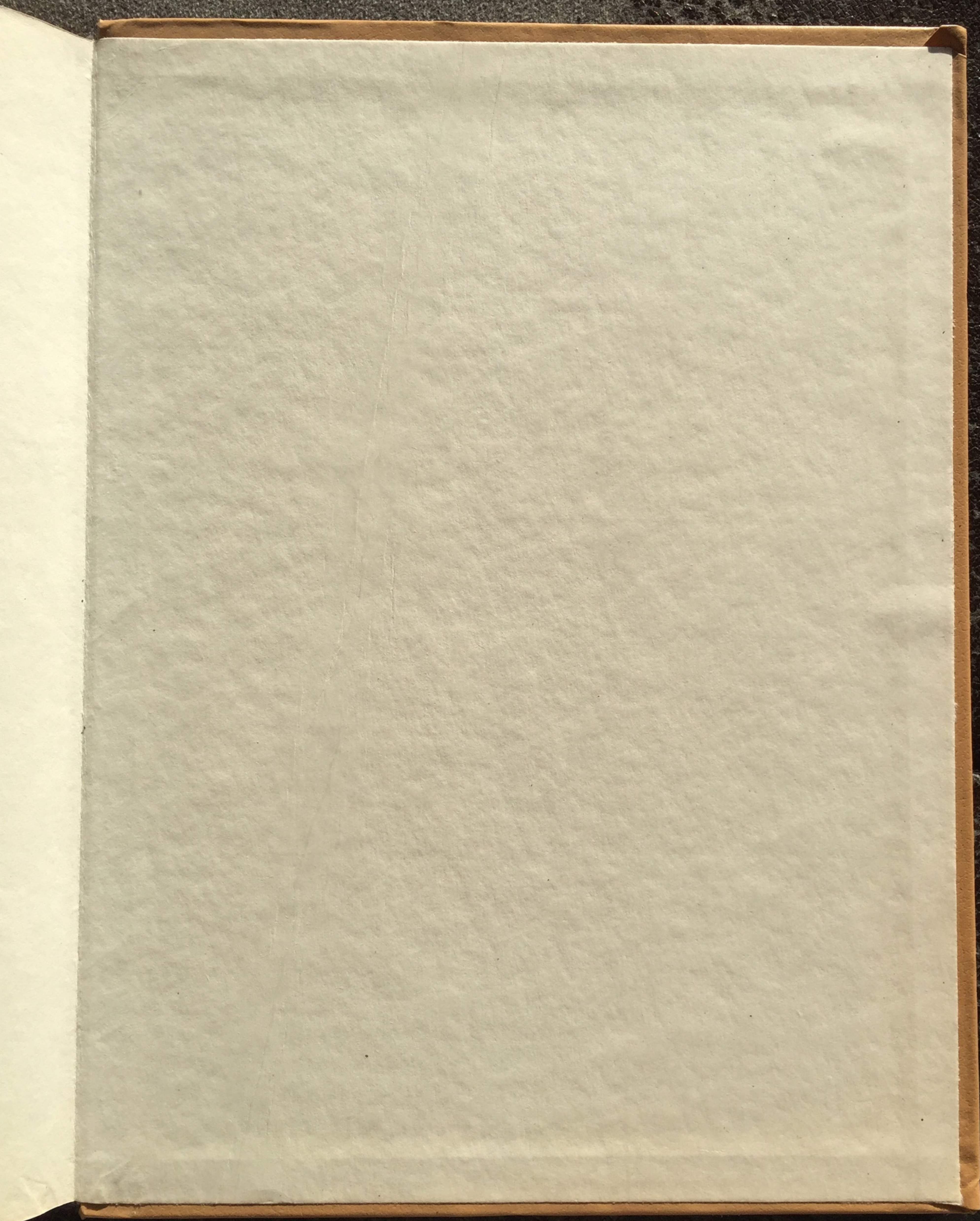
ГИМН ГИМНАСТИКЕ

Текст С. Н. Токарева
Фотографии В. И. Сафронова
Оформление А. Б. Буркатовского

Редактор А. К. Гринкевич
Художественный редактор А. В. Жигарев
Технические редакторы О. П. Жигарева, Н. А. Суровцова
Корректор Э. В. Солдатенкова

ИБ № 1564. Сдано в набор 19.08.83. Подписано к печати 19.04.84. А10962. Формат 60×90/8. Бумага мелов. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. п. л. 24,0. Усл. кр.-отт. 101,0. Уч.-изд. л. 27,40. Тираж 50 000 экз. Издат. № 7084. Зак. 2082. Цена 7 р. 10 к., в суперобложке 7 р. 20 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, ГСП, Москва, К-6, Каляевская ул., 27.
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валуевская, 28.

Sp. 10. v.

